

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Факультет международных отношений

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЕВРАЗИИ: СОСТОЯНИЕ, ВЫЗОВЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Сборник научных статей
I Международной научно-практической конференции

(Республика Беларусь, Минск, 17 февраля 2023 г.)

МИНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»
2023

УДК [327+339.924+34](4/5)(082)

ББК 66.4я43

И73

Редакционная коллегия:

декан факультета международных отношений БГУ, кандидат политических наук,

доцент *Е. А. Достанко* (гл. ред.);

профессор кафедры евразийских исследований факультета международных

отношений БГУ, доктор исторических наук, профессор *А. В. Русакович*;

директор Центра международных исследований факультета международных

отношений БГУ *О. Н. Лешенюк*;

доцент кафедры евразийских исследований факультета международных

отношений БГУ, кандидат юридических наук, доцент *Т. Н. Михалёва*;

заведующий кафедрой евразийских исследований факультета

международных отношений БГУ, кандидат экономических наук,

доцент *Л. И. Тарарышкина*;

преподаватель кафедры евразийских исследований факультета

международных отношений БГУ *В. Д. Зайцева*

Рецензенты:

кандидат юридических наук, доцент *О. Г. Станкевич*;

кандидат экономических наук, доцент *Н. В. Юрова*

И73 **Интеграционные** процессы в Евразии: состояние, вызовы, перспективы : сборник научных статей I Международной научно-практической конференции (Республика Беларусь, Минск, 17 февраля 2023 г.) / Белорусский государственный университет ; редкол.: Е. А. Достанко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Четыре четверти, 2023. — 190 с.

ISBN 978-985-581-609-7.

В сборнике представлены научные статьи, в которых освещены историко-ценностные, политические, правовые, экономические и иные аспекты современных интеграционных процессов в евразийском регионе.

Адресуется ученым, исследователям, преподавателям и практическим работникам в сфере интеграции, а также широкому кругу читателей, интересующихся евразийской тематикой.

УДК [327+339.924+34](4/5)(082)

ББК 66.4я43

ISBN 978-985-581-609-7

© БГУ, 2023

© Оформление. ОДО «Издательство
“Четыре четверти”», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИВЕТСТВЕННЫЕ СЛОВА

Е. А. Достанко	5
Э. В. Айриян	6

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

В. Х. Сейтимова. Влияние институциональных и процессуальных особенностей в праве ЕАЭС на обеспечение принципа взаимовыгодного сотрудничества	8
А. В. Русакович. Евразийское экономическое сообщество: опыт и уроки для евразийской интеграции	15
И. И. Мушкет, С. Г. Караваев, Е. В. Козяк. Объективность международного наблюдения за выборами как фактор реализации интеграционной политики государств – участников СНГ	22

НАУЧНАЯ СЕССИЯ 1

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

М. В. Андреев. Организация зарубежного голосования и его влияние на геополитические процессы в Евразии (на примере выборов в Республике Молдова)	29
Р. А. Амбурцев, Н. В. Каледин. Электоральная геополитика как направление исследований евразийских интеграционных процессов	35
О. В. Бахлова, И. В. Бахлов. Аксиологический аспект интеграционной повестки Союзного государства и ЕАЭС в контексте геополитической трансформации	39
Л. В. Вонсович. Перспективы развития ЕАЭС в новой политической и экономической реальности	46
А. С. Миксюк. Роль межпарламентской ассамблеи СНГ в интеграционных процессах на постсоветском пространстве	52
А. Ю. Тома. Социально-экономические преимущества интеграции в рамках ЕАЭС для Республики Беларусь	58
Чэнь Е. Основные достижения интеграционных организаций постсоветского пространства на современном этапе	65
О. П. Рубо. Роль Шанхайской организации сотрудничества в реализации проектов ЕАЭС и «Один пояс, один путь»	69

НАУЧНАЯ СЕССИЯ 2

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В. А. Бутич. К вопросу о наднациональности ЕАЭС	72
Н. Ю. Газдюк. Понятие и значение категории «кредитная организация» в праве Евразийского экономического союза	77
Т. А. Горупа. Евразийские региональные стандарты защиты прав потребителей товаров (работ, услуг): постановка проблемы	83

Ю. А. Лепешков. Особые мнения судей Суда ЕАЭС и обеспечение единообразного применения права Союза	90
А. Н. Мазулина. Внедрение института филиалов иностранных юридических лиц в Республике Беларусь	97
Н. С. Минько. Конституционно-правовой потенциал интеграционного развития Беларуси на евразийском пространстве	104
Т. Н. Михалёва. Актуальные вопросы совершенствования права ЕАЭС: новации-2022	110
Д. С. Проскурина. Доменные споры в ЕАЭС: тенденции правового регулирования	115
Н. И. Рудович. Теоретико-прикладные аспекты реализации норм об иммунитете государств – членов ЕАЭС	120
Е. В. Стельмах. Правовое регулирование противодействия коммерческому шпионажу в ЕАЭС	125
А. А. Трипузова. Конституционно-правовая защита конкуренции и перспективы развития конкурентного сотрудничества в рамках ЕАЭС	128

НАУЧНАЯ СЕССИЯ 3 РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

В. Э. Василевская. Специфика международной экономической интеграции беларуси: опыт ЕАЭС	135
О. В. Жданович, Л. И. Тарарышкина. Дистанционное образование: драйвер экономического роста государств – членов Евразийского экономического союза	141
В. Д. Зайцева. Экономико-финансовые инструменты управления рынком объектов интеллектуальной собственности в ЕАЭС	146
Луо Цзюй. Особенность китайско-белорусского инновационного сотрудничества	154
Л. И. Тарарышкина. Финансовые механизмы в контексте экономической безопасности в ЕАЭС	161
Л. И. Тарарышкина, А. В. Морозова. Перспективы развития таможенного администрирования в рамках цифровой экономики на таможенной территории ЕАЭС	168

КРУГЛЫЙ СТОЛ

Т. Н. Михалёва. Евразийское образовательное пространство: стандарты гармонизации	175
С. А. Минич. Основы правового регулирования научно-технологического сотрудничества в рамках ЕАЭС	181
И. И. Мушкет, Е. В. Еременко. Об учебном курсе дисциплины «Международное наблюдение за выборами и референдумами» и проекте «Международный индекс научного цитирования (МИНЦ)»	186

**ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО
ДЕКАНА ФАКУЛЬТЕТА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНЫ ДОСТАНКО**

Уважаемые участники I Международной научно-практической конференции!

Факультет международных отношений Белгосуниверситета имеет давние и успешные традиции в проведении междисциплинарных международно-правовых исследований, мероприятий на самые актуальные темы современных международных отношений. Евразийская тематика не раз становилась предметом дискуссий и обсуждений на нашей научно-образовательной площадке, однако сегодня мы впервые проводим специальную конференцию, посвященную историко-политическим, правовым, экономическим аспектам в их конвергенции, преломляя знания и опыт ученых-юристов, экономистов, политологов, историков сквозь призму актуальных тенденций развития евразийского региона.

Неслучайно именно в рамках Белорусского государственного университета идея проведения такого мероприятия нашла свое воплощение: наш Университет является участником многих совместных программ в СНГ, Евразийском экономическом союзе, в прошлом году на факультете международных отношений БГУ открыта первая в Беларуси кафедра евразийских исследований. Изучение евразийских интеграционных процессов в самом широком контексте – непростая задача ввиду многоплановости и большого междисциплинарного компонента, однако результатом такого подхода является синергия знаний и достижений научных направлений ряда гуманитарных дисциплин. Мы наблюдаем позитивные результаты такого подхода в результатах исследований, в расширении образовательных методик.

Цель сегодняшнего мероприятия – широкое и профессиональное экспертное обсуждение различных аспектов евразийской интеграции, роли региональных объединений Евразии в укреплении национального потенциала, реагирования на турбулентность в современных мировых процессах и формирования совместных устойчивых позиций, прогнозирование направлений дальнейшего развития региона.

Важно, что самый пристальный интерес к научным мероприятиям проявляют практики – наши коллеги из международных организаций евразийского региона. Этот обмен мнениями – залог конструктивного диалога на всех уровнях, ценнейший вклад в развитие практико-ориентированного научно-образовательного пространства в евразийском регионе.

Выражаю уверенность, что сегодняшняя представительная конференция пройдет в творческой атмосфере, направленной на поиск интересных решений и планирование совместных научных и образовательных проектов. Желаю участникам мероприятия активной и плодотворной работы!

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СУДА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА ЭРНЫ ВЛАДИМИРОВНЫ АЙРИЯН

Уважаемые организаторы и участники I Международной научно–практической конференции! Выражаю вам признательность за проведение высокого форума и приветствую от имени Суда Евразийского экономического союза!

Тема форума: «Интеграционные процессы в Евразии: состояние, вызовы, перспективы» является как никогда актуальной и востребованной.

Сегодня в свете новых вызовов и угроз перед международным правом в целом и перед правом Евразийского экономического союза в частности, стоит задача адаптироваться к новым реалиям, сохраняя при этом как свою роль, так и базисные общепризнанные принципы и институты.

Подчеркну главный тезис о том, что международное право должно быть основой для действий всех государств и международных организаций. Фундаментом современного миропорядка должны оставаться общепризнанные принципы и нормы международного права и, прежде всего, принципы Устава ООН.

Международное право, разумеется, не стоит на месте. Оно развивается, отражая происходящие в мире изменения. В этой связи, приоритетной является работа по укреплению международно–правовых основ противодействия новым угрозам и вызовам.

Уверена, что в русле принципиальной линии на обеспечение верховенства права необходимо и впредь опираться на международное право в его классическом, общепризнанном формате, способствовать его укреплению и развитию вне каких–либо субъективных интерпретаций и манипулирования в угоду конъюнктурным интересам.

Тенденции развития международного права в многополярном мире прямо затрагивают и право Евразийского экономического союза, которое составляет, в первую очередь, Договор о ЕАЭС от 29 мая 2014 года.

Подчеркну, что в соответствии с положениями Преамбулы данного Договора (абзац 10), государства–члены Союза подтвердили свою приверженность целям и принципам Устава ООН, а также другим общепризнанным принципам и нормам международного права.

Сегодня перед правом Союза стоят непростые задачи укрепления и развития в современных реалиях. Как отмечено на заседании Евразийского межправительственного совета 20–21 октября 2022 года, в условиях нарастающих вызовов и ограничений на внешних рынках необходимо создавать максимально комфортные условия для бизнеса на внутренних рынках, с тем чтобы сложности на внешних рынках компенсировались. Полагаю, что данная цель, несомненно, достижима на основе совместных усилий государств–членов Союза и эффективного функционирования международно–правовой платформы сотрудничества в рамках ЕАЭС.

Учитывая, что одной из основных целей Союза, обозначенных в статье 4

Договора о ЕАЭС является создание условий для стабильного развития экономик государств–членов в интересах повышения жизненного уровня их населения, закономерен вывод о том, что право Союза является надежной основой для ее достижения.

В этой связи, перед правом Союза и правоприменительными органами ЕАЭС также стоит ответственная задача по защите и обеспечению реализации потенциала экономической интеграции государств–членов Союза в условиях глобальных рисков и вызовов.

Желаю всем участникам высокого форума плодотворной работы и успехов в достижении результата на актуальной дискуссионной площадке.

Благодарю за внимание.

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

ВЛИЯНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ В ПРАВЕ ЕАЭС НА ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРИНЦИПА ВЗАИМОВЫГОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В.Х. Сейтимова,

кандидат юридических наук,

*Судья Суда Евразийского экономического союза,
Республика Беларусь, г.Минск, ул. Кирова 5*

В статье представлен анализ основных тенденций и проблемных вопросов развития институционального и процессуального права Союза в контексте отправления интеграционного правосудия. Автор обращает внимание на цели интеграции и центральное значение принципа взаимовыгодного сотрудничества. На основе проведенного анализа предложены меры по совершенствованию права ЕАЭС.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, интеграция, правосудие, принципы интеграционного права, Суд ЕАЭС.

Восьмилетняя деятельность ЕАЭС, и особенно последний год, когда на геополитическом уровне отдельные государства–члены вовлечены в незаурядные ситуации, обострила внимание, насколько институциональные и процессуальные особенности влияют на принцип взаимовыгодного сотрудничества, гарантированного Договором о ЕАЭС.

В доктрине, в частности Т.Н. Михалевой, справедливо отмечается, что предусмотренные Договором о ЕАЭС принципы функционирования Союза обладают свойством обязательности исполнения, неоспариваемой нормативности и в целом представляют собой инструмент реализации ценностей, как идеологического базиса интеграционного объединения [1, с. 101]

Реализация созданного государствами единого права ЕАЭС напрямую связана с необходимостью взаимодействия всех членов интеграционного образования, нацеленных на регулирование и созидание союзных экономических связей. И в этой связи очевидно, что среди предусмотренных Договором о Евразийском экономическом союзе принципов взаимодействия государств в интеграции – **обеспечение взаимовыгодного сотрудничества, равноправия и учета национальных интересов** – принцип ключевой и связывает систему евразийского права с национальными системами государств, закладывает потенциал достижения основных целей Союза и определяет основу всей институциональной системы. Иное понимание противоречило бы идее интеграционного образования.

Обращаясь к лингвистической составляющей данного принципа, понимаем, что это безусловный постулат («принцип»); равенство, обоюдность для каждой из сторон («взаимовыгодность»); процесс совместной деятельности субъектов для достижения общих целей («сотрудничество»), то есть установление и разви-

тие равноправных экономических, политических, культурных и других отношений, соответствующих как национальным, так и общим интересам.

Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Кемелевич Токаев в конце прошлого года обозначил, что институциональная часть Договора представляет собой, по сути, экономический прагматизм **всех сторон**, основанный на взаимной поддержке и уважении национальных интересов.

Невозможно не согласиться с мнением о том, что институциональная система международной организации – это опорная категория, позволяющая оценить интеграционный уровень, потенциал взаимодействия государств в той форме международного сотрудничества, которая ими избрана [2, с. 134]

Мало кто обращает внимание на то, что кроме экономического аспекта барьеров и ограничений развитию принципа взаимовыгодного сотрудничества препятствуют, так сказать, «ограничения» или «барьеры» институционального характера. Они заслуживают пристального внимания.

Предлагается к обсуждению ряд аспектов, которые обозначу проблемами.

1-я проблема: выборы Председателя; формирование бюджета Суда.

Известно, в ЕАЭС существует два постоянно действующих органа: Суд и Комиссия. В состав Суда входят по два судьи от каждого из пяти государств-членов, назначаемых на должности Высшим Советом сроком полномочий на девять лет.

Несложно понять, что в условиях императива о 9-летнем сроке полномочий судей и 3-летней каденции Председателя Суда, невозможно реализовать представительство каждого государства-члена во главе данного органа Союза.

За восьмилетний период функционирования Суда ЕАЭС трижды, в достаточно сложной обстановке, проводилась процедура выборов Председателя, которым становились легитимно представители от трех государств-членов Союза из пяти (Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Армения).

Некоторые представители государств, которые ни разу не были избраны в состав администрации судебного органа, реагируя на итоги выборов, неоднократно публично давали им негативную оценку.

Иной порядок избрания Председателя, к примеру, существовал в Суде ЕврАзЭС, где председательство осуществлялось ротационно поочередно судьями всех государств-членов. Подобный подход в настоящее время применяется при избрании Председателя Коллегии Евразийской экономической комиссии.

Не утверждая, что такая процедура является для Суда Союза конструктивной, надо признать, что имеющаяся в действующем праве ЕАЭС институциональная особенность избрания в состав руководства Суда взаимовыгодному сотрудничеству не способствует.

Вопреки праву Союза избрание администрации Суда зачастую переключается с вопросом формирования бюджета.

В большинстве интеграционных объединений бюджеты – программные, формируются, как правило, из взносов участников (государств-членов) пропорционально их ВВП; добровольных взносов и т.п.

Бюджет ЕАЭС формируется за счет долевых взносов государств-членов и составляет: для РА – 1,22%, РБ – 4,86%, РК – 6,955%, КР – 1,9%, РФ – 85,065% (Решение Высшего Евразийского экономического совета О размерах (шкале) долевых

взносов государств – членов Евразийского экономического союза в бюджет Евразийского экономического союза от 10 окт. 2014 г. № 79 (в ред. решения Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 № 24).

В Суде вопрос неравных долевых взносов обсуждается перманентно, как правило, только в определенном аспекте и по инициативе некоторых представителей государств–членов Союза, которые ни разу не были избраны в руководящий административный состав Суда. Подобное состояние весьма токсично, не способствует эффективному достижению международным судебным органом цели своей деятельности.

Для органа отправления правосудия принципиально несвойственно формирование бюджета (в целях обеспечения его функционирования) в неравных долях от государств–членов, когда удельный вес одного государства–члена составляет – 85%, а остальных государств – от 1 до 7%.

По мнению исследователей, равноправие и справедливая конкуренция на всем пространстве ЕАЭС могут быть обеспечены лишь в случае, когда ВВП государств – членов и представительство в органах Союза будут пропорционально равны [3, с. 80].

Государства–члены, в целях обеспечения функционирования интеграционного объединения, его институтов, должны создавать максимально благоприятные условия для развития и поддержания института бюджетной политики.

Способом действительной реализации принципов отправления правосудия видится формирование отдельного бюджетного финансирования Суда Союза с равнозначным размером долевых взносов государств–членов.

2-я проблема: Конкурсная комиссия.

Отбор на занятие вакантных должностей в Секретариате Суда проводится Конкурсной комиссией, состоящей из судей (за исключением Председателя).

Вопрос влияния долевого взноса в бюджет Союза на отбор кадров в Секретариат Суда неизменно инициируется в ходе обсуждения членами Конкурсной комиссии. Если исходить из буквального прочтения права Союза, размер долевых взносов никоим образом не соотносится с вопросом определения количества персональных – должностей сотрудников Суда от каждого государства. Основной же критерий отбора кадров, предусмотренный правом Союза, – профессионализм и деловые качества, при этом – с учетом принципа равной представленности.

Тем не менее, в утвержденных Высшим Евразийским экономическим советом Основных правилах проведения конкурса указано, что в случае равного количества голосов членов Конкурсной комиссии приоритет отдается критерию гражданства кандидата **с учетом принципа долевого участия.**

Какая идея была заложена авторами права Союза, предусмотревшими в одном процедурном акте два взаимоисключающих принципа?

Соотносится ли основополагающий принцип Договора о ЕАЭС – взаимовыгодное сотрудничество между государствами–членами, равноправие и учет национальных интересов – с подходами при отборе кандидатов на занятие вакантных должностей в органе Союза, который направлен на обеспечение функционирования международной организации?

Отмечу, что в условиях отсутствия на евразийском пространстве института

специальной судебной защиты обладающих особым статусом международных гражданских служащих, правила конкурсной процедуры с учетом принципа долевого участия государств – членов тем паче не способствуют взаимовыгодному сотрудничеству, которое, по своей сути, направлено на установление равноправных отношений государств – членов.

3-я проблема: институт особого мнения.

Особое мнение на решение суда или его отдельные положения предусмотрено в праве ЕАЭС и представляет собой выражение личного мнения члена коллегияльного органа, как правило, не согласного с решением большинства. Для интеграционного суда – это также возможность шире взглянуть на определенные вопросы права [4, с. 69].

По настоящее время судьями Суда было заявлено 81 особое мнение, в т.ч. в 29 случаях – на консультативные заключения, принимаемые по результатам рассмотрения заявления о разъяснении норм права Союза.

Насколько в контексте обеспечения принципа взаимовыгодного сотрудничества аргументировано вынесение особых мнений, подрывающих значимость и так обладающих процессуально–правовой слабостью консультативных заключений, имеющих рекомендательный характер?

Реалии демонстрируют, что зачастую особые мнения используются в качестве инструмента проявления амбиций, далеких от истинных ценностей правосудия [4, с. 70], не имеющих ничего общего с предметом разъяснения, чем еще более разрушается сама ценность консультативного заключения.

В целом следует согласиться с мнением некоторых авторов публикаций, высказывающихся о «рекламной цели» [5, с. 65] подобных особых мнений, ибо они не способствуют взаимовыгодному сотрудничеству, а, напротив, использование этого института в непредназначенных для него целях «благоприятствует» разрушению правового и созидательного потенциала интеграционного образования.

4-я проблема: запрет обжалования постановлений.

Неотъемлемое право оспорить судебный акт, затрагивающий права и законные интересы субъектов, находится в основе общепризнанного принципа права на доступ к суду, что означает безусловную судебную защиту прав хозяйствующих субъектов, лежит в основе принципа взаимовыгодного сотрудничества государств – членов.

За весь период деятельности Суд в 22 случаях «отказал» заявителям в реализации их права на обжалование судебного акта, поскольку в положениях Регламента Суда предусмотрен запрет обжалования постановлений.

Такое осмысление видится своего рода атавизмом, приводит к невозможности дальнейшей судебной защиты прав отдельных хозяйствующих субъектов из разных государств – членов, в т.ч. опосредовано – защиты интересов экономик государств – членов, что не соотносится:

- ни с фундаментальной идеей Союза обеспечения взаимовыгодного сотрудничества;
- ни с гарантированным Договором верховенством конституционных прав и свобод человека и гражданина и общепризнанными принципами и нормами международного права.

5-я проблема: самоотвод судьи, отвод судьей.

В правоприменительной деятельности, да и в доктрине институт отвода и самоотвода судей воспринимается одной из гарантий, обеспечивающих реализацию независимости и беспристрастности судей [6, с. 27], предполагает наличие законодательно закрепленного механизма устранения судей, независимость и беспристрастность которых поставлена под сомнение.

Предусмотренная правом Союза норма о самоотводе судьи (ст. 41 Регламента Суда), учитывая положение о необходимости соблюдения кворума судебного заседания (п. 78 Статута Суда), не найдет своей реализации, ибо заведомо «блокирует» деятельность Суда ввиду императивного положения об абсолютном количественном составе Суда (наличии «кворума» из 10 судей), не предусматривающим дополнительных судей, которые могли бы заменить судью в случае самоотвода.

Институт отвода судьи участниками процесса правом Союза не предусмотрен. Невозможно не согласиться с мнением доктрины, что контрольный механизм отвода судей направлен на исключение беспристрастности со стороны судей [7, с. 41].

В институциональной системе международных и национальных судов отвод судьи является неотъемлемым, если такие системы претендуют на эффективность правосудия.

Невозможность нивелировать позицию судьи, высказанную им в процессе службы в соответствующих органах (организациях), заинтересованных в разрешении спора, очевидно вступает в конфликт с реализацией принципа взаимовыгодного сотрудничества.

6-я проблема: иммунитеты судей.

Согласно исторически сложившейся, общепринятой норме, предусмотренной в том числе в праве Союза, в целях эффективного, независимого выполнения судьями международного судебного органа своих полномочий им предоставляется иммунитет от юрисдикции судебных и административных органов, который, однако, не безусловен:

- не являющиеся гражданами РБ судьи – обладают дипломатическим иммунитетом лишь в государстве пребывания;
- а судьи – граждане РБ – в контексте, предусмотренном Венской конвенцией о дипломатических сношениях, дипломатическим иммунитетом не обладают. Предоставленный им правом Союза иммунитет связан исключительно с конкретными судебными делами, в рассмотрении которых они участвовали.

В сфере международно-правового регулирования существуют устоявшиеся примеры, когда судьи интеграционных образований пользуются всем объемом иммунитетов на территории всех государств – членов (Суд ЕС, ЕСПЧ, АТ МОТ, МС ООН, МУС, МТ по морскому праву и др.).

О предоставлении большей независимости Суду [8, с. 40], в т.ч. в контексте наполнения имеющегося иммунитета судей более широкой географией (не только в государстве пребывания), его распространения на судей – граждан Республики Беларусь, обсуждается и в доктрине [3, с. 83].

Возможность принимать решения вне зависимости от позиции государства своего гражданства, иных органов интеграции, проявляя беспристрастность и независимость, – важнейшая правовая основа отправления правосудия, способствующая взаимовыгодному сотрудничеству в международной организации.

Уважаемые коллеги, игнорирование подобных трудностей может привести к серьезной стагнации интеграции и даже кризису интеграционного права. Схожие процессы, особенно в последнее время, отмечаются в доктрине и в отношении международного права.

В итоге полагаю, что деятельность всех органов Союза, как единой системы, обеспечивающей функционирование интеграционного объединения, должна быть направлена на достижение всех целей интеграции с соблюдением идеологических ценностей и провозглашенных принципов. Гарантией долгосрочного сотрудничества служат паритетность и сбалансированность интересов Строн, именно так именуются в Договоре государства – члены, создавшие Союз,

Формирование такого подхода может быть реализовано только в случае, когда в основе институциональной системы интеграционного образования заложено действительно реальное «взаимовыгодное сотрудничество».

Подчинение и следование всех процедурно-процессуальных институтов интеграционного объединения принципу взаимовыгодного сотрудничества – основано на взаимной выгоде, взаимоуважении и равноправии во всех аспектах деятельности. Попытки же решать проблемы с учетом интересов лишь отдельных государств, несомненно, дают отрицательные результаты.

Более чем восьмилетняя деятельность ЕАЭС показала, что правильно выстроенная институциональная система нивелирует возникновение противоречий при осуществлении органами интеграционного образования своих полномочий, а если учитывать нарратив отдельных государств–членов о более глубокой интеграции и увеличении количества ее участников, совершенствование предлагаемых аспектов институциональной системы Евразийского союза – архиважно.

Библиографические ссылки

1. Михалёва, Т.Н. Право Евразийского экономического союза. – Минск: БГУ, 2022. – 191 с.
2. Морозов, А. Н. Роль и значение институциональной системы для развития интеграции в Евразийском экономическом союзе и Европейском союзе: сравнительно–правовой дискурс / А. Н. Морозов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 1 (68).
3. Сарсембаев, М. А. Особенности статуса и деятельности Суда Евразийского экономического союза и Суда Европейского союза / М. А. Сарсембаев // Herald of the Euro–Asian Law Congress. – 2020. – № 1.
4. Сейтимова, В. Х. Институт особого мнения: диалектика интеграционных процессов в практике Суда Евразийского экономического союза / В. Х. Сейтимова // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 3 (118).
5. Баишев, Ж. Н. Суд Евразийского экономического союза: проблемы функционирования / Ж. Н. Баишев // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2019. – Т. 14. – № 1.
6. Жемалетдинов, Р. М., Кузнецов, М. В. Институт отвода и самоотвода судей как га-

рантия их независимости / Р. М. Жемалетдинов, М. В. Кузнецов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 4–3.

7. Исполинов, А. С., Кадышева, В. К. Статут суда ЕАЭС: возможные пути модернизации / А. С. Исполинов, В. К. Кадышева // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2021. – № 5.

8. Сарсембаев, М. А. Взаимодействие Суда Евразийского экономического союза с национальными органами (учреждениями) Казахстана – члена ЕАЭС / М. А. Сарсембаев // Российско–азиатский правовой журнал. – 2019. – № 4.

ЕВРАЗИЙСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО: ОПЫТ И УРОКИ ДЛЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

А. В. Русакович,

*доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры евразийских исследований,
Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, RussAV@bsu.by*

В статье рассмотрены основные направления и особенности деятельности Евразийского экономического сообщества. Автор отмечает, что организационное оформление евразийской интеграции началось в середине 1990-х гг. В 2000 г. руководителями пяти стран был подписан Договор о Евразийском экономическом сообществе, в соответствии с которым была учреждена региональная организация интеграции для формирования таможенного союза и единого экономического пространства. Во второй половине 2000-х гг. в ЕврАзЭС сформировалось два уровня интеграции: «общий» с участием всех шести государств и «продвинутый» в составе Беларуси, Казахстана и России. Это внесло дополнительные сложности в функционирование организации, и с другой стороны, сформировало предпосылки для продвижения более эффективной региональной интеграции в формате Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: Евразийское экономическое сообщество; единое экономическое пространство; интеграция; таможенный союз; экономическое взаимодействие.

В настоящее время одним из наиболее эффективных интеграционных проектов на постсоветском пространстве является Евразийский экономический союз (ЕАЭС), в состав которого входят Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия. В политической и научной сфере это направление интеграции проект получило определение «евразийской интеграции». Проект ЕАЭС соответствует современным трендам глобализации и интеграции, учитывает мировой опыт интеграционных объединений, предыдущие попытки постсоветской интеграции.

Евразийская интеграция в историческом отношении восходит к периоду Российской империи, когда часть российских интеллектуалов и политиков обосновали «особый путь» России в мире. В институциональном плане предшественником ЕАЭС является Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС), действовавшее в 2001–2014 гг. Создание и развитие ЕврАзЭС изучено в ряде отечественных и зарубежных научных публикаций [1–3; 9–13; 16–17]. Вместе с тем полезно рассмотреть опыт, достижения и проблемы деятельности этой международной организации в контексте особенностей и вызовов нынешнего этапа евразийской интеграции.

В середине 1990-х гг., когда выявились ограничения интеграции в формате Содружества Независимых Государств, группа постсоветских государств, основу которой составили Россия, Казахстан, Беларусь, была готова в интеграционном отношении двигаться более интенсивно в соответствии с концепцией «разноскоростной интеграции». В это же время было обосновано новое понимание евразийства как интеграционного проекта. Основные принципы евразийской интеграции были изложены президентом Казахстана Н. Назарбаевым в

выступлении в Московском государственном университете в марте 1994 г. [12].

Институциональное оформление евразийской интеграции началось в 1995 г., когда Беларусь, Казахстан и Россия подписали Соглашение о Таможенном союзе (ТС) [14]. В дальнейшем к этому процессу присоединились Кыргызстан и Таджикистан. В марте 1996 г. был подписан Договор между Россией, Беларусью, Казахстаном, Кыргызстаном об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях. В договоре стороны заявили о намерении создать Сообщество интегрированных государств.

Основными направлениями интеграции были определены формирование единого экономического пространства, гармонизация законодательства, обеспечение устойчивого демократического развития, совместная охрана внешних границ, согласование внешнеполитического курса [4]. Были созданы органы управления интеграцией: Межгосударственный Совет, Интеграционный комитет и др. В феврале 1999 г. Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан подписали Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве. Участники договора приняли на себя обязательство завершить формирование Таможенного союза и создать на его основе Единое экономическое пространство (ЕЭП) [8]. «Интеграционная пятерка» стала одним из лидеров постсоветской интеграции.

Исследователи отмечают, что наиболее важными специфичными исходными условиями евразийской интеграции являются: ее моноцентричность, обусловленная ведущей ролью России; слабое развитие внутриотраслевого разделения труда; наличие внешнего центра притяжения [1, с. 59]. Необходимо также отметить, что проект евразийской интеграции осуществлялся параллельно с реализацией других проектов региональной интеграции и сотрудничества: Союзного государства Беларуси и России, Содружества Независимых Государств, Организации договора о коллективной безопасности.

В октябре 2000 г. руководители Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана подписали в Астане Договор о Евразийском экономическом сообществе (вступил в силу 30 мая 2001 г.). Создание ЕврАзЭС соответствовало подходам нового президента РФ В. Путина в отношении дальнейшего развития постсоветского пространства. На основе договора учреждалась региональная организация интеграции для «эффективного продвижения процесса формирования Таможенного союза и Единого экономического пространства», реализации других целей и задач, связанных с углублением интеграции в экономической и гуманитарной областях [5].

Руководящими органами ЕврАзЭС являлись: Межгосударственный Совет, Интеграционный Комитет, Межпарламентская Ассамблея, Суд ЕврАзЭС.

Основными задачами ЕврАзЭС были определены: завершение оформления в полном объеме режима свободной торговли, формирование общего таможенного тарифа и единой системы мер нетарифного регулирования; обеспечение свободы движения капитала; формирование общего финансового рынка; согласование принципов и условий перехода на единую валюту; установление общих правил торговли товарами и услугами и их доступа на внутренние рынки; создание общей унифицированной системы таможен-

ного регулирования; разработка и реализация межгосударственных целевых программ; создание равных условий для производственной и предпринимательской деятельности; формирование общего рынка транспортных услуг и единой транспортной системы; формирование общего энергетического рынка; создание равных условий для доступа иностранных инвестиций на рынки государств сообщества; обеспечение свободного передвижения граждан государств–членов внутри сообщества; согласование социальной политики с целью формирования сообщества социальных государств, предусматривающего общий рынок труда, единое образовательное пространство, согласованные подходы в решении вопросов здравоохранения, трудовой миграции и др.; сближение и гармонизация национальных законодательств; обеспечение взаимодействия правовых систем государств–членов с целью создания общего правового пространства в рамках сообщества [5].

ЕврАзЭС обладало международной правосубъектностью, которая, по существу, была реализована слабо. Статус наблюдателей в организации получили в 2002 г. Украина и Молдова, в 2003 г. – Армения. В 2003 г. сообщество получило статус наблюдателя в Генеральной Ассамблее ООН.

На этапе создания ЕврАзЭС столкнулось с рядом проблем, которые в итоге обусловили невысокую эффективность организации. Прежде всего, страны–члены организации представляли собой переходные экономики, ориентированные на экспорт минерально–сырьевых ресурсов. Различия в экономическом потенциале ставили развитие ЕврАзЭС в зависимость от политики России. Существование экономических моделей, отличных от российской, в Беларуси и ряде стран Центральной Азии также сформировали свои сложности. Кыргызстан, например, находился к моменту создания ЕврАзЭС в составе Всемирной торговой организации, другие государства–члены находились на разных этапах переговорного процесса по вступлению в ВТО.

Определенным вызовом для ЕврАзЭС был 2003 г., когда на постсоветском пространстве было инициировано создание нового крупного интеграционного проекта: Единого экономического пространства Беларуси, Казахстана, России и Украины. Привлечение Украины к интеграционным процессам расценивалось как значительный успех в истории постсоветской интеграции. В сентябре 2003 г. президенты Беларуси, Казахстана, России и Украины подписали Соглашение о формировании Единого экономического пространства и Концепцию формирования Единого экономического пространства, которые вступили в силу в мае 2004 г. [15]. Создание ЕЭП являлось своего рода региональным «ответом» на вступление восточноевропейских стран в Европейский союз в мае 2004 г. и было призвано в том числе согласовать торгово–экономическую политику стран–участников по отношению к ЕС. Этот проект стал для российского руководства в середине 2000–х гг. приоритетным и объективно снизил заинтересованность в ЕврАзЭС, тем более, что цели и задачи ЕврАзЭС и ЕЭП были идентичными – создание общего рынка и единого экономического пространства.

В 2005–2006 гг. в регионе сложилась принципиально новая ситуация, которая, с одной стороны, придала ЕврАзЭС новый импульс для развития, и с другой – сформировала ряд новых противоречий в рамках организации. Прежде

всего, приостановление Украиной в 2005 г. участия в ЕЭП после «оранжевой революции» привело к тому, что этот проект прекратил существование, так как остальные его участники (Беларусь, Россия, Казахстан) приняли решение осуществлять дальнейшую работу по формированию Таможенного союза и Единого экономического пространства в рамках Евразийского экономического сообщества. Эти решения были формализованы на заседании Межгосударственного Совета ЕврАзЭС в начале 2006 г. На саммите ЕврАзЭС в Душанбе в 2007 г. была принята концепция Таможенного союза Беларуси, Казахстана и России, и план действий по его формированию, рассчитанный на три года, также было принято решение о формировании Комиссии ТС – первого на постсоветском пространстве наднационального органа. Таким образом, с 2006 г. в ЕврАзЭС сформировалось два уровня интеграции: «общий» с участием всех государств-членов и «продвинутый» (Беларусь, Казахстан и Россия), что предопределило необходимость разработки стратегии дальнейшего развития организации.

В 2006 г. в результате объединения Организации «Центрально-Азиатское сотрудничество» (ОЦАС) с ЕврАзЭС членом сообщества стал Узбекистан. Решение о сближении со странами ЕврАзЭС являлось своего рода реакцией руководства Узбекистана на сложные отношения с Западом и попытку осуществления в 2005 г. «цветной» революции. Присоединение Узбекистана к ЕврАзЭС расценивалось как определенный успех этого интеграционного проекта. Однако, как показали дальнейшие события, разные уровни интеграции в ЕврАзЭС не устраивали Узбекистан, который оказался участником только «общего» формата. В октябре 2008 г. Узбекистан заявил о том, что приостанавливает членство в ЕврАзЭС. Причинами этого, помимо отмеченных выше, являлись сомнения руководства страны в эффективности организации, дублирование целей и задач СНГ, ЕврАзЭС, ОДКБ, несогласие с принципами присоединения государств ЕврАзЭС к Таможенному союзу Беларуси, Казахстана и России.

В 2009–2010 гг. Беларусь, Казахстан и Россия окончательно согласовали подходы в отношении формирования Таможенного союза. В 2009 г. начала работу Комиссия ТС, был подписан пакет документов, формирующих правовую базу Таможенного союза трех государств, включающий Договор о Таможенном кодексе ТС и утвержден План действий по формированию ЕЭП. Таможенный союз трех государств предусматривал создание единой таможенной территории, в пределах которой применялись единые меры регулирования внешней торговли с третьими странами, устанавливался порядок зачисления и распределения таможенных пошлин, налогов и сборов. В июле 2010 г. вступил в силу Таможенный кодекс Таможенного союза. Суд ЕврАзЭС был наделен функциями органа по разрешению споров в рамках Таможенного союза.

В конце 2010 г. три страны подписали пакет соглашений по формированию Единого экономического пространства. Основными принципами функционирования ЕЭП были определены обеспечение свободы перемещения товаров, услуг, финансов и трудовых ресурсов в рамках государств-участников.

В ноябре 2011 г. президенты России, Беларуси и Казахстана подписали Декларацию о евразийской экономической интеграции, в которой заявили о переходе к следующему этапу интеграции – Евразийскому экономическому сою-

зу, который планировалось создать на базе Таможенного союза и Единого экономического пространства к 2015 г. В декларации было отмечено, что дальнейшее развитие интеграции трех стран отвечает их национальным интересам, способствует решению общих задач по повышению благосостояния и качества жизни граждан, устойчивому социально-экономическому развитию, модернизации и усилению национальной конкурентоспособности в рамках глобальной экономики [7]. В ноябре 2011 г. был подписан Договор о Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), учрежденной в качестве единого постоянно действующего регулирующего органа ТС и ЕЭП. ЕЭК начала функционировать с февраля 2012 г.

Проект ЕЭП начал реализовываться в рамках ЕврАзЭС с января 2012 г. в составе трех стран. Было также предусмотрено, что другие государства сообщества будут присоединяться к Таможенному союзу и ЕЭП по мере готовности.

Практика деятельности сообщества показала, что процессы экономической интеграции идут сложно, на формирование полноценного таможенного союза и единого экономического пространства могут уйти десятилетия. Не был успешным на практике и такой проект в рамках ЕврАзЭС, как скоординированное вступление стран-членов ТС во Всемирную торговую организацию.

С конца 2011 по май 2014 гг. представителями Беларуси, Казахстана, России и Евразийской экономической комиссии осуществлялась подготовка Договора о Евразийском экономическом союзе. 29 мая 2014 г. на встрече президентов Беларуси, Казахстана, России в Астане Договор о Евразийском экономическом союзе был подписан [6]. В октябре 2014 г. президенты Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана на саммите в Минске подписали документы о ликвидации Евразийского экономического сообщества в связи с началом функционирования Евразийского экономического союза с 1 января 2015 г.

Российские исследователи отмечали, что уровень общественной поддержки евразийской интеграции населением стран ЕврАзЭС находился на высоком уровне. Репрезентативный опрос в рамках Интеграционного барометра, проведенного Евразийским банком развития в середине 2014 г., показал, что одобрение проектов ЕЭП в Казахстане составляет 84%, России – 79%, Беларуси – 68%. Это создавало позитивный фон для дальнейшего развития интеграции [3, с. 19].

Таким образом, опыт деятельности ЕврАзЭС, свидетельствует об устойчивости интеграционных процессов на постсоветском пространстве, обусловленных национально-государственными интересами стран региона, их историческими, экономическими, культурными отношениями. При создании и деятельности ЕврАзЭС принимались во внимание как общие тренды глобализации и интеграции, так и специфические условия региона, в частности, предыдущий опыт интеграции. На протяжении своего периода существования ЕврАзЭС как проект региональной интеграции занимало важное место во внешнеполитических стратегиях стран-членов. С точки зрения реализации заявленных задач в целом деятельность ЕврАзЭС содействовала укреплению экономического сотрудничества государств-членов, развитию их экономик и упрочению позиций

на мировых рынках. Следует отметить, что реализация проектов создания Таможенного союза и Единого экономического пространства не была завершена даже в рамках «продвинутого» формата (Беларусь, Казахстан, Россия). Своеобразное значение имеет и опыт «двухуровневой» интеграции в сообществе, что позволяло, с одной стороны, Беларуси, Казахстану, России двигаться более ускоренными темпами к реализации заявленных целей, и, с другой стороны, объективно снижало ценность этого объединения для других участников (Узбекистан). Как представляется, наиболее ценным опытом в деятельности сообщества стала подготовка правовой и институциональной базы для перехода на более высокий уровень интеграции – к Евразийскому экономическому союзу.

Библиографические ссылки

1. Буторина, О.В., Захаров, А.В. О научной основе Евразийского экономического союза / О.В. Буторина, А.В. Захаров // Евразийская экономическая интеграция. – 2015. – № 2. – С. 52–68.
2. Валовая, Т. Зигзаги интеграции. Постсоветское пространство в эпоху прагматизма / Т. Валовая / Россия в глобальной политике. – 2005. – № 4. – С. 158–171.
3. Винокуров, Е.Ю., Цукарев, Т.В. Экономика ЕАЭС: повестка дня / Е.Ю. Винокуров, Т.В. Цукарев // Евразийская экономическая интеграция. – 2015. – № 4. – С. 7–21.
4. Договор между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Российской Федерацией об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях» (Подписан в г.Москве 29.03.1996) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2023.
5. Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества. (Подписан в г.Астане 10.10.2000) (ред. от 06.10.2007) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2023.
6. Договор о Евразийском экономическом союзе» (ред. от 05.08.2021, с изм. от 09.12.2022) (вместе с Приложениями 1 – 33) (Подписан в г.Астане 29.05.2014) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2023.
7. Декларация о евразийской экономической интеграции (Принята в г.Москве 18.11.2011) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2023.
8. Договор о Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве» (Подписан в г.Москве 26.02.1999) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2023.
9. Евразийское экономическое сообщество: правовые и экон. основы: учеб. пособие / Т. Ш. Кулматов [и др.]; под ред. А. И. Манжосова. – М.: ЮНИТИ–ДАНА, 2004. – 271 с.
10. ЕврАзЭС и интеграционный опыт ЕС = Eurasian Economic Community and EU integration experience: сборник / под ред. М. Г. Носова (отв. ред.), А. Ю. Бочевера, Ю. А. Борко. – М.: Ин–т Европы РАН, 2009. – 191 с.
11. Иванов, И. Реальный шаг в постсоветской хозяйственной реинтеграции / И.Иванов // Мировая экономика и международные отношения. – 2010. – № 9 – С. 3–13.
12. Мансуров, Т. А. Евразийский проект Нурсултана Назарбаева, воплощенный в жизнь: к 20–летию Евразийского проекта.1994–2014. – М.: Реал–Пресс, 2014. – 362 с.
13. Русакович, А. В. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве: курс лекций / А. В. Русакович. – Минск: РИВШ, 2019. – 212 с.

14. Соглашение о Таможенном союзе (Заключено в г.Москве 20.01.1995) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2023.

15. Соглашение о формировании Единого экономического пространства (вместе с «Концепцией формирования Единого экономического пространства») (Заключено в г.Ялте 19.09.2003) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2023.

16. Тоцицкая, И. Э. Евразийское экономическое сообщество: исследование экономических эффектов интеграции на примере Беларуси / И. Э. Тоцицкая. – Минск: Право и экономика, 2004. – 95 с.

17. Tarr, D.G. The Eurasian Economic Union of Russia, Belarus, Kazakhstan, Armenia, and the Kyrgyz Republic: can it succeed where its predecessor failed? / D.G. Tarr // Eastern Europ. Economics. – 2016. – Vol. 54, № 1. – P. 1–22.

ОБЪЕКТИВНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОГО НАБЛЮДЕНИЯ ЗА ВЫБОРАМИ КАК ФАКТОР РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СНГ

И. И. Мушкет,

*доктор юридических наук, профессор,
заместитель руководителя Секретариата Совета МПА СНГ – директор Международного
института мониторинга развития демократии, парламентаризма и соблюдения избира-
тельных прав граждан
государств – участников МПА СНГ*

С. Г. Караваяев,

*кандидат юридических наук,
советник Генерального секретаря – руководителя
Секретариата Совета МПА СНГ*

Е. В. Козяк,

*начальник отдела по обеспечению деятельности Миссии наблюдателей
от СНГ Исполнительного комитета СНГ*

В статье рассмотрены вопросы объективности международного наблюдения за избирательными процессами и его влияния на интеграционные процессы на пространстве Содружества Независимых Государств. Авторы на примере внеочередных выборов Президента Республики Казахстан, состоявшихся 20 ноября 2022 г., показывают различия в подходах и методиках работы миссии международных наблюдателей от СНГ и Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ. Миссии наблюдателей от СНГ в своей работе основываются на положениях Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах – участниках СНГ. Наблюдатели от БДИПЧ руководствуются внутренними инструкциями и рекомендациями. Это сказывается на объективности мониторинга со стороны БДИПЧ, создавая угрозы вмешательства во внутренние дела государств – участников СНГ и содействуя дезинтеграционным процессам на пространстве Содружества.

Ключевые слова: Евразия, интеграционные процессы, интеграционная политика, международное наблюдение за избирательными процессами, мониторинг выборов, Исполнительный комитет СНГ, МИМРД МПА СНГ, БДИПЧ ОБСЕ, внеочередные выборы Президента Республики Казахстан.

Интеграционная политика относится к деятельности, направленной на сближение государств и социальных общностей, выстраивание отношений на качественно новом уровне с целью взаимовыгодного сотрудничества.

Осуществление интеграционной политики предполагает взаимодействие в политической, экономической, социальной, культурной, гуманитарной и других сферах. Содействие интеграционному процессу, как объединительному процессу осуществляют не только политические и общественные институты, как формы организации отношений с установлением правил и норм, но и непосредственно сами граждане, являющиеся представителями различных этнических, конфессиональных, профессиональных и других социальных групп.

Для реализации интеграционной политики основополагающее значение имеет политическая система государств, участвующих в интеграционных процессах. Политическая система представляет собой систему отношений граждан и различных форм их объединения, с помощью которой принимаются и проводятся в жизнь управленческие решения, осуществляется реализация общественно значимых интересов.

Функционирование политической системы государства основывается на национальном законодательстве и международных правовых обязательствах государств, которые гарантируют защиту и обеспечивают реализацию гражданских и политических прав.

Следует подчеркнуть, что эффективное интеграционное взаимодействие государств не возможно без учета особенностей политических систем, интересов и мнений граждан, без их участия в политической жизни государств.

Посредством проведения выборов и референдумов, которые относятся к формам демократического волеизъявления, осуществляется реализация интересов граждан, легитимизация органов власти, обеспечивается стабильность государственного и общественного развития, что является необходимо для развития интеграционных процессов.

Международное наблюдение за выборами и референдумами выступает одним из основных критериев объективной оценки реализации избирательных прав и свобод граждан, гарантированных Конституциями государств и международными правовыми актами в сфере демократических выборов.

Органы государственной власти в соответствии с международными договоренностями при подготовке и проведении избирательных кампаний обязаны приглашать иностранных и международных наблюдателей для участия в мониторинге избирательных процессов.

На пространстве Содружества международное наблюдение за выборами организует Исполнительный комитет СНГ, Межпарламентская Ассамблея государств – участников СНГ (МПА СНГ), представители избирательных органов государств Содружества.

Аналитическое и методическое сопровождение деятельности международных наблюдателей от Содружества Независимых Государств в мониторинге выборов и референдумах осуществляет Международный институт мониторинга развития демократии, парламентаризма и соблюдения избирательных прав граждан государств – участников (МИМРД) МПА СНГ, основанный в 2006 г.

В рамках формата международного наблюдения осуществляется тесное взаимодействие международных наблюдателей с представителями органов исполнительной и законодательной власти, экспертного сообщества, общественных и молодежных организаций стран Содружества. Это обеспечивает обмен опытом не только в сфере демократического развития, но и в других сферах государственного и общественного развития: от спортивной дипломатии, научно–образовательной кооперации до разработки модельных законодательных актов и общих интеграционных стандартов.

Основополагающим международным правовым документом СНГ, подпи-

санным Главами государств – участников Содружества 7 октября 2002 г. в Кишиневе, которым руководствуются государства и международные наблюдатели Содружества при мониторинге выборов, является Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах – участниках Содружества Независимых Государств (далее – Конвенция СНГ) [4].

Конвенция СНГ по праву считается настольной книгой для органов государственной власти, органов администрирования выборов и международных наблюдателей, положениями которой они руководствуются наряду с требованиями законодательства государства, проводящего выборы. Соблюдение и реализация положений Конвенции СНГ является залогом объективности и служит гарантией реализации прав и свобод граждан.

Наряду с организациями СНГ, еще одной мониторинговой структурой, активно действующей, в том числе и на пространстве Содружества, выступает Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и ее структурное подразделение – Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ (далее – БДИПЧ, Бюро). Бюро основано в 1990 г. Позиционирует себя в качестве института в области прав человека и избирательных процессов. Согласно информации, размещенной на сайте ОБСЕ, деятельность БДИПЧ направлена на обеспечение стабильности, процветания и демократии в государствах – участниках ОБСЕ.

Анализируя деятельность мониторинговых миссий СНГ и ОБСЕ, представляется необходимым отметить наличие принципиальных отличий между подходами мониторинговых миссий СНГ и ОБСЕ при осуществлении международного наблюдения.

БДИПЧ без согласования с государствами – участниками ОБСЕ разрабатывает внутренние инструкции и руководствуется ими в наблюдении за выборами [1, с. 86]. В мониторинге избирательных процессов БДИПЧ используются методические и отчетные материалы внутреннего пользования, которые не утверждаются государствами – участниками ОБСЕ.

В то время как документы СНГ в сфере мониторинга реализации избирательных прав и свобод граждан проходят многоэтапные экспертизы и стадии согласования с участием всех государств – участников Содружества и принимаются на заседаниях глав государств и руководителей парламентов.

Таким образом, принцип коллегиальности, который имеет место в работе наблюдателей Содружества, показывает нацеленность на развитие интеграции в СНГ, в то время как односторонность БДИПЧ в выборе подходов, методик международного наблюдения противоречит принципам интеграции.

В сравнении подходов в международном наблюдении принципиально важное значение имеет итоговый документ, который представляется государственным органам, международным организациям и общественности после окончания избирательного процесса. В нём дается оценка соответствия выборов международным стандартам демократическим выборам.

Примером таких документов по итогам мониторинга внеочередных выборов Президента Республики Казахстан 20 ноября 2022 г. стало Заявление Миссии наблюдателей от Содружества Независимых Государств (далее –

Заявление СНГ) [2] и Заявление о предварительных выводах и заключениях Миссии БДИПЧ ОБСЕ (далее – Заявление БДИПЧ, Бюро) [3].

Заявление СНГ содержит выводы, которые основаны на результатах анализа избирательного законодательства Республики Казахстан, проведенного экспертами штаб-квартиры миссии СНГ и МИМРД МПА СНГ, а также на результатах мониторинга, который был осуществлен международными наблюдателями в течение всего периода мониторинга выборов – с момента начала избирательной кампании и подведения итогов избирательной кампании органами администрирования выборов и требованиях документов, которыми руководствуются международные наблюдатели от СНГ, главенствующими среди которых являются Конституция и международные стандарты демократических выборов, прежде всего Конвенция СНГ.

Подробнее рассмотрим Заявление Бюро. В нём дана оценка избирательной кампании по выборам Президента Республики Казахстан. Для наглядности приведем некоторые оценки, содержащиеся в Заявлении Бюро: *«Внеочередные выборы Президента Республики Казахстан 20 ноября прошли в политической обстановке, лишенной конкуренции, и, несмотря на эффективную подготовку, выборы подчеркнули необходимость дальнейших реформ для приведения соответствующего законодательства и его реализации в соответствие с обязательствами ОБСЕ по обеспечению подлинного плюрализма»* [3].

С такого рода выводом согласиться нельзя, поскольку он совершенно не соответствует действительности: в президентских выборах участвовало шесть кандидатов, и, что самое главное, избирателю была дана возможность посредством включения в избирательный бюллетень графы «против всех» официально выразить свое отношение, в том числе голосуя против.

Анализируя выводы БДИПЧ отметим, что принципиально важной стороной объективного мониторинга выборов должен являться сбор фактического материала, который позволит любому лицу удостовериться в правдивости сделанных наблюдателями выводов. Однако в Заявлении Бюро этого не усматривается. Напротив, в Заявлении БДИПЧ говорится, что: *«ряд собеседников МНВ БДИПЧ усомнились в общественной пользе проведения внеочередных президентских выборов и высказали мнение, что выборы были назначены действующим Президентом для повышения его легитимности. 5 сентября Коалиция демократических сил, в которую входят оппозиционные политики и гражданские активисты, выступила против проведения внеочередных президентских выборов»* [3].

Такой подход указывает на то, что Бюро предпочло сослаться на анонимные источники, тем самым вступая в противоречие с принципом открытости, закрепленным международными стандартами демократических выборов.

Показательна оценка БДИПЧ процесса выдвижения кандидатов на президентских выборах. Так, в Заявлении Бюро указано: *«Действующий Президент баллотировался в качестве совместного кандидата от всех трех парламентских партий: правящей «Атапай», Демократической партии Казахстана «Ак Жол» и Народной партии Казахстана. В сочетании с ограничи-*

тельными требованиями к регистрации кандидатов и политических партий это поставило под сомнение плюралистический характер конкурса, в рамках которого проходили выборы, в нарушение пунктов 3 и 7.6 Копенгагенского документа ОБСЕ 1990 г.» [3].

Если обратиться к нормам законодательства Казахстана и международных правовых актов, можно сделать вывод о том, что ни в национальном законодательстве, ни в Конвенции СНГ не установлен запрет на выдвижение кандидата в президенты от двух и более политических сил. Любопытно, что в Документе Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ также отсутствует такое положение.

Получается, что БДИПЧ произвольно используют и трактуют документы, содержащие международные стандарты демократических выборов?

21 ноября 2022 г., в тот же день после опубликования Заявления Бюро, показательным событием стал Официальный комментарий Министерства иностранных дел Республики Казахстан [5], в котором указано: *«Заявление о предварительных выводах и заключениях Миссии БДИПЧ ОБСЕ по наблюдению за внеочередными президентскими выборами в Казахстане, состоявшимися 20 ноября 2022 г., страдает отсутствием объективности и ставит под вопрос эффективность БДИПЧ как важного института организации, который до настоящего времени пользовался поддержкой нашей республики.*

Как известно, Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) обладает мандатом по оказанию помощи государствам-участникам ОБСЕ в их деятельности, направленной на то, чтобы «обеспечить полное уважение прав человека и основных свобод, действовать на основе законности, проводить в жизнь принципы демократии» (Хельсинский документ 1992 г.).

В заявлении же содержится набор типичных для БДИПЧ ОБСЕ трафаретных и предвзятых выводов, демонстрируется полное нежелание воспринять развитие внутренней ситуации в нашей стране. В деятельности группы наблюдателей БДИПЧ ОБСЕ и её руководства явно прослеживалось недоверие к проводимым Президентом Казахстана реформам, направленным на трансформацию страны, превращение её в передовое общество, основанное на верховенстве закона.

Заявление Миссии БДИПЧ ОБСЕ, содержащее голословные и неподтвержденные фактами обвинения, диссонирует с выводами миссий всех авторитетных международных организаций, также наблюдавших за выборами, что вновь показывает его предвзятость.

Заявление БДИПЧ ОБСЕ по своему содержанию свидетельствует об отсутствии стремления к развитию долгосрочного и конструктивного сотрудничества с казахстанскими властями, что, несомненно, будет принято во внимание» [5].

Комментарий МИД Казахстана демонстрирует не формальную внешнюю попытку органов государственной власти показать, что избирательные права и свободы граждан были реализованы на всех этапах избирательной

кампании, а сигнал того, что Бюро открыто создало прецедент вмешательства во внутренние дела суверенного государства посредством информационного удара по имиджу Республики Казахстан с целью дискредитации руководства и органов администрирования выборов Республики Казахстан.

На наш взгляд, завершившаяся избирательная кампания по внеочередным выборам Президента Республики Казахстан 2022 г. является индикатором несоблюдения со стороны БДИПЧ международных стандартов демократических выборов СНГ. Также представляется возможным утверждать, что Заявление БДИПЧ содействует дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в Республике Казахстан и, следовательно, дезинтеграции государств – участников Содружества. Данный тезис наталкивает на важную в отношении перспектив функционирования института международного наблюдения мысль: возникла необходимость в разработке критериев, которые позволяют устанавливать принадлежность той или иной международной структуры к организации в сфере мониторинга реализации избирательных прав и свобод граждан.

Главной задачей международного наблюдения за выборами и референдумами является и будет являться обеспечение реализации избирательных прав граждан, объективная оценка в отношении электорального процесса, его администрирования государственными органами, что невозможно осуществить без четко регламентированной международными документами деятельности мониторинговых миссий.

Вместе с тем международное наблюдение, осуществляемое организациями Содружества, содействует не только развитию демократии, парламентаризму и соблюдению избирательных прав и свобод граждан, но и интеграционным процессам в СНГ.

Институт международного наблюдения СНГ – важный механизм и результат интеграционного взаимодействия в Евразии, который может и будет способствовать государствам в преодолении глобальных вызовов и угроз.

Объединяя представителей государств – участников СНГ, миссии и группы международных наблюдателей обеспечивают сохранение коммуникации, поддержание дружеских и деловых связей, расширение сферы интеграционного взаимодействия в рамках Содружества.

Мы убеждены, что соблюдение и реализация положений Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах – участниках Содружества Независимых Государств органами государственной власти и администрирования выборов при подготовке, организации и проведения выборов и референдумов, международными наблюдателями при осуществлении международного наблюдения за выборами и референдумами является залогом объективности и служит гарантией реализации прав и свобод граждан, залогом успешной реализации интеграционных процессов на евразийском пространстве.

Библиографические ссылки

1. БДИПЧ ОБСЕ в действии. 25 лет наблюдения за наблюдателями / И.Б. Борисов, А.В. Игнатов // М.: Российский общественный институт избирательного права, 2017. – 160 с.
2. Заявление Миссии наблюдателей от Содружества Независимых Государств по результатам наблюдения за подготовкой и проведением внеочередных выборов Президента Республики Казахстан, состоявшихся 20 ноября 2022 года [Электронный ресурс] // Исполнительный комитет Содружества Независимых Государств. – Режим доступа: https://cis.minsk.by/news/24432/zajavlenie_missii_nabljudatelej_ot_sng_po_rezultatam_nabljudeniya_za_podgotovkoj_i_provedeniem_vneocherednyh_vyborov_prezidenta_respubliki_kazahstan. – Дата доступа: 15.02.2023.
3. Заявление о предварительных результатах и выводах миссия по наблюдению за выборами Республика Казахстан – Внеочередные выборы Президента Республики Казахстан, 20 ноября 2022 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт ОБСЕ. – Режим доступа: <https://www.osce.org/files/f/documents/0/a/531809.pdf>. – Дата доступа: 15.02.2023.
4. Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах — участниках Содружества Независимых Государств от 7 октября 2002 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901836765>. – Дата доступа: 15.02.2023.
5. Официальный комментарий МИД РК к Заявлению о предварительных выводах и заключениях Миссии БДИПЧ ОБСЕ по наблюдению за президентскими выборами 2022 года [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Казахстан. – Режим доступа: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/news/details/464363?lang=ru>. – Дата доступа: 15.02.2023.

НАУЧНАЯ СЕССИЯ 1

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

ОРГАНИЗАЦИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ГОЛОСОВАНИЯ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЕВРАЗИИ (НА ПРИМЕРЕ ВЫБОРОВ В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА)

М. В. Андреев,

*заместитель начальника аналитического отдела
Международного института мониторинга развития демократии,
парламентаризма и соблюдения избирательных прав граждан
государств–участников МПА СНГ (МИМРД МПА СНГ)
(191015, Россия, Санкт–Петербург, ул. Шпалерная, д. 47,
Таврический дворец), maxander1308@gmail.com*

Данная статья посвящена вопросу влияния организации и результатов зарубежного голосования на выборах в Республике Молдова на геополитические процессы на евразийском пространстве. Внимание уделено избирательным кампаниям 2019–2021 гг. На основе анализа избирательных кампаний автор показывает то, как отсутствие четких критериев к установлению количества и местоположения избирательных участков за рубежом, а также результаты зарубежного голосования граждан влияют на геополитические трансформации и интеграционные процессы.

Ключевые слова: Евразия, интеграционные процессы, геополитика, выборы, зарубежное голосование, Республика Молдова.

Связь внутригосударственных и геополитических процессов является одним из актуальных объектов научной геополитики. В условиях поляризации Евразии на несколько геополитических подсистем интерес и актуальность представляет изучение пространственно-временной динамики континентальных интеграционных процессов.

С момента трансформации биполярной системы международных отношений страны постсоциалистического лагеря встали на путь вхождения в евроатлантические интеграционные проекты, при этом новые суверенные государства, получившие независимость вследствие распада Советского Союза, встали перед следующим геополитическим выбором: учитывая существующие связи на пространстве бывшего СССР, стремиться к их сохранению и развитию, либо полностью перестраивать национальные институты на новый лад, переходя из одного интеграционного объединения в другое с целью получения дополнительных преимуществ в глобальной конкуренции. Наиболее ярким примером государства, продолжающего стоять перед таким выбором, выступает Республика Молдова.

Отвечая на вопрос «как происходит смена интеграционного вектора?», следует подчеркнуть, что внимание исследователей должно быть адресовано такому традиционному политическому институту, как институт выборов и референдумов. Электоральные процессы позволяют реализовывать политические

и гражданские права граждан, оказывать непосредственное влияние не только на государственное и общественное развитие, но и на региональные и глобальные геополитические процессы. Еще одним значимым, на наш взгляд, аспектом электоральных процессов выступает возможность властей получать информацию об отношении граждан к тем или иным геополитическим идеологемам, продвигаемым теми или иными политическими партиями, движениями и лидерами общественного мнения (выборы как социологический инструмент).

В последние десятилетия электоральные процессы в Республике Молдова сопровождаются следующими тенденциями. Во-первых, по оценкам многих экспертов, в молдавском обществе сохраняется электоральный раскол, в частности по вопросам внешнеполитического вектора развития государства (Евроинтеграция vs интеграция в СНГ). Во-вторых, отмечается относительно низкий уровень политической (электоральной) культуры молдавских граждан, среди которых распространены абсентеистские настроения (Л. Брага, В. Жук, П. Райлян и др.). В-третьих, усиливается отток граждан из Молдовы.

Миграция молдавских граждан, по нашему мнению, во многом является недооцененным фактором, влияющим не только на политическую систему Молдовы, но и на геополитические процессы в европейском регионе и на постсоветском пространстве. Всего к 2019 г. за рубежом насчитывалось, по разным оценкам, более 700 тыс. граждан Республики Молдова, из них около 350 тыс. на территории Российской Федерации [5]. Другая значительная часть диаспоры приходится на страны Европейского союза, а также США и Канаду. Возникает вопрос относительно того, где и как голосуют граждане Республики Молдовы, временно и постоянно находящихся за рубежом? Какие меры в этом отношении предпринимают органы администрирования выборов Республики Молдова, ответственные за подготовку и проведение голосования?

На парламентских выборах 2019 г. органами администрирования выборов Молдовы был использован территориальный принцип определения зарубежных избирательных округов. Центральной избирательной комиссией (ЦИК) Республики Молдова были выделены три географических зоны [4]: «одномандатный округ для США и Канады» (13 участков), «на западе от Республики Молдова» (83 участка), «на востоке от Республики Молдова» (27 участков). Такое количественное распределение избирательных участков позволяет ставить следующий вопрос: какие критерии были использованы для установления и распределения по странам количества участков? Основывалось ли решение ЦИК на данных о численности граждан Республики Молдова, проживающих за рубежом? В этой связи подчеркнем отсутствие в избирательном законодательстве соответствующих четко сформулированных критериев.

Суммарно было открыто 123 участка в 37 государствах.

Таблица 1 – Количество зарубежных избирательных участков (пять и более) на парламентских выборах в Республике Молдова 2019 г.

Государство	Кол-во участков
Италия	29
Россия	11

Румыния	12
США	12
Франция	7
Великобритания	4
Испания	5
Португалия	5

Источник: [4].

Результаты зарубежного голосования показали, что в «одномандатном округе для США и Канады» 3 088 из 4 242 действительных голосов по пропорциональным спискам были отданы проевропейскому избирательному блоку «ACUM Platforma DA și PAS» (72,8% голосов). Его конкурент Партия социалистов Республики Молдова, сторонник евразийской интеграции, получила 158 (3,7%) голосов избирателей. «На западе от Республики Молдова» блок получил 49 099 из 62 273 действительных голосов по пропорциональным спискам, а Партия социалистов Республики Молдова – 2 514 голосов. «На востоке от Республики Молдова» за блок были отданы 1 982 из 7 606 голосов, а за Партию социалистов всего 3 644 голоса.

Сопоставляя численность открытых ЦИК участков на выборах 2019 г., например, в России (оценочно 356 761 человек) и Франции (оценочно 17 000 человек) отметим, что, несмотря на многократную разницу в численности молдавских граждан между Россией и Францией, в России было открыто всего 11 участков, а во Франции – 7. Это позволяет сделать вывод о том, что органы администрирования выборов Молдовы не обеспечили своих граждан в Российской Федерации достаточным количеством зарубежных участков (на один участок в РФ приходится 32 433 человека, обладающего молдавским гражданством). Стоит заметить, что списки избирателей по избирательным участкам, образованным за пределами Республики Молдова, составляются также на основании данных дипломатических представительств и консульств Республики Молдова [1].

На президентских выборах 2020 г. всего было открыто 139 зарубежных избирательных участках в 36 государствах. Основание для определения количества и местоположения участков стало число и местоположение граждан Республики Молдова, принявших участие в парламентских выборах 2019 г., на основе предварительной регистрации, а также полученной Министерством иностранных дел и европейской интеграции Республики Молдова информации о пребывании молдавских граждан в иностранных государствах [1].

Таблица 2 – Количество зарубежных избирательных участков (более двух) на президентских выборах в Республике Молдова 2020 г.

Государство	Кол-во участков	Изменения кол-ва участков в сравнении с выборами 2019 года
Италия	30	+1
Россия	17	+6
Румыния	12	
США	12	

Франция	8	+1
Великобритания	7	+3
Германия	6	+4
Канада	4	+3
Ирландия	4	+2
Испания	4	-1
Португалия	3	-2
Израиль	2	
Турция	2	-1
Украина	2	-1

Источник: [6].

Выборы прошли в два тура. Во втором туре количество действительных голосов избирателей за рубежом составило 262 103 [6]. При этом 243 605 (92,94%) человек проголосовали за проевропейского кандидата Майю Санду и только 18 498 (7,06%) за Игоря Додона, выступающего за тесное сотрудничество Молдовы со странами СНГ. Он смог победить на участках лишь в Азербайджане, Республике Беларусь, Болгарии, России и Турции.

Отметим, что если на участках в России свой голос отдали 13 995 молдавских граждан, то в таких государствах, как Франция, Германия и Великобритания, где убедительную победу одержала Майя Санду, было отдано не менее 20 тыс. голосов в каждой из стран. Например, в Италии суммарно Санду получила 80 140 голосов избирателей.

Досрочные парламентские выборы 2021 г. сопровождались борьбой различных политических сил на этапе подготовки к голосованию: несколько раз ЦИК пересматривал количество зарубежных участков (от 139 до 146 и 150) [2].

Таблица 3 – Количество зарубежных избирательных участков (более двух) на досрочных парламентских выборах в Республике Молдова 2021 г.

<i>Государство</i>	<i>Кол-во участков</i>	<i>Изменения кол-ва участков в сравнении с выборами 2020 года</i>
<i>Италия</i>	<i>31</i>	<i>+1</i>
<i>Россия</i>	<i>17</i>	
<i>США</i>	<i>13</i>	<i>+1</i>
<i>Румыния</i>	<i>12</i>	<i>+4</i>
<i>Великобритания</i>	<i>11</i>	<i>+4</i>
<i>Германия</i>	<i>11</i>	<i>+5</i>
<i>Франция</i>	<i>10</i>	<i>-2</i>
<i>Испания</i>	<i>5</i>	<i>-1</i>
<i>Ирландия</i>	<i>4</i>	
<i>Канада</i>	<i>4</i>	
<i>Португалия</i>	<i>3</i>	
<i>Бельгия</i>	<i>2</i>	<i>+1</i>
<i>Турция</i>	<i>2</i>	
<i>Украина</i>	<i>2</i>	

Источник: [2].

По результатам зарубежного голосования победу одержала проевропейская партия PAS, получив 182 654 (85,98%) голосов избирателей. Избиратель-

ный блок Коммунистов и Социалистов получил 5 228 (2,46%) голосов.

Голосование за рубежом в период 2019–2021 гг. показало существенные различия в уровне вовлеченности диаспоры в избирательный процесс. Например, если на парламентских выборах 2021 года проголосовало 5 873 человек с молдавским паспортом в России, то уровень вовлеченности молдавских граждан в голосование оказался существенно выше в странах ЕС. Так, в Германии проголосовало 25 960 человек, в Италии – 66 295, во Франции – 23 001 [3]. Сравнивая голосование в России и странах ЕС, отметим, что за PAS в России проголосовало 1 538 человек, а в Германии – 22 985. За Избирательный блок коммунистов–социалистов в России отдали свой голос 2 653 человека, а в Германии – 203 человека.

Результаты зарубежного голосования трех избирательных кампаний показывают существенные различия в явке в абсолютных значениях между странами разных интеграционных объединений – Европейского союза и Содружества Независимых Государств.

Учитывая относительный паритет в численности молдавской диаспоры в Европе и России, выделяется два ключевых фактора, влияющих на итоги зарубежного голосования.

Во–первых, это отсутствие в законодательстве Республики Молдова четких критериев, позволяющих справедливо определять количество избирательных участков за рубежом. На наш взгляд, именно численность и расселение молдавских граждан должно быть положено в основу такой политики, вне зависимости от истории участия граждан за рубежом в той или иной стране.

Во–вторых, особенности правовой и электоральной культуры молдавских граждан за рубежом. Фактически интеграция молдавской диаспоры в другие социокультурные системы и необходимость учета правовых полей других стран не позволяют гражданам Молдовы в полной мере участвовать в электоральных процессах государства гражданства. Кроме того, очевидно, что местная среда оказывает непосредственное воздействие на ценностные, политико–идеологические установки, в том числе геополитические предпочтения молдавской диаспоры.

Участие в выборах находящихся за рубежом молдавских граждан, обеспечивающих до 20% голосов всего электората, сохраняет ресурс для геополитических трансформаций.

С течением времени, учитывая сохранение миграционных тенденций, электоральный раскол по вопросу геополитического будущего Молдовы будет усиливаться. На наш взгляд, результаты зарубежного голосования во многом обеспечили приход к власти в Молдове проевропейских сил (партии PAS в парламенте и Майи Санду на пост главы государства), которые будут дальше действовать усиленно евроинтеграционного вектора, что может сказаться на результатах последующих избирательных кампаний. В то же время данная ситуация меняет характер геополитических отношений как в восточно–европейском регионе, так и на постсоветском пространстве.

Также следует ожидать, что следующие президентские и парламентские выборы станут очередным этапом борьбы между политическими силами, зани-

мающими принципиально разные позиции по вопросу целесообразности участия Кишинева в тех или иных интеграционных проектах. Остается открытым вопрос, насколько эта борьба приведет к устойчивой геополитической ориентации Республики Молдова, учитывая при этом нарастающее недовольство молдавских граждан в отношении политики Майи Санду.

Таким образом, участие граждан, находящихся за рубежом, в избирательных процессах в условиях стоящего перед государством и обществом геополитического выбора может оказывать существенное влияние не только на внутригосударственный политический баланс, но и на геополитическую ситуацию на региональном международном уровне.

Связь выборов и геополитики отражается на интеграционных процессах внутри регионов де-юре (например, Европейский союз, Содружество Независимых Государств), так и де-факто (например, постсоветское пространство, восточно-европейский регион). Это подчеркивает важность мониторинга электоральных процессов и зарубежного голосования, в частности, со стороны международных организаций и государств, участвующих в интеграционных процессах.

Библиографические ссылки

1. Закон Кодекс о выборах No 1381–XIII от 21.11.1997 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 31.03.2022 г.) [Электронный ресурс] // Государственный реестр правовых актов Министерства Юстиции республики Молдова. – Режим доступа: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=115918&lang=ru. – Дата доступа: 14.02.2023.
2. Постановление о внесении изменений в постановление Центральной избирательной комиссии No 4966 от 5 июня 2021 года «Об образовании избирательных участков за рубежом для проведения досрочных парламентских выборов от 11 июля 2021 года» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Центральной избирательной комиссии Республики Молдова. – Режим доступа: https://a.cec.md/ru/o-vnesenii-izmeneniy-v-postanovlenie-tsentralnoy-izbiratelnoy-komissii-4966-ot-2751_99748.html. – Дата доступа: 14.02.2023.
3. CEC a totalizat rezultatele alegerilor parlamentare anticipate din 11 iulie 2021 // Pagina oficial Comisia Electoral Central a Republicii Moldova [Electronic resource]. – Mode of access: https://a.cec.md/ro/cec-a-totalizat-rezultatele-alegerilor-parlamentare-anticipate-din-11-2781_99930.html. – Date of access: 14.02.2023.
4. Circumscrip ii electorale // Pagina oficial Comisia Electoral Central a Republicii Moldova [Electronic resource]. – Mode of access: <https://a.cec.md/ro/circumscrip-tii-electorale-3661.html>. – Date of access: 14.02.2023.
5. Compendiul Statistic al Profilului Migra ional Extins al Republicii Moldova pentru anii 2017–2019 // Ministry of Internal Affairs Bureau for Migration and Asylum [Electronic resource]. – Mode of access: <http://bma.gov.md/en/node/101341>. – Date of access: 14.02.2023.
6. Rezultate alegeri turul II // Pagina oficial Comisia Electoral Central a Republicii Moldova [Electronic resource]. – Mode of access: <https://185.108.181.107/ro/rezultate-alegeri-turul-ii-8248.html>. – Date of access: 14.02.2023.

ЭЛЕКТОРАЛЬНАЯ ГЕОПОЛИТИКА КАК НАПРАВЛЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ЕВРАЗИЙСКИХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Р. А. Амбурцев,

*начальник аналитического отдела МИМРД МПА СНГ,
старший преподаватель кафедры региональной экономики и природопользования Санкт-Петербургского государственного
экономического университета*

Н. В. Каледин,

*кандидат географических наук, доцент,
старший преподаватель кафедры региональной политики и политической географии Института наук о Земле Санкт-Петербургского государственного университета*

Данная статья посвящена обоснованию электоральной геополитики как нового научного направления в рамках политической географии и геополитики. Объектом исследования электоральной геополитики выступают избирательные процессы (выборы и референдумы), а предметом специфические электорально-геополитические отношения.

Ключевые слова: электоральная геополитика, электорально-геополитические отношения, государственная электоральная геополитика, международные электорально-геополитические регионы де-юре и де-факто.

Электоральные процессы давно вышли за пределы отдельных государств и всё активнее приобретают характер международной политической деятельности в интересах как отдельных государств, так и их сообществ. По своей сути это геополитические процессы, исследование которых и прикладные, управленческие аспекты могут составить содержание предметной области нового направления геополитики – **электоральной геополитики**. Его можно отнести к геополитике мягкой силы, дополняющей традиционные «жесткие» инструменты.

Остановимся на содержании электоральной геополитики.

С позиций деятельностно-геопространственной методологии, разрабатываемой учеными кафедры региональной политики и политической географии Санкт-Петербургского государственного университета [3], её предметной областью и объектом воздействия являются системы *электорально-геополитических отношений*, складывающиеся в результате взаимодействия электоральных процессов в той или иной стране и геополитических интересов к ней и действий внешних акторов (государств, международных межгосударственных и межпарламентских организаций неправительственных организаций, общественных фондов, научных и исследовательских центров, экспертных сообществ и др.), направленных на изменение или сохранение сложившейся внутривнутриполитической системы страны, в том числе избирательной, посредством разнообразного воздействия на электоральные процессы и их участников [2,4].

Формы и инструменты электоральной геополитики, используемые для регулирования электоральных процессов и составляющие содержание электорально-геополитических отношений, могут быть различны. К наиболее распро-

странённым из них можно отнести:

- поддержка (финансирование, обучение) оппозиции, её кандидатов и структур, среди которых политические партии, некоммерческие организации, отдельные политические лидеры или, напротив, дискредитация оппозиции;
- организация массовых движений и беспорядков;
- угроза со стороны отдельных государств или международных институтов признания и непризнание результатов выборов;
- обвинения третьих сил (России, иностранных хакеров и др.) во вмешательстве в предвыборную кампанию и в процедуры выборов;
- дезинформационные кампании против кандидатов или политических партий;
- информационное воздействие на электоральные процессы с помощью средств массовой информации, интернет–платформ, социальных сетей и мессенджеров;
- деятельность международных мониторинговых структур (БДИПЧ ОБСЕ, IFES, ENEMO, NDI, IRI и других) [0].

Необходимо отметить, что институт иностранного (международного) наблюдения родился именно как геополитический инструмент или как инструмент для поддержания геополитического баланса в Европе.

Он был создан для помощи территориям, стремящимся добиться самоопределения. Впервые в истории иностранные наблюдатели за электоральными процессами появились в 1857 году, когда дипломаты Российской империи, Австро–Венгерской империи, Османской империи, Британской империи, Королевства Пруссии и Французской Республики следили за прохождением плебисцита в Молдавии и Валахии, по результатам которого в 1859 г. образовалось новое государство – Румынское королевство [6].

Результаты электоральной геополитики проявляются как на государственном, так и на международном уровнях политической деятельности.

В первом случае, помимо конкретных результатов воздействия на внутренние электоральные процессы и их акторов можно говорить о формировании общегосударственной электоральной геополитики, специфические особенности которой складываются под воздействием как международных, так и внутригосударственных факторов. Анализ их взаимодействия, сочетания позволит в дальнейшем выделить ряд типов государственной электоральной геополитики.

Однако результаты электоральной геополитики проявляются не только на уровне национально–государственном. Она вносит свой вклад в активно расширяющиеся в современном мире процессы регионализации общества, в том числе геополитической регионализации, формируя различные по форме и геопространственному масштабу региональные общности нового типа – электорально-геополитические как результат «наложения», взаимодействия внутренних электоральных процессов и их зарубежных факторов.

Это – международные электорально-геополитические регионы как региональные системы электорально-геополитических отношений, объединяющих международных акторов (международные организации, их мониторинговые структуры и миссии, государства и др.) и национальных электорально-

политических субъектов (национальные избиркомы, соперничающие на выборах кандидаты и партии, их блоки, в том числе с иностранной поддержкой).

По своей природе они производны от более сложных, многопрофильных геополитических макрорегионов – Евроатлантического, который составляют государства участники НАТО и ЕС, Евразийского, Африканского, Латиноамериканского и других.

По геополитической структуре они могут быть моноцентричными (один центр или актор, определяющий или «диктующий» тип электорально-геополитических отношений в региональной системе), биполярными (два центра взаимодействия, связанных электорально–геополитическими отношениями) и многополюсными (несколько центров или акторов, связанных такими отношениями).

По международно–правовому статусу, форме они могут быть классифицированы на электорально–геополитические регионы «де-юре» и «де-факто».

Регионы «де-юре» представляют собой регионально–геополитические общности, сложившиеся на международно-правовой институциональной основе и обладающие определёнными управленческими, регулируемыми функциями относительно электорально-геополитических процессов (например, в сфере стандартов демократических выборов и мониторинга выборов и референдумов).

Яркими примерами электорально-геополитических регионов являются результаты деятельности специальных подразделений международных региональных организаций, осуществляющих мониторинг избирательных процессов в государствах – участниках (БДИПЧ ОБСЕ, МПА СНГ, ПА ОДКБ, Африканский союз и другие).

Регионообразующими электорально-геополитическими отношениями в таких регионах выступают стандарты выборов, принципы, методики, формы и итоги деятельности мониторинговых миссий и иных подразделений этих организаций. Названия электорально-геополитических макрорегионов «де-юре» должны отражать политико-географические особенности охватываемого ими геопространства и специфику принципов деятельности: «Евро-Атлантический» применительно к деятельности БДИПЧ ОБСЕ, «Евразийский» применительно к СНГ и МПА СНГ, «Европейский» – к Совету Европы и Европейскому Союзу, «Африканский» – к Африканскому Союзу и т.п.

Отметим, что сформированным электорально–геополитическим регионом является Содружество Независимых Государств, в котором действует обязательный к исполнению для присоединившихся государств документ – Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах – участниках Содружества Независимых Государств, а также комплекс связанных с Конвенцией документов [5].

К регионам «де-факто» могут быть отнесены те регионально-геополитические общности, которые не имеют юридического статуса и возникают на основе конфликтных электорально-геополитических отношений, с одной стороны, между участниками электоральных процессов в той или иной стране, а с другой – между поддерживающими их государствами и международными структурами, в том числе мониторинговыми.

Таким образом, на постсоветском пространстве сложилась и действует сложная система электорально-геополитических регионов «де-факто», производная от существующих здесь же электорально-геополитических макрорегионов «де-юре» Евро-Атлантического и Евразийского типов как результатов деятельности (электоральной геополитики) ОБСЕ (БДИПЧ) и СНГ (МПА СНГ) и других международных организаций, которые наблюдают за электоральными процессами на постсоветском пространстве. Данное исследование будет продолжено в следующих работах по электоральной геополитике.

Библиографические ссылки

1. Выборы в мире: международное наблюдение / И. Б. Борисов, А. Г. Головин, А. В. Игнатов; под ред. И. Б. Борисова. – СПб.: ИВЭСЭП, 2015. – 168 с.
2. Елацков, А. Б. Общая геополитика: вопросы теории и методологии в географической интерпретации / А.Б. Елацков // Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2017. – 251 с.
3. Каледин, Н. В. Общественная география в Санкт-Петербургском университете: истоки и этапы развития / Н.В. Каледин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. – 2015. – №. 1. – С. 58–74.
4. Каледин, Н. В. Политическая география: истоки, проблемы, принципы научной концепции / Н.В. Каледин // СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 1996. – 164 с.
5. Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах – участниках Содружества Независимых Государств от 7 октября 2002 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901836765>.
6. Шлюндт, Н. Ю. История института международных наблюдателей / Н. Ю. Шлюндт, И.А. Подворчан // Интеграция науки и образования. – 2017. – С. 72–75.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИНТЕГРАЦИОННОЙ ПОВЕСТКИ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА И ЕАЭС В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

О. В. Бахлова,

*доктор политических наук, доцент,
профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения,
Национальный исследовательский*

*Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва,
430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68/1,
olga.bahlova@gmail.com*

И. В. Бахлов,

*доктор политических наук, доцент,
заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения,
Национальный исследовательский*

*Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва,
430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68/1,
bahlov@mail.ru*

В статье ставится проблема сопряжения ценностного измерения евразийской и российской-белорусской интеграции с общими стратегическими приоритетами их поступательного развития. Объект исследования – интеграционная повестка Евразийского экономического союза и Союзного государства Беларуси и России в ракурсе реагирования на общемировые тенденции, вызовы и угрозы современности. Цель – выявление аксиологического аспекта основных сюжетов дискурсивных практик в данной области. Акцентируются увязка с прагматическими ожиданиями и внимание к историческому компоненту. Текущая ситуация побуждает трактовать аксиологический аспект как многомерный, относящийся также к плоскости взаимодействий с внешним миром. Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования интеграционных механизмов в Евразийском регионе.

Ключевые слова: динамика современного мироустройства, духовно–нравственные ценности, евразийская интеграция, историческая память, патриотизм, союзное строительство, традиционные ценности.

Процессы геополитической трансформации современности затрагивают не только структурные характеристики мироустройства. Их сопровождают переосмысление и порой – переоценка ценностей в разных областях. В политических дискурсах и международных практиках сформировалось несколько слоев толкования дискуссионных вопросов. Среди наиболее показательных – возможность и перспективы диалога между цивилизациями / источниками и проявления межцивилизационной конкуренции (войны цивилизаций); устои международного порядка / миропорядка (нормы международного права или некие «правила»); роль идеологии в международных отношениях и мировой политике; ценностные ориентиры поведения международных акторов; цели общенационального развития; ценностное наполнение национальной идеи; отношение правительственных и неправительственных институтов, обществ к традиционным духовно–нравственным ценностям, их сочетанию с либерально-демократическими; интерпретация общечеловеческих / универсальных ценно-

стей. Во многом активизация споров вокруг них коррелирует с актуализацией линии глобальной фрагментации «Запад – НеЗапад (Незапад)». Не преувеличивая ее независимого онтологического статуса, согласимся, что речь здесь идет о своеобразных маркерах социальных ценностей, претендующих на особое идентификационное значение [14, с. 20].

В практической плоскости артикуляция данной линии может рассматриваться как в конфронтационной, так и кооперативной логике международных взаимодействий. Первый тип олицетворяют прежде всего попытки утвердить / сохранить гегемонию Запада, однополярную конфигурацию общемировой системы, ее центрально–периферийное устройство, формы и методы неокOLONиальной экспансии. В этом случае все чаще «Культурно–цивилизационная идея превосходства ценностей западного мира становится в суждениях и действиях западных элит военно–политической идеей» [15, с. 46]. Направленность на выстраивание и углубление взаимоотношений второго типа демонстрируют интеграционные объединения в общем русле евразийской интеграции.

Представляется, что в условиях стратегической нестабильности допустимо их восприятие как институтов, призванных «устанавливать и эффективно поддерживать нормы коллективного действия» [18, с. 7], что само по себе должно являться непреложной ценностью для мирового сообщества. Разделяем мнение о необходимости включения политической и социогуманитарной идеи в понимание сущности и формирование модели интеграции Евразийского экономического союза (ЕАЭС) [11, с. 10].

Предполагаем, что тенденции динамики мироустройства, в том числе изменение статусов международных регионов, оживление настроений в пользу полицентризма / многополярности, тренды на антивестернизацию / девестернизацию, деглобализацию (при сохраняющейся артикуляции глобалистского политического проекта и объективности взаимозависимости и взаимосвязанности мира), глокализацию и макрорегионализацию, на фоне усиления международного протиполоборства стимулируют повышение значимости ценностной составляющей интеграционной повестки в Евразийском регионе, как минимум, на уровне дискурса. Примечательно, что при принятии председательства в органах ЕАЭС в 2023 г. Российской Федерацией сделан акцент на возможностях Союза «... быть центром притяжения для всех разделяющих наши ценности и стремящихся к сотрудничеству с Евразэс независимых государств» [10].

Исследование опиралось на методы сравнительного бинарного анализа, качественного анализа документов, метод декомпозиции, контекстный анализ политического дискурса. Внимание фокусировалось на изучении содержания материалов, размещенных на интернет–ресурсах Союзного государства Беларуси и России (Союзное государство, СГБР) и ЕАЭС, фиксирующих результаты обсуждения актуальных задач и проблем на заседаниях их органов. В первую очередь – Высшего Государственного Совета (ВГС) Союзного государства и Высшего Евразийского экономического совета (ВЕЭС) как высших органов, определяющих важнейшие вопросы интеграционного развития и его стратегические ориентиры. Исследовались также тексты, исходящие от официальных представителей стран–участниц в составе названных советов по должности.

Учитывались положения концептуально–стратегических документов СГБР, ЕАЭС, их государств–членов, события, существенные во внутреннем для Союза и Союзного государства и внешнем измерениях. В качестве связующих для интеграционного процесса точек приняты юбилейные для обоих объединений мероприятия и достижение соответствующих интеграционных решений.

Обратимся к интеграционной дискурсивной плоскости. Очевидно, что ЕАЭС, как экономическому интеграционному формату, не свойственна концентрация на ценностных началах. Об этом свидетельствует содержание учредительных и концептуально–стратегических документов Союза. Упоминание о них отсутствует в Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года [17]. В Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза [2] некоторые положения аксиологического плана встречаются. Например, говорится об особой важности инклюзивного развития, подразумевающего реализацию потенциала каждого человека; социально–культурный аспект понимается в контексте экономического развития.

Наиболее ценностно ориентированным можно признать следующее ключевое направление интеграционных процессов в рамках ЕАЭС – «Раскрытие потенциала интеграции для людей, повышение их благосостояния и качества жизни». Вместе с тем и здесь ввиду интеграционной «специализации» Союза превалирует отсылка к социально–экономическим, нежели духовно–нравственным или социокультурным категориям. Артикуляция последних обнаруживается в Декларации о евразийской экономической интеграции от 18 ноября 2011 г. [3], основами которой признаны глубокие исторические и духовные связи между народами Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации (участников Таможенного союза на тот момент). В Декларации намечалось всемерное развитие сотрудничества в сфере культуры, контактов между людьми. Договор от 29 мая 2014 г. [5] закрепил желание Сторон «укрепить солидарность и углубить сотрудничество между народами при уважении их истории, культуры и традиций», хотя цели ЕАЭС в нем сформулированы исключительно прагматично.

Кратко обозначим принципиальные для анализируемой области линии репрезентации ценностной составляющей в интеграционной повестке ЕАЭС на примере заседаний ВЕЭС в период 2018–2022 гг. Хронологические рамки обусловлены необходимостью учитывать специфику позиций всех государств – членов Союза в качестве председателей его органов. Вместе с тем этот фактор не является доминантным. Анализ выступлений и итогов работы Совета в названных рамках свидетельствует, что концепт «ценности» не востребован сторонами как существенный. Обращение к нему отчается лишь в нескольких случаях. Причем оно – скорее опосредованное и раскрывается через расшифровку определенных приоритетов. Ценностное наполнение просматривается в первую очередь в предложениях российской стороны в преддверии ее председательства на заседании ВЕЭС 9 декабря 2022 г. относительно развития научных, технических и образовательных контактов в Союзе и вовлечение молодых специалистов в интеграционную повестку через про-

граммы студенческого туризма, популяризацию общих исторических, социальных и этических ценностей, в поддержку совместных молодежных проектов в сферах предпринимательства, добровольчества, культуры и спорта [8]. Ранее и российская сторона концентрировалась на прагматике, следуя утвержденным в ЕАЭС установкам. Считаем, что подвижки в ее позиции детерминированы негативизацией внешней среды и усложнением вызовов и угроз. Они корреспондируют с новыми концептуально-стратегическими документами Российской Федерации в области сохранения и укрепления традиционных российских духовно–нравственных ценностей [19]. С другой стороны, фокусами повестки ВЕЭС в последние годы выступают человеческий потенциал, права граждан, противостояние современным вызовам, противодействие внешнему давлению, эффективное реагирование на текущую ситуацию, осознание, по выражению Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, архиважности дальнейшего углубления внутрисоюзной интеграции. В разрезе ценностей международного общения актуальна апелляция белорусской стороны к растущему несогласию с дальнейшим существованием однополярного мира и уважению разных культур, взглядов, политических систем, разделяемыми такими объединениями, как БРИКС и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) [20].

Союзное государство Беларуси и России мыслится как многомерный интеграционный формат, охватывающий многие сферы и области, включая мощное гуманитарное измерение. Ценностная составляющая в разной степени наличествует в документах союзного уровня и выступлениях представителей органов СГБР. Предполагается опора «всеобъемлющей» российско–белорусской интеграции на «прочный фундамент общности судеб, исторических корней и традиционной дружбы братских народов, неразрывности их родственных уз, духовной и культурной близости» [1].

Стоит подчеркнуть, однако, что в учредительном Договоре Союзного государства от 8 декабря 1999 г. [6] аксиологический аспект отражен достаточно слабо, уступая в этом даже Договору ЕАЭС 2014 г. С концептуально–стратегической точки зрения он проработан, в частности, в документах, закрепляющих приоритетные направления дальнейшего развития Союзного государства на среднесрочную перспективу. На период 2014–2017 гг. [12] и 2018–2022 гг. [13] к таковым, среди прочих, было отнесено формирование общего культурно–информационного пространства. Заметим, что в рамках первого периода оно размещалось на 14–м по счету месте, второго – 17–м. При этом только на период 2018–2022 гг. применительно к данному направлению первоочередные задачи (одна из них, первая) несли в себе явно выраженную ценностную компоненту – продвижение в общественном сознании духовных ценностей, общих для народов России и Беларуси. На предыдущий период ставилась более прагматичная задача обеспечения дальнейшего укрепления позитивного культурного имиджа государств – участников Договора о создании Союзного государства.

Пакет интеграционных документов от 4 ноября 2021 г. (Декрет ВГС, Основные направления реализации положений Договора о создании Союзного государства, союзные программы) отличается экономической направленностью

стью, без акцента на аксиологическом аспекте. Вместе с тем нельзя отрицать их социальную ориентированность (Союзная программа по проведению согласованной политики в социально–трудовой сфере и др.). Подчеркнем также, что в ходе заседания ВГС Союзного государства в режиме видеоконференции 4 ноября 2021 г. оба лидера – и Беларуси, и России, характеризуя СГБР как интеграционную модель, упомянули о ценностях как об одной из скреп союзного строительства. По словам Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, «... мы защищаем единые для наших братских народов исторические и моральные ценности»; Президента Российской Федерации В. В. Путина, – «Нас связывают и многовековая братская дружба, история, духовные и нравственные ценности... Мы вместе защищали свободу и независимость, плечом к плечу боролись с внешними врагами, рука об руку трудились ради благополучия и процветания наших народов» [7].

Константой дискурсивных практик союзного уровня выступает увязка с нарастанием глобальных вызовов. С точки зрения Государственного секретаря Союзного государства Д. Ф. Мезенцева, «... сегодня по–особому важно ставить вопросы о роли духовно–нравственных ценностей в развитии личности, преемственности национальных традиций в сохранении идентичности народа, патриотическом воспитании подрастающего поколения» [9]. Руководитель Представительства Постоянного Комитета Союзного государства в Минске М. А. Щёткина, рассуждая о влиянии санкций и устойчивости российско–белорусской интеграции, замечает: «... сила Союзного государства – в единстве народов Беларуси и России, основанном на общих культурных ценностях и исторической памяти» [21]. Характерно расположение категории «историческая память» именно в системе ценностных координат СГБР. Подтверждается общая решимость «категорически пресекать непрекращающиеся циничные попытки переписать или исказить историю Великой Отечественной войны» [16].

Аксиологический аспект интеграционной повестки ЕАЭС и Союзного государства выражен вполне отчетливо, но не является доминирующим. Ценностная составляющая нередко преломляется через призму прагматики, в ракурсе опоры на задачи брендирования, улучшения статусно–ролевых характеристик в «интеграционной конкуренции», привлечения третьих стран и объединений, совершенствования международной правосубъектности, укрепления в качестве центров / полюсов мироустройства. В целом декларирование приверженности четкой системе ценностей осознается как проинтеграционный ресурс – для повышения собственной интеграционной привлекательности. На современном этапе фиксируется усиление внимания к исторической и патриотической составляющим ценностной повестки. Это в большей степени присуще Союзному государству. Продвижение проектов и мероприятий соответствующей направленности сопрягается с разработкой ответов на стратегические вызовы и угрозы, в первую очередь в военно–политической и геоэкономической сферах, обеспечением прагматических ожиданий населения стран–участниц.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–28–00371, <https://rscf.ru/project/23–28–00371/>

Библиографические ссылки

1. Декларация о дальнейшем единении Республики Беларусь и Российской Федерации [Электронный ресурс] // Информационно–аналитический портал Союзного государства. – Режим доступа: <https://soyuz.by/deklaraciya-o-dalneyshem-edinenii-respubliki-belarus-i-rossiyskoy-federacii>. – Дата доступа: 07.02.2023.
2. Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Правовой портал. – Режим доступа: https://docs.eaunion.org/docs/ru-ru/01522031/ms_10122018. – Дата доступа: 07.02.2023.
3. Декларация о евразийской экономической интеграции [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно–технических документов. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902321306?marker>. – Дата доступа: 07.02.2023.
4. Декрет от 4 ноября 2021 г. № 6 Об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021 – 2023 годы [Электронный ресурс] // Официальный сайт Постоянного Комитета Союзного государства. – Режим доступа: <https://postkomsg.rf/documentation/>. – Дата доступа: 07.02.2023.
5. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 24.03.2022) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/. – Дата доступа: 07.02.2023.
6. Договор между РФ и Республикой Беларусь от 08.12.1999 «О создании Союзного государства» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25282/. – Дата доступа: 07.02.2023.
7. Заседание Высшего Госсовета Союзного государства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67066>. – Дата доступа: 07.02.2023.
8. Заседание Высшего Евразийского экономического совета [Электронный ресурс] // Президент России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70058>. – Дата доступа: 07.02.2023.
9. Мезенцев: Рождественские чтения – это важное событие в культурной и духовной жизни Союзного государства [Электронный ресурс] // Информационно–аналитический портал Союзного государства. – Режим доступа: <https://soyuz.by/novosti-soyuznogo-gosudarstva/mezencev-rozhdestvenskie-chteniya-eto-vazhnoe-sobytie-v-kulturnoy-i-duhovnoy-zhizni-soyuznogo-gosudarstva>. – Дата доступа: 07.02.2023.
10. Обращение Президента Российской Федерации В.В. Путина к главам государств – членов Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Президент России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70380>. – Дата доступа: 07.02.2023.
11. Осадчая, Г. И. Евразийский экономический союз: потенциал развития, формат сотрудничества / Г. И. Осадчая. – Москва: Экон–Информ, 2021. – 346 с.
12. Приоритетные направления и первоочередные задачи дальнейшего развития Союзного государства на среднесрочную перспективу (2014–2017 годы). Утв. постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства от 03.03.2015 № 3 [Электронный ресурс] // Гарант. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/70907318/>. – Дата доступа: 07.02.2023.
13. Приоритетные направления и первоочередные задачи дальнейшего развития Союзного государства на 2018–2022 годы. Утв. постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства от 19.06.2018 № 3 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Постоянного Комитета Союзного государства. – Режим доступа: <https://www.postkomsg.com/documentation/document/1857/>. – Дата доступа: 07.02.2023.
14. Радкевич, К. В. Оппозиция «запад–незапад» в социальной мысли: Pro et contra / К. В. Радкевич, А. В. Шабага // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2018. – Т. 18. – № 1. – С. 20–32.
15. Рожковский, В. Б. Кризис западных политических элит в контексте современного ценностного и культурно–цивилизационного противостояния России и Запада / В. Б. Рож-

ковский // Философия права. – 2022. – № 4 (103). – С. 42–47.

16. Совместное заявление министров иностранных дел Беларуси и России по случаю 30-й годовщины дипломатических отношений двух стран [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www.mfa.gov.by/press/news_mfa/b4996791161153f5.html. – Дата доступа: 07.02.2023.

17. Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. – Режим доступа: https://docs.eaunion.org/docs/ru-ru/01428320/scd_12012021_12. – Дата доступа: 07.02.2023.

18. Торкунов, А. В. Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы / А. В. Торкунов // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 5. – С. 7–22.

19. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс] // Гарант. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/>. – Дата доступа: 07.02.2023.

20. Участие в заседании Высшего Евразийского экономического совета в Бишкеке [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/events/aleksandr-lukashenko-primet-uchastie-v-sammite-eaes-v-bishkeke>. – Дата доступа: 07.02.2023.

21. Щёткина: сила Союзного государства – в единстве народов Беларуси и России [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал Союзного государства. – Режим доступа: <https://soyuz.by/novosti-soyuznogo-gosudarstva/shchetkina-sila-soyuznogo-gosudarstva-v-edinstve-narodov-belarusi-i-rossii>. – Дата доступа: 07.02.2023.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЕАЭС В НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Л. В. Вонсович,

*кандидат исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой социально–гуманитарных
и психологических основ физической культуры,
Белорусский государственный университет физической культуры,
220093, г. Минск, ул. Д.Сердюча 58-2, larisa.vonsovich@mail.ru*

Статья посвящена проблеме развития Евразийского экономического союза в условиях геополитических реалий современного мира. Анализируется история развития Союза, основные этапы его функционирования. В статье делается акцент на сложности осуществления евразийской интеграции в условиях западного санкционного давления в отношении Российской Федерации и Республики Беларусь, которое начало осуществляться с началом специальной военной операции России в Украине. Также в исследовании обозначаются перспективы дальнейшего сотрудничества государств – участниц Евразийского экономического союза. Кроме этого указывается на возможность реализации ряда экономических и политических мероприятий, которые будут способствовать не только сохранению данной организации, но и ее дальнейшему становлению в качестве сильной геополитической целостности, связующего звена между Европой и Азией.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, интеграция, санкции, геополитическая напряженность, безопасность, международная деятельность.

Современная система международных отношений, мировая экономика, не восстановившиеся после COVID–19, столкнулись с новыми вызовами, причинами которых стали геополитическая напряженность, санкции, изменения технологического и энергетического характера. События 2022 г., связанные с российско-украинским конфликтом, привели к кардинальному изменению системы политических и экономических отношений не только в Европе, но и во всем мире. В этой связи важным является прогнозирование последствий влияния данного конфликта на развитие государств на постсоветском пространстве, а также на возможность координации усилий ЕАЭС, как важнейшего евразийского интеграционного центра, по преодолению негативных последствий открытого противостояния России и Украины.

Исследование было проведено на основе научных публикаций отечественных и зарубежных авторов, анализа материалов Интернет – ресурсов, посвященных развитию интеграционных процессов в Евразийском экономическом союзе.

Мероприятия санкционного характера, проводимые в отношении России и Беларуси, оказали и продолжают оказывать негативное влияние на экономический рост двух стран. По оценкам Всемирного банка объем ВВП России в 2022 г. сократился на 3,5 %, валовый внутренний продукт Беларуси за прошлый год снизился на 4,7%. В октябре 2022 г. Всемирный банк спрогнозировал сокращение ВВП России на 3,3% в 2023 г. [4]. В Министерстве экономики Республики Беларусь заявляют, что в стране сформировались макроэкономические условия для того, чтобы в 2023 г. прирост ВВП составил 3,8%. Однако оценки международных финансовых организаций не столь

оптимистичны. Эксперты полагают, что положение дел в Беларуси во многом будет зависеть от российской экономики, а также от продолжительности российско-украинского конфликта.

На динамику ВВП в России и Беларуси отрицательно влияют не только западные санкции, но и сокращение инвестиций, а также рост эмиграционных потоков. Кроме этого, обе страны, и прежде всего Российская Федерация, могут столкнуться и с другими не очень позитивными явлениями. Речь идет об усилении отрицательной динамики в демографии из-за вступления в детородный возраст немногочисленного поколения 90-х годов, о стремлении молодых граждан мужского пола покинуть территорию соседнего с нами государства из-за боязни быть призванными в армию и т.д. Кроме этого, нельзя сбрасывать со счетов намерения Евросоюза, несмотря на все риски, связанные с этим, отказаться в ближайшее время от энергоносителей, добываемых в России. Что касается нефти, то возможно это произойдет уже в этом 2023 г., отказ от российского газа планируется осуществить к 2027 г. Очевидно, что данные намерения ЕС будут реализованы, поскольку одной из стратегических целей данного союза государств является переход на экологически чистые источники энергии. В активизации данных намерений Европейского союза не последнюю роль играют также события в Украине, и как сопутствующее этому – обострение отношений Запада с Москвой. До недавнего времени эта негативная динамика компенсировалась достаточно высокими ценами на энергоносители, но по мере адаптации мировых рынков к новым реалиям данный компенсационный эффект начинает снижаться.

Противостояние России и Украины оказывает негативное влияние не только на развитие членов Союзного государства, но и на динамику движения вперед Евразийского экономического союза, созданного в 2014 г. Арменией, Беларусью, Казахстаном, Кыргызстаном и Российской Федерацией с целью реализации режима свободной торговли и формирования единого экономического пространства. В подписанном в Астане 29 мая 2014 г. Договоре о Евразийском экономическом союзе была обозначена необходимость всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики. Также говорилось о возможности проведения скоординированной промышленной политики, согласованной налогово-бюджетной, денежно-кредитной и валютной политики государств – участниц ЕАЭС. В среднесрочной перспективе должны были быть актуализированы действия по усилению структурно-технологического компонента интеграции. По мнению многих аналитиков и экспертов, ЕАЭС в перспективе мог бы стать «оптимальной формой соединения многообразных национальных, экономических, политических, природных и иных ресурсов постсоветских стран» [3, С. 177].

Проанализировав историю развития ЕАЭС, следует отметить, что сами интеграционные процессы в рамках данного объединения шли гораздо медленнее, чем предполагалось изначально. Это было связано с проблемой раскола постсоветского пространства, неустойчивой позицией стран – участниц в мировой экономике и возрастающей напряженностью в системе международных отношений. К сожалению, в интеграционных процессах фактически не был задей-

ствован политический формат объединения. Кроме этого, недостаточно четко был определен вектор экономической политики ЕАЭС, что сказалось на размытости целей данного объединения, а также способствовало отсутствию четких контуров модели развития экономики для стран Евразийского союза. Среди явных просчетов в функционировании ЕАЭС можно назвать не в полной мере скорректированную макроэкономическую политику Союза. В последние годы это отчетливо проявляется в несогласованности позиций государств по уровню инфляции и курсам национальных валют, недостаточном интегрировании финансового и ресурсного потенциала членов ЕАЭС.

В нынешних условиях снижение темпов экономического роста в России – ведущей стране интеграционного объединения, являющейся одним из основных партнеров в торговле для других участниц организации, безусловно, отображается и на развитии, и на темпах экономического роста в ЕАЭС в целом. При этом важно отметить, что введение санкций в отношении России и Беларуси выявило ряд слабых мест Евразийского экономического союза. В частности, очевидным является тот факт, что процесс формирования общих рынков для членов организации, и прежде всего, энергетического рынка, так и не был завершен. Также следует подчеркнуть, что уровень взаимной торговли между членами ЕАЭС, за исключением России и Беларуси, как и раньше не очень высок [5]. Это связано со структурой крупнейших экономик ЕАЭС России и Казахстана и ориентацией этих государств на экспорт сырья в третьи страны.

Препятствует усилению интеграционных процессов в рамках ЕАЭС серьезная дилемма для стран, в отношении которых Запад не ввел санкции. Речь идет о Казахстане, Армении и Кыргызстане. Для этих государств существует реальный риск почувствовать на себе санкционное давление западного мира, что может негативно отразиться не только на их экономическом развитии, но и на внутривнутриполитической обстановке. Кроме этого, указанные выше государства заинтересованы в сохранении инвестиционной привлекательности для иностранного бизнеса, что обуславливает их негативное отношение к выработке совместного ответа на санкции западного мира.

С подобной инициативой выработать совместную позицию стран-участниц ЕАЭС на западные санкции в отношении Российской Федерации и Республики Беларусь выступило руководство Беларуси на Евразийском экономическом форуме еще в первой половине 2022 г. Показательным является и тот факт, что эти страны до сих пор не высказали однозначную поддержку Российской Федерации по ряду политических вопросов, к примеру, о признании вхождения в состав России отдельных украинских территорий.

В непростой ситуации сегодня оказался и Узбекистан, один из претендентов на членство в Евразийском экономическом союзе. Руководство этой страны, стремясь расширить свое участие в интеграционных процессах на постсоветском пространстве, не хочет в тоже время создавать угрозу попадания под западные санкции вторичного уровня для своих экономических субъектов. Это очевидно ставит под сомнение намерения этого государства сделать решительный шаг в пользу вступления в ЕАЭС. А ведь вхождение Узбекистана в Евразийский экономический союз могло бы привести к созданию «нового ин-

вестиционного «центральноазиатского» полюса в интеграционном объединении» [1, С. 6].

Сведения до минимума экономических связей России и Беларуси с западным миром представляет собой определенную опасность для развития интеграционных процессов в рамках ЕАЭС. Есть вероятность того, что данную нишу займет один из сильнейших игроков в системе современных международных отношений – Китайская Народная Республика, которая способна предоставить замену западной высокотехнологичной продукции, доступ к которой был утрачен в результате санкций. Неоспоримым является тот факт, что экономическое влияние Китая на постсоветском пространстве усиливается все больше и больше. Это касается, прежде всего, государств Центральной Азии – Кыргызстана и Таджикистана, попавших в финансовую зависимость от Пекина в предыдущее десятилетие. Есть вероятность усиления и влияния Турции на постсоветское пространство, которая пытается играть роль гаранта в урегулировании конфликта в Нагорном Карабахе между Арменией и Азербайджаном. Помимо этого в условиях отсутствия транспортных коридоров между Россией и странами Евросоюза именно Турция способна предоставить канал, через который будет реализовываться китайская инициатива «Один пояс, один путь».

Обозначенные выше проблемы требуют своего решения. С этой целью 17 ноября 2022 г. в Ереване прошел девятый по счету международный макроэкономический семинар «Экономическая безопасность и устойчивость стран ЕАЭС: возможности государства и бизнеса». На нем обсуждались вопросы преодоления возможной глобальной рецессии на уровне стран и интеграционных объединений. Было отмечено, что «антироссийские санкции окончательно изменили ситуацию на мировых рынках» [2]. Возникли серьезные проблемы с логистикой, в результате которых стоимость поставок в страны ЕАЭС возросла в несколько раз. Поднялись цены на продовольственные товары и топливо, уровень инфляции в отдельных государствах демонстрирует рекордный показатель. В связи с этим актуализируется проблема обеспечения безопасности стран ЕАЭС во всех областях – экономической, финансовой, платежной и других.

Решение этой проблемы предполагает тесное взаимодействие государственных органов, академических кругов и бизнеса стран–участниц организации в вопросах обеспечения продовольственной, информационной и технологической безопасности в условиях санкций, стимулирования экономического роста при высоких уровнях инфляции и неопределенности. Важным сегодня является также региональное сотрудничество и взаимодействие государства и бизнеса в области транспорта, трансформация финансовой и платежной сфер, развитие организованных торгов товарами в рамках ЕАЭС. В нынешних условиях следует создавать возможности для расширения кооперации в рамках ЕАЭС, обеспечивать технологический и кадровый суверенитет, стремиться к гибкости систем государственного регулирования в странах ЕАЭС.

9 декабря 2022 г. в Бишкеке главами государств Евразийского экономического союза на заседании Высшего Евразийского экономического совета были утверждены основные направления международной деятельности ЕАЭС на 2023 год. Среди приоритетных направлений в нынешнем году следует назвать,

прежде всего, взаимодействие с государствами СНГ и иными странами ближнего зарубежья. Также планируется наладить системный диалог с Шанхайской организацией сотрудничества, Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии, Европейским союзом, странами БРИКС и другими государствами и объединениями в Центральной Азии и на Ближнем Востоке в контексте реализации идеи Большого Евразийского партнерства. В 2023 г. предполагается реализовать экспортный потенциал стран ЕАЭС за счет выхода на новые рынки и расширения использования национальных валют во взаимных расчетах, изыскать возможности для развития бизнеса в условиях меняющейся глобальной экономики, преодолеть барьеры, связанные с нарушениями транспортно-логистических цепочек и ограничениями финансовых расчетов в международной торговле.

Сегодня ЕАЭС объединяет Россию, Казахстан, Беларусь, Армению и Кыргызстан. Несмотря на все сложности, которые сегодня имеются в отношениях между членами этого Союза, потенциал у этой организации большой. Увеличивая число участников, расширяя сферу деятельности, Евразийский экономический союз способен приобрести новые очертания и выйти в перспективе на более высокий уровень функционирования и по своему масштабу, и по участию в международных делах. Нужно брать во внимание и возможность для ЕАЭС успешно развиваться в рамках более широкой интеграции, связанной с реализацией проекта Великого шелкового пути и налаживания экономического сотрудничества в рамках ШОС.

ЕАЭС может стать сильной геополитической целостностью, связующим звеном между Европой и Азией, если им будет учтена история и современные реалии интеграционных процессов в глобализирующемся мире. Сегодня же основные усилия Союз должен сосредоточить на развитии уже созданных механизмов сотрудничества, в том числе в рамках заключенных меморандумов, деклараций и торговых соглашений. ЕАЭС требуется новая модель развития, способная обеспечить процветание для всех стран-участниц. Основой этой модели должна стать «фундаментальная социально-экономическая трансформация» [6], в основе которой будет лежать безуглеродная экономика, масштабные инвестиции, как государственные, так и частные, создание общественных благ для нынешних и будущих поколений граждан, живущих в государствах-участниках ЕАЭС.

Библиографические ссылки

1. Авласенко, И.М. Евразийская интеграция в новых геополитических условиях 2022 г. // Гармонизация интеграционных процессов на евразийском пространстве: материалы междунар. круглого стола по инновациям в междунар. исслед., Минск, 20 апр. 2022 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: О.Н. Лешенюк (гл. ред.), А. М. Байчоров, А. В. Русакович. – Минск: БГУ, 2022. – С. 4–9.
2. В ЕАЭС обсудили обеспечение устойчивого развития в новой экономической реальности // Новости ЕЭК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/news/v-eaes-obsudili-obespechenie-ustoychivogo-razvitiya-v-usloviyakh-geopoliticheskoy-napryazhennosti/>. – Дата доступа: 27.01.2023.
3. Вонсович, Л.В. Интеграция в рамках евразийского экономического союза как приори-

ритетное направление внешней политики Республики Беларусь // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (1918 г. – начало XXI в.): материалы III Международной научно-практической конференции, Витебск, 17–18 мая 2018 г. / [редколлегия: А. П. Косов (ответственный редактор) и др.] – Витебск: ВГУ, 2018. – С.176–180.

4. Всемирный банк спрогнозировал снижение ВВП России на 3,3% в 2023 году // Ведомости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2023/01/10/958540-vsemirniy-bank-snizhenie-vvp-2023-godu>. – Дата доступа: 26.01.2023.

5. О взаимной торговле товарами Евразийского экономического союза (январь – декабрь 2021 года) // Евразийская экономическая комиссия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/2021/Analytics_I_202112.pdf. – Дата доступа: 27.01.2023).

6. Утверждены Основные направления международной деятельности ЕАЭС на 2023 год // Новости ЕЭК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eec.eaeunion.org/news/utverzhdeny-osnovnye-napravleniya-mezhdunarodnoy-deyatelnosti-eaes-na-2023-god/>. – Дата доступа: 27.01.2023.

РОЛЬ МЕЖПАРЛАМЕНТСКОЙ АССАМБЛЕИ СНГ В ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

А. С. Миксюк,

*кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры международных отношений,
Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, miksiukas@bsu.by*

Статья посвящена анализу роли Межпарламентской Ассамблеи Содружества Независимых Государств (МПА СНГ) в интеграционных процессах на постсоветском пространстве. Устанавливаются и анализируются основные направления деятельности Ассамблеи, прежде всего, формирование единого правового поля Содружества. Наиболее ярко данная деятельность проявляется в модельном законодотворчестве, однако модельные акты имеют рекомендательный характер, что сокращает возможности Ассамблеи оказывать влияние на правовые процессы. Определяется, что прочие направления деятельности МПА СНГ скорее содействуют реализации функции международной социализации государств-участников Содружества, нежели развитию интеграции.

Ключевые слова: интеграция; Межпарламентская Ассамблея СНГ; парламентская дипломатия; постсоветское пространство; СНГ.

Содружество Независимых Государств (СНГ) является хронологически первым и наиболее многочисленным по составу межгосударственным объединением постсоветского пространства. В настоящее время СНГ остается важной платформой для взаимодействия стран-участниц, несмотря на то что с начала 2000-х гг. идет активный поиск новых путей развития организации, сформировалась модель разноскоростной интеграции, в рамках которой акцент перенесен на субрегиональные объединения «по интересам», происходит совмещение различных форм интеграции.

Межпарламентская Ассамблея государств – участников СНГ (МПА СНГ), являясь одним из основных органов Содружества, выступает в качестве важного института консолидации государств-участников СНГ и яркой иллюстрацией актуальной со второй половины XX в. тенденции развития представительной власти на региональном уровне. Сам термин «парламентская дипломатия» был введен в научный и политический оборот государственным деятелем США Дэвидом Дином Раском в 1955 г. [1] и впоследствии уточнен Филиппом Джессапом, определившим характерные черты парламентской дипломатии.

Первоначально парламентская дипломатия представлялась как инструмент классической дипломатии, однако впоследствии в силу активизации интеграционных процессов трансформировалась в особое направление внешней политики государств на стыке классической и публичной дипломатии. В настоящее время межпарламентское сотрудничество является важным компонентом интеграции, т. к. представляет интересы как государства, так и гражданского общества и способно адаптировать межгосударственные организации к потребностям широких кругов населения [2, с. 6].

При этом важно отметить, что степень научной разработанности данной тематики на постсоветском пространстве все еще не соответствует ее актуальности, комплексные исследования деятельности МПА СНГ и института парламентской дипломатии в целом немногочисленны, внимание уделяется скорее отдельным направлениям деятельности.

Итак, МПА СНГ была образована 27 марта 1992 г. «как консультативный институт для обсуждения вопросов и рассмотрения проектов документов, представляющих общий интерес» (Ст. 1 Соглашения о Межпарламентской Ассамблее государств – участников Содружества Независимых Государств) [3]. Соглашение было подписано главами парламентов Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России, Таджикистана и Узбекистана. В 1993–1995 гг. членами МПА СНГ также стали парламенты Азербайджана, Грузии (до 22 января 2010 г.) и Молдовы, в 1999 г. – Украины (фактически не участвует в работе после 2014 г.). И хотя МПА СНГ создавалась как консультативный орган, уже на этом этапе возникли различные подходы к определению роли и места Ассамблеи в системе органов Содружества. Так, на первом пленарном заседании было отмечено, что Ассамблея могла бы функционировать в формате наднационального парламента [4, с. 55]. Впрочем, это предложение так и не стало предметом серьезного обсуждения и не было реализовано.

В первой половине 1990-х гг. происходило институциональное становление МПА СНГ. В 1992–1995 гг. был принят ряд документов, регламентирующих деятельность Ассамблеи, создана система ее рабочих органов. Так, 18 марта 1994 г. был принят Регламент МПА СНГ, 26 мая 1995 г. подписана Конвенция о МПА СНГ, закрепившая ее статус как межгосударственного органа Содружества (Ст. 1 Конвенции) и определившая компетенции МПА СНГ (Ст. 4) [5].

В сферу компетенции МПА СНГ вошли следующие вопросы:

обсуждение вопросов сотрудничества государств–участников МПА СНГ;
принятие рекомендаций по сближению законодательств государств – участников МПА СНГ;

принятие типовых (модельных) законодательных актов и направление их в национальные парламенты государств–участников МПА СНГ;

направление рекомендаций органам Содружества (Совету глав государств, Совету глав правительств);

содействие осуществлению обмена информацией правового характера между государствами–участниками МПА СНГ;

обсуждение иных вопросов межпарламентского сотрудничества и др.

На первом этапе своей деятельности МПА СНГ уделяла большое внимание вопросам миротворчества, что, как правило, не характерно для международных межпарламентских институтов. Так, в 1993–1995 гг. были созданы миротворческие группы МПА СНГ, которые принимали участие в урегулировании ряда конфликтов на постсоветском пространстве: в Нагорном Карабахе, Приднестровье, Абхазии. Члены данных групп совершали поездки в страны, вовлеченные в конфликты, посещали «горячие точки» и лагеря беженцев, организовывали семинары и встречи для содействия разрешению конфликтов, участвовали в проведении переговоров.

В целом можно отметить, что МПА СНГ по институциональному устройству и целям деятельности имеет сходство с аналогичными межпарламентскими структурами, однако специфика Ассамблеи заключается в акценте на модельном законодательстве. Деятельность в сфере развития модельного законодательства с начала 1990-х гг. стала одним из основных направлений работы МПА СНГ. Бесспорно, создание единого правового пространства является одним из важнейших условий интенсификации международного сотрудничества и успешной интеграции. В связи с этим задачей Ассамблеи стала разработка правовых механизмов для создания единого политического, экономического, культурного и гуманитарного пространства стран – участниц СНГ.

Соответственно, происходил переход деятельности организации из консультативного русла, что было отмечено в Соглашении о МПА СНГ 1992 г., в сферу прямого действия. На первом этапе следовало определить основу для сближения позиций государств–участников Содружества, на втором этапе – приступить к созданию единого нормативно–правового пространства СНГ с учетом адаптации к нормам международного права и новым потребностям развития государств. Эти идеи нашли отражение уже в первых актах МПА СНГ. В частности, в документе «Основные направления сближения национальных законодательств государств – участников Содружества», одобренном на заседании МПА СНГ от 15 сентября 1992 г., были определены направления, по которым целесообразно осуществлять сближение национальных законодательств. Ключевое внимание авторы документа уделили сфере экономики.

Основным инструментом сближения и гармонизации национального законодательства государств – участников СНГ стали модельные законодательные акты. Ст. 1 Положения о разработке модельных законодательных актов и рекомендаций МПА СНГ закрепила определение модельного законодательного акта Содружества как «законодательного акта рекомендательного характера, принятого МПА СНГ в установленном порядке, в целях формирования и осуществления согласованной законодательной деятельности государств–участников МПА СНГ по вопросам, представляющим общий интерес, приведения законодательства государств–участников Содружества в соответствие с международными договорами, заключенными в рамках Содружества, и иными международными договорами, участие в которых государств–участников Содружества является весьма желательным для достижения общих целей» [6]. Та же ст. 1 Положения относит к формам модельных актов, прежде всего, модельный кодекс и модельный закон, однако отмечается, что модельные законодательные акты могут иметь форму типовых положений, уставов, соглашений.

Таким образом, МПА СНГ не обладает законодательными полномочиями и принимает акты, которые имеют рекомендательный характер. При этом мониторинг Ассамблеи показывает, что нормы более 70% модельных актов были имплементированы в законодательство государств–участников СНГ, около 10% содержат «совпадающие с национальными законами положения» [7].

К 2023 г. МПА СНГ было принято 650 модельных законов и других документов. Деятельность по разработке и принятию модельных актов активизировалась на протяжении 1990-х гг. и достигла пика в 1997 г. В даль-

нейшем, до 2001 г., наблюдалось существенное снижение активности модельного законодательства, а в 2000-х гг. количество ежегодно принимаемых модельных актов существенно варьировалось. В целом, видимо, нужно принимать в расчет тот факт, что модельное законодательство объективно снизило темпы в т. ч. после рассмотрения наиболее существенных вопросов.

Законодотворческая деятельность осуществляется МПА СНГ на плановой основе, принимаются перспективные план модельного законодательства, которые учитывают программы сотрудничества государств – участников СНГ по различным направлениям, а также предложения парламентских делегаций и постоянных комиссий МПА СНГ.

Тематика модельных актов достаточно широка и включает в себя вопросы экономики, безопасности, социальную и гуманитарную сферы, охрану окружающей среды и сферу экологии и др. Большинство актов, принятых на всем протяжении деятельности МПА СНГ, прямо или косвенно связаны со сферой экономики. Одновременно отмечается относительно низкая активность Ассамблеи по вопросам межгосударственного сотрудничества. Вместе с тем, МПА СНГ фактически вовлечена в решение широкого круга политических, экономических, социальных и иных вопросов, представляющих интерес для государств-участников Содружества. Широкий спектр тематики модельного законодательства нашел отражение в функционировании 10 постоянных комиссий МПА СНГ, в ведении которых находится разработка модельных актов и других документов в рамках своей сферы деятельности.

Также следует отметить, что МПА СНГ были подготовлены многие действующие межгосударственные акты СНГ: Положение о флаге СНГ (1996 г.), Положение об эмблеме СНГ (1996 г.), Конвенция о приграничном сотрудничестве государств-участников СНГ (2008 г.), Конвенция о межрегиональном сотрудничестве государств-участников СНГ (2016 г.) и др.

С 2000-х гг. МПА СНГ также уделяет внимание развитию более узких направлений взаимодействия. Так, в 2006 г. с целью изучения и популяризации истории парламентаризма в странах СНГ в составе Секретариата Совета МПА СНГ был создан Центр истории парламентаризма. Одним из наиболее известных проектов Центра является ежегодная конференция по проблематике истории парламентаризма – «Таврические чтения» [8, с. 14]. Еще одним примером является развитие молодежного сотрудничества. В 2012 г. решением Совета МПА СНГ в качестве постоянного консультативного органа Ассамблеи была создана Молодежная межпарламентская ассамблея государств-участников СНГ (ММПА СНГ).

Также при МПА СНГ с 2006 г. функционирует Международный институт мониторинга развития демократии, парламентаризма и соблюдения избирательных прав граждан государств-участников МПА СНГ (МИМРД МПА СНГ). Институт осуществляет мониторинговую, аналитическую, методическую, учебно-консультативную деятельность в сфере развития парламентаризма. Мониторинговая деятельность МПА СНГ имеет начало еще в 1994 г., когда наблюдатели от Ассамблеи были впервые приглашены для мониторинга выборов депутатов Парламента Республики Казахстан [9]. МПА СНГ также

приняла ряд документов по электоральной тематике: в 2002 г. была принята Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах–участниках СНГ (2002 г.), в 2011–2014 гг. – цикл рекомендаций по совершенствованию избирательного законодательства [8, с. 20], в 2022 г. – модельный закон «О международном наблюдении за выборами и референдумами».

Кроме того, вплоть до 2020 г., когда международная активность снизилась в силу пандемии коронавирусной инфекции, МПА СНГ выступала организатором ряда представительских мероприятий с участием государственных и общественных деятелей, ученых и экспертов. Среди наиболее значимых и постоянных мероприятий можно назвать Петербургский международный экономический форум и Невский международный экологический конгресс. Таким образом, МПА СНГ выступает в качестве организатора площадок для обмена мнениями по наиболее актуальным вопросам.

Подводя итоги, следует отметить, что роль МПА СНГ в интеграционных процессах на постсоветском пространстве определяется, прежде всего, деятельностью Ассамблеи в сфере формирования и развития правового поля СНГ и гармонизации национального законодательства государств – участников Содружества. Функция законотворчества, характерная для парламентских институтов, проявляется исключительно в модельном законотворчестве, т. е. принятии актов, имеющих рекомендательный характер. Прочие направления деятельности МПА СНГ, хотя и характеризуются достаточно большой активностью и множеством актуальных проектов, скорее содействуют реализации функции международной социализации государств–участников СНГ, нежели развитию полноценной интеграции.

Библиографические ссылки

1. Rusk, D. Parliamentary Diplomacy – Debate vs. Negotiation / D. Rusk // *World Affairs Interpreter*. – 1955. – V. 26, № 2. – P. 121–138.

2. Нарышкин, С. Е. К новому парламентскому измерению евразийской интеграции / С. Е. Нарышкин, Т. Я. Хабриева // *Журнал российского права*. – 2012. – № 8. – С. 5–15.

3. Соглашение о Межпарламентской Ассамблее государств–участников Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] // Межпарламентская Ассамблея государств–участников Содружества Независимых Государств. – Режим доступа: <https://iacis.ru/public/upload/files/1/346.pdf>. – Дата доступа: 12.02.2023.

4. Пресс–конференция Председателя Совета Межпарламентской Ассамблеи государств–участников Содружества Независимых Государств, Председателя Верховного Совета Российской Федерации Р. И. Хасбулатова, руководителей парламентских делегаций государств–участников СНГ. 16 сентября 1992 года // Межпарламентская Ассамблея государств–участников Содружества Независимых Государств. Первое пленарное заседание. 15–16 сентября 1992 года, г. Бишкек, Республика Кыргызстан: стеногр. отчет. – М.: Известия, 1992. – 61 с.

5. Конвенция о Межпарламентской Ассамблее государств–участников Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс] // Межпарламентская Ассамблея государств–участников Содружества Независимых Государств. – Режим доступа: <https://iacis.ru/public/upload/files/1/344.pdf>. – Дата доступа: 12.02.2023.

6. Положение о разработке модельных законодательных актов и рекомендаций Межпарламентской Ассамблеи государств–участников Содружества Независимых Государств

[Электронный ресурс] // Межпарламентская Ассамблея государств–участников Содружества Независимых Государств. – Режим доступа: https://iacis.ru/baza_dokumentov/dokumenti_reglamentiruyushie_rabotu_mpa_sng. – Дата доступа: 12.02.2023.

7. Межпарламентская Ассамблея: главная площадка для взаимодействия парламентариев СНГ [Электронный ресурс] // Межпарламентская Ассамблея государств–участников Содружества Независимых Государств. – Режим доступа: https://iacis.ru/ob_organizatscii/chno_takoe_mpa_sng. – Дата доступа: 12.02.2023.

8. Сергеев, А. И. Межпарламентская Ассамблея СНГ как фактор укрепления интеграционного взаимодействия / А. И. Сергеев // Диалог // Диалог: политика, право, экономика. – 2017. – № 1 (4). – С. 12–25.

9. Мониторинг выборов и референдумов [Электронный ресурс] // Межпарламентская Ассамблея государств–участников Содружества Независимых Государств. – Режим доступа: https://iacis.ru/monitoring_razvitiya_demokratii/deyatelnost_mimrd/monitoring_viborov_i_referendumov. – Дата доступа: 12.02.2023.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕИМУЩЕСТВА ИНТЕГРАЦИИ В РАМКАХ ЕАЭС ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

А. Ю. Тома,

*ведущий специалист Центра международных исследований,
Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
toma.alexey@gmail.com*

В статье рассматриваются социально-экономические преимущества Республики Беларусь от участия в Евразийском экономическом союзе. Автором проанализированы основные направления интеграционного сотрудничества: взаимная торговля, прямые иностранные инвестиции, совместные промышленные проекты, взаимодействие в области образования и здравоохранения. На основе проведенного анализа автором сделан вывод о том, что участие Республики Беларусь в Евразийском экономическом союзе сохраняет перспективы мирного и стабильного развития государства, обеспечивает социальную и экономическую безопасность, а также предоставляет гарантии сохранения суверенитета в условиях меняющейся архитектуры международных отношений. В статье представлен прогноз об экономических последствиях выхода Республики Беларусь из Евразийского экономического союза и даются рекомендации по предотвращению дезинтеграционных процессов.

Ключевые слова: внешняя политика Беларуси, евразийская интеграция, ЕАЭС, единое экономическое пространство, таможенный союз.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) начал функционировать с 1 января 2015 г. и на сегодняшний день включает в себя пять государств с общим населением 186 миллионов человек и занимает 1-ое место в мире по охвату территории. Данный проект является результатом последовательного развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

Первым этапом союзного строительства стало создание в 2000 г. Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) с целью установления общих внешних таможенных границ, выработки единой внешнеэкономической политики, тарифов и цен. Вторым этапом евразийской интеграции стало формирование в 2010 г. Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана, в пределах которого не применялись таможенные пошлины и ограничения экономического характера во взаимной торговле. На третьем этапе в 2012 г. было сформировано Единое экономическое пространство (ЕЭП), основу которого составили свобода торговли товарами и услугами, а также свобода передвижения финансового и трудового капитала.

Данные проекты стали важнейшими шагами на пути к запуску Евразийского экономического союза (ЕАЭС), целями которого являются:

- создание условий для стабильного развития экономик стран ЕАЭС в интересах повышения жизненного уровня их населения;
- формирование единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках ЕАЭС;
- проведение всесторонней модернизации и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики.

На всех этапах интеграционного строительства Республика Беларусь выступала в качестве активного участника. Представители белорусской стороны, как на уровне органов государственной власти, так и на уровне Суда ЕАЭС и Евразийской экономической комиссии во главе с Михаилом Мясниковичем, ведут систематическую работу по развитию евразийской интеграции.

Инициативы белорусской стороны направлены на «полное устранение барьеров, сокращение изъятий и ограничений на рынках ЕАЭС, предотвращение возможности возникновения новых видов препятствий, повышение эффективности работы органов Союза, совершенствование институциональной структуры Союза, усиление наднациональной компетенции Евразийской экономической комиссии, повышение ее ответственности и дисциплины» [4].

На сегодняшний день можно констатировать, что евразийская интеграция состоялась и является приоритетом во внешней политике Республики Беларусь. ЕАЭС сегодня – это гарантия успешного развития белорусской экономики и укрепления её позиций в мире.

Торговые преимущества ЕАЭС для Беларуси. По оценкам экспертов, Республика Беларусь больше остальных стран ЕАЭС выигрывает от участия в евразийской интеграции [2]. ЕАЭС для Беларуси – это рынок в 186 миллионов человек со свободой движения товаров (согласно ст. 1 Договора о Евразийском экономическом союзе).

В 2021 г. взаимная торговля со странами ЕАЭС составила 50,6% от всей торговли республики, что в свою очередь составляет больше половины всей внешней торговли Беларуси. Особое место в торговых отношениях Республики Беларусь занимает Российская Федерация. Россия – основной торговый партнёр Беларуси и главный поставщик энергоносителей и сырья для промышленности, покупатель основной части продукции белорусской промышленности и сельского хозяйства.

По официальным данным, позиция России в общем товарообороте Беларуси не сравнима ни с одним другим государством и даже группой государств. По информации Посольства Республики Беларусь в Российской Федерации, товарооборот Беларуси с Россией в 2021 г. составил \$40,1 млрд [3]. Тесные экономические отношения с Россией отражаются и на евразийской интеграции. «С точки зрения интеграционных процессов в ЕАЭС для экономики Беларуси характерны следующие основные черты:

1. Транзитное положение на пути российских товаров в Европу.
2. Сильная зависимость от России; Россия – основной рынок сбыта белорусских товаров, а также основной донор прямых иностранных инвестиций для белорусской экономики; в России производятся комплектующие для продукции белорусского машиностроения.
3. Малые объемы торговли с другими странами ЕАЭС, кроме России» [1, с. 41].

Данные особенности показывают, насколько велико значение России для белорусской экономики и внешнеэкономических отношений. В свою очередь, это настораживает сторонников прозападного пути Беларуси. По их мнению, большая зависимость от России несет в себе значительные риски и мешает сближению Беларуси с ЕС. В оппозиционных кругах ведется дискуссия о необ-

ходимости денонсации союзных договоров и возможном разрыве стратегического союза с Россией. В случае смены внешнеполитического курса подобные призывы могут быть переведены в юридическую плоскость, и выход Беларуси из ЕАЭС станет только вопросом времени.

Однако запуск данного сценария маловероятен и приведёт к тяжелейшим последствиям для белорусской экономики. По экономическому прогнозу, представленному на портале Eurasia Daily, выход Беларуси из ЕАЭС приведёт к следующим последствиям.

Во-первых, из-за выхода из Таможенного союза ЕАЭС на белорусско-российскую границу будут возвращены таможенные посты, что приведёт к падению ВВП страны на 3,7%.

Во-вторых, «выход из единого экономического пространства ЕАЭС нанесет серьёзный удар по экономике Беларуси, которая в таком случае упадет на одну пятую (-20,3%).

В-третьих, выход из единого рынка труда ЕАЭС приведёт к дополнительным потерям в 0,8% ВВП страны;

В-четвёртых, по всем сценариям гипотетический полный выход из ЕАЭС приведёт к снижению ВВП республики на 21,1%» [2].

Следует отметить, что данный сценарий несёт в себе серьёзные риски социально-политического характера и является не выгодным для Республики Беларусь со стратегической точки зрения.

Инвестиции, совместные проекты и низкие цены на энергоносители.

Выгоды Беларуси от участия в ЕАЭС не ограничиваются только рынком в 186 миллионов человек со свободой движения товаров. Значительную роль в развитии белорусской экономики играют прямые иностранные инвестиции.

По официальным данным, Российская Федерация занимает 1 место среди всех государств по прямым иностранным инвестициям в Беларусь. Инвесторы из России ежегодно вкладывали в белорусскую экономику по \$650 млн., а общий объём накопленных инвестиций из России в Беларусь к началу 2023 г. составил более \$5 млрд.

Помимо этого, большая работа проводится по линии Евразийского банка развития (ЕАБР) и Евразийского фонда стабилизации и развития (ЕФСР). Согласно данным, по состоянию на январь 2023 г. Евразийским банком развития было реализовано 42 проекта в 8 сферах Республики Беларусь: энергетика, финансовый сектор, сельское хозяйство, иная инфраструктура, машиностроение, металлургия, химическая промышленность, прочие отрасли.

Запуск совместных проектов является ещё одним преимуществом от участия Беларуси в ЕАЭС, направленным на развитие белорусского государства в долгосрочной перспективе. Один из ярких примеров – это запуск Белорусской АЭС, который был реализован в партнёрстве с компанией «Атомстройэкспорт» при финансовой поддержке на общую сумму в \$10 млрд. Данный проект значительно укрепил энергетическую безопасность Беларуси и открыл новые перспективы для развития интеграционных процессов на пространстве Евразии.

Ещё одной значительной выгодой от участия Беларуси в ЕАЭС выступают низкие цены на энергоносители, что, в свою очередь, позитивно сказывается на

стоимости белорусской продукции. По данным РБК, за период 2000–2015 гг. скрытые субсидии за счет льготных поставок энергоносителей составили около \$100 млрд. [5].

Выгоды от ЕАЭС для граждан. ЕАЭС приносит выгоду не только экономике Беларуси, но и её гражданам. Среди главных преимуществ можно выделить следующие.

Во–первых, это взаимное признание документов об образовании, учёных степенях и званиях в странах ЕАЭС, а также возможность получать высшее образование за пределами Беларуси.

Во–вторых, гражданам Беларуси предоставлены равные права на получение медицинской помощи на территории Российской Федерации. Также гражданам Беларуси, которые временно работают и проживают в остальных странах ЕАЭС, даётся право на получение бесплатной медицинской помощи (в экстренной и неотложной формах).

В–третьих, с 1 января 2021 г. вступило в силу Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся стран ЕАЭС. Основная цель данного соглашения – формирование, сохранение и реализация пенсионных прав трудящихся на тех же условиях, что и граждан государства трудоустройства. По данному соглашению гражданин имеет право получать пенсию в другой стране ЕАЭС на условиях страны ЕАЭС, где он осуществлял трудовую деятельность.

В–четвёртых, низкие цены на энергоносители приносят прямую выгоду гражданам (оплата услуг за отопление, газ и электроэнергию). На сегодняшний день в Беларуси установлены одни из самых низких тарифов на ряд услуг ЖКХ в европейском регионе.

Однако наиболее выгодным преимуществом для граждан является создание общего рынка труда ЕАЭС, который предоставляет возможность без препятствий и ограничений устраиваться на работу в любой стране ЕАЭС. В свою очередь, это повышает социальную защищенность трудовых мигрантов из Беларуси и укрепляет трудовые связи в рамках всего Союза.

Анализ экономических преимуществ от участия Беларуси в ЕАЭС доказывает, что евразийская интеграция – это выгодный и безальтернативный внешнеполитический проект для Беларуси. Главные преимущества ЕАЭС это:

- рынок сбыта белорусской продукции в 186 млн. человек, на который приходится половина всей внешней торговли Беларуси;
- российские прямые инвестиции в экономику Беларуси, которые занимают 1 место среди всех стран;
- низкие цены на энергоносители, скрытые субсидии на которые оцениваются более чем на \$100 млрд.

Помимо этого, Беларусь также получает значительные военно–политические выгоды, т.к. евразийская интеграция не ограничивается только ЕАЭС. В рамках ОДКБ Беларусь надёжно защищена ядерным зонтиком России. Руководство Российской Федерации даже в самые непростые для Беларуси времена демонстрировало готовность исполнить союзнические обязательства и встать на защиту белорусского государства.

Союзная система безопасности с Россией не позволяет другим странам

диктовать условия Беларуси с позиции силы. В свою очередь, это обеспечивает устойчивость белорусской политической системы и возможность мирно развивать государство в XXI веке.

Значительной выгодой также является внешнеполитическая поддержка Беларуси на международной арене. В период, когда в отношении Белорусского государства оказывается беспрецедентное внешнеполитическое давление, поддержка союзников по ЕАЭС и ОДКБ не даёт ряду западных стран изолировать и дестабилизировать Беларусь.

Военно–политические процессы, которые с начала 2022 г. происходят в Восточной Европе, наглядно показывают, что наличие надёжных союзников – это важнейшее условие сохранения суверенитета и независимости в современном мире. Участие Беларуси в ЕАЭС сохраняет перспективы мирного и стабильного развития государства, обеспечивает социальную и экономическую безопасность, а также предоставляет гарантии сохранения суверенитета в условиях меняющейся архитектуры международных отношений.

Евразийская интеграция в перспективе предоставляет Беларуси намного больше, чем просто экономическую выгоду. В случае успешного развития евразийских интеграционных процессов, ЕАЭС может стать одним из центров силы на пространстве Евразии (между ЕС и Китаем) и тем самым предоставить странам–участникам соответствующие преимущества. Однако для создания собственного центра силы актуально расширять направления интеграционного сотрудничества. Исключительно экономическая интеграция создаёт риски внутривнутриполитического характера, т.к. экономические связи необходимо дополнять гуманитарной повесткой, работой с молодёжью, медийной и общественной поддержкой.

В связи с этим автор предлагает создать в Евразийской экономической комиссии «Департамент гуманитарной интеграции», задачей которого будет медийное продвижение евразийской интеграции и координация деятельности некоммерческих организаций стран ЕАЭС и лидеров общественного мнения с наднациональными органами. Данная инициатива является важнейшим условием для продвижения евразийской интеграции «снизу», т.к. экономические успехи должны подкрепляться идеологической и медийной составляющей, иначе интеграция превратится в «прагматический союз чиновников» с соответствующими дезинтеграционными последствиями.

Библиографические ссылки

1. Евразийский экономический союз: монография / Е. Ю. Винокуров [и др.]; под ред. Е. Ю. Винокурова. – Санкт-Петербург: ЦИИ ЕАБР, 2017. – 296 с.
2. Кофнер, Ю.К. Белоруссия больше всех выигрывает от ЕАЭС, 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eadaaily.com/ru/news/2020/08/20/ekspert-belorussiya-bolshe-vseh-vyigryvaet-ot-eaes>. – Дата доступа: 15.02.2023.
3. Об итогах внешней торговли Беларуси с Россией, 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mfa.gov.by/bilateral/russia/regions/economy>. – Дата доступа: 15.02.2023.
4. Приоритеты председательства Республики Беларусь в ЕАЭС в 2020 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://mfa.gov.by/multilateral/organization/list/aee589bdd68b8288.html>. – Дата доступа: 15.02.2023.

5. Ткачев, И. Как связаны экономики Белоруссии и России [Электронный ресурс] // РБК. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/19/08/2020/5f3bcfd09a7947dbc3afb76b>. – Дата доступа: 15.02.2023.

ОСНОВНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Чэнь Е,

*аспирант кафедры международных отношений,
Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь,
meredithchen@yandex.by*

В статье рассматриваются достижения интеграционных организаций на постсоветском пространстве в последние годы. Объектом исследования является деятельность Евразийского экономического союза, Союзного государства и Организации коллективной безопасности в 2022 году. Цель исследования – подведение итогов деятельности организаций на постсоветском пространстве на современном этапе и определение направлений развития интеграционных организаций.

Ключевые слова: постсоветское пространство; интеграция; ЕАЭС; Союзное государство; ОДКБ

Евразийский регион занимает важное место в мировой геополитике. На постсоветском пространстве сформирован и действует ряд интеграционных организаций. Евразийский экономический союз является наиболее активной организацией экономической интеграции в регионе. Союзное государство Беларуси и России представляет собой эффективную форму интеграции, которая может быть примером для других организаций в евразийском регионе в будущем. Организация Договора о коллективной безопасности в настоящее время является основой для эффективного сотрудничества в сфере безопасности. Деятельность интеграционных организаций оказало значительное влияние на развитие постсоветских государств, и изучение современного этапа развития структур интеграции представляет важное значение для анализа их развития, выявления проблем, определения перспектив.

С помощью метода сравнительного анализа выявлено, что в 2022 г. интеграционные организации на постсоветском пространстве развивались более эффективно по сравнению с предыдущим годом. В первой половине 2022 г. страны постсоветского пространства в основном преодолели последствия пандемии, национальные экономики в целом пошли на подъем, усилилось внутрирегиональное экономическое сотрудничество. Во второй половине 2022 г. наблюдался небольшой общий спад экономик из-за последствий западных санкций и других воздействий. Региональное сотрудничество в области безопасности и обороны также в определенной степени стимулируется конфликтами между некоторыми странами региона.

Евразийский экономический союз, который обладает значительными природными и демографическими ресурсами и опираясь на такие отрасли, как добыча углеводородного сырья, энергетика, металлургия, сельское хозяйство, оказывает значительное воздействие на мировую экономику. В 2022 г. страны ЕАЭС работали над реализацией принятых решений по устранению оставшихся тарифов и административных барьеров в рамках союза. Объем прямых ино-

странных инвестиций в государствах – членах Евразийского экономического союза увеличился, причем в Армении почти в пять раз, в Беларуси – в 1,6 раза, в Казахстане – в 2 раза, в Кыргызстане – в 1,9 раза [1].

Западные санкции в определенной степени способствовали росту взаимного импорта между странами, входящими в Евразийский экономический союз. ЕАЭС также активно работает над использованием национальных валют для взаиморасчетов и созданием общей платежно–финансовой системы, принято решение о создании новых механизмов финансирования промышленности, учреждении новых институтов в энергетическом секторе, обеспечении механизма создания общего энергетического рынка.

В 2022 г. ЕАЭС расширил международное сотрудничество, было заключено соглашение о зоне свободной торговли с Объединенными Арабскими Эмиратами. Союз также добился значительного увеличения объемов торговли с Ираном в рамках достижения соглашения о создании зоны свободной торговли [2]. ЕАЭС также принял решение о дальнейшем расширении сферы преференциального сотрудничества с другими странами, смещении экономической активности в сторону Азии, например, стран Юго-Восточной Азии и Шанхайской организации сотрудничества.

В ЕАЭС принято решение об усилении роли информационных технологий в развитии союза, активизации инвестиционного сотрудничества, упрощении административных процедур, защиты интересов инвесторов. В союзе укрепляются культурные обмены, расширяется сотрудничество в области науки, техники, образования. Однако из-за таких факторов, как западные санкции, Евразийский экономический союз в 2022 г. развивался «в условиях волатильности глобальных рынков и неблагоприятной мировой политической конъюнктуры» [3]. ВВП в рамках ЕАЭС снизился примерно на 2,9% в 2022 г., инфляция составила почти 13%, при этом самый высокий уровень инфляции наблюдался в Казахстане – 20,3%, за ним следуют Кыргызстан и Беларусь [4]. Негативные события в определенной степени создали проблемы для Евразийского экономического союза в достижении намеченных целей интеграции до 2025 г., таких, как развитие инфраструктуры, продовольственная безопасность и т.д.

В 2022 г. активно развивалось Союзное государство Беларуси и России на основе реализации 28 союзных программ, принятых руководителями двух государств в ноябре предыдущего года. В условиях санкций в финансовой системе две страны активно сокращают количество расчетов в долларах США, модернизируют расчеты в национальной валюте и внедряют другие системы расчетов, такие как юань, а также способствуют созданию единого рынка и валюты. Также были подписаны важные соглашения о сотрудничестве в области налогообложения, таможенного дела, микроэлектроники. Экспорт из Беларуси в Россию в 2022 г. составил около 18 млрд. долларов США и имеет тенденцию к росту. В условиях западных санкций две страны активно сотрудничают в рамках проектов по импортозамещению, которые призваны решить проблему недостаточных поставок критически важной продукции, увеличения занятости, содействия позитивному экономическому развитию.

После регионального конфликта между Украиной и Россией Беларусь и

Россия значительно укрепили и расширили свое региональное военное сотрудничество в плане военных технологий, совместных военных учений и вооружений. Две страны провели военные учения, такие как «Союзная решимость–2022», в Беларуси на боевое дежурство были поставлены российские комплексы С–400 и «Искандер». Две страны приняли новую Военную доктрину Союзного государства. Беларусь и Россия также активно развивают сотрудничество в системе образования, реализуется соглашение о взаимном признании виз. Две страны также достигли высокого уровня сотрудничества в освоении космоса и работают над созданием совместной группы спутников зондирования Земли [5]. Международное сотрудничество Беларуси и России в рамках Союзного государства также отчетливо смещается в направлении азиатского региона [6].

Организация Договора о коллективной безопасности как структура по обеспечению безопасности на постсоветском пространстве в 2022 г. успешно доказала эффективность своих функций. В январе 2022 г. миротворческая операция в Казахстане подтвердила статус ОДКБ в регионе. На заседании ОДКБ в Ереване было принято решение об оснащении миротворческих сил ОДКБ современным вооружением, военной и специальной техникой и специальными средствами. Государства – члены также сотрудничают в рамках ОДКБ в области борьбы с наркотиками, киберпреступностью и т.д.

Кроме того, ОДКБ приступила к решению проблемы биобезопасности, сформировав подразделение радиационной, химической и биологической защиты и подразделение медицинской поддержки ОДКБ для борьбы с биологическими угрозами [7]. Однако внутри организации все еще существуют проблемы, связанные с различными национальными интересами стран – членов. Конфликтная ситуация между Арменией и Азербайджаном продолжает оставаться большой проблемой в сфере безопасности, как и пограничный конфликт между Кыргызстаном и Таджикистаном. Региональный конфликт между Россией и Украиной также ставит под угрозу безопасность евразийского региона. Кроме того, проблема амбициозных целей организации ограничивает результаты ее сотрудничества. ОДКБ необходимо повысить свою эффективность и влияние, работая с внешними акторами, такими как ООН, Шанхайская организация сотрудничества и Китай.

В целом результаты деятельности интеграционных организаций на постсоветском пространстве в 2022 г. имеют несколько особенностей. Во-первых, экономическое сотрудничество ограничено. Западные санкции не только повлияли на экономическое развитие и импорт России и Беларуси, но и оказали влияние на экономику и поставки продукции других стран, имеющих зависимость от России. Развитие альтернативных отраслей и введение расчетов в местной валюте будет способствовать значительному росту региональной экономической интеграции в будущем.

Во-вторых, усилилось региональное сотрудничество в сфере безопасности, прежде всего между Беларусью и Россией. Сохранение конфликтных ситуаций в других регионах постсоветского пространства привело к усилению тенденции внутрирегионального сотрудничества в сфере безопасности.

В-третьих, укрепилось гуманитарное сотрудничество, которое в силу

исторических и культурных особенностей является неизбежной тенденцией в контексте усиления экономической и политической интеграции на постсоветском пространстве.

В будущем интеграционные организации на постсоветском пространстве продолжают испытывать комбинированное воздействие западных санкций и внутренних конфликтов. Евразийский экономический союз и Союзное государство также сталкиваются с проблемой своевременной реализации намеченных задач. Вместе с тем следует подчеркнуть, что сотрудничество государств в рамках интеграционных организаций на постсоветском пространстве в настоящее время достигло беспрецедентного уровня и будет продолжать возрастать.

Библиографические ссылки

1. За счет чего растет совокупный ВВП государств ЕАЭС? [Электронный ресурс] // 24 МИР. – Режим доступа: <https://mir24.tv/news/16535640/za-schet-chemo-vyros-sovokupnyi-vvr-gosudarstv-eaes>. – Дата доступа: 08.02.2023.

2. ЕАЭС и Иран продолжают работать над созданием зоны свободной торговли [Электронный ресурс] // ПРАЙМ ПРЕСС. – Режим доступа: https://primepress.by/news/ekonomika/eaes_i_iran_prodolzhayut_rabotat_nad_sozdaniem_zony_svobodnoy_torgovli-47373/. – Дата доступа: 08.02.2023.

3. Путин подвел итоги 2022 года для ЕАЭС [Электронный ресурс] // ВЕДОМОСТИ. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2022/12/09/954627-putin-podvel-itogi>. – Дата доступа: 08.02.2023.

4. Куда ж несешься ты: инфляция в ЕАЭС в 2022 году составила почти 13% [Электронный ресурс] // Экономическая газета. – Режим доступа: <https://neg.by/novosti/otkrytj/inflyatsiya-v-eaes-v-2022-godu-sostavila-pochti-13/>. – Дата доступа: 08.02.2023.

5. Аналогов 2022 году по степени развития сотрудничества в Союзном государстве нет [Электронный ресурс] // Интернет–портал СНГ. – Режим доступа: <https://e-cis.info/news/568/106000/>. – Дата доступа: 08.02.2023.

6. Союзное государство России и Беларуси: 5 избранных статей за 2022 год [Электронный ресурс] // ЭВРАЗИЯ. ЭКСПЕРТ. – Режим доступа: <https://eurasia.expert/soyuznoe-gosudarstvo-rossii-i-belarusi-5-izbrannykh-statey-za-2022-god/>. – Дата доступа: 08.02.2023.

7. Модернизация ОДКБ: Главные интриги председательства Беларуси в 2023 году [Электронный ресурс] // ЭВРАЗИЯ. ЭКСПЕРТ. – Режим доступа: <https://eurasia.expert/modernizatsiya-odkb-glavnye-intrigi-predsedatelstva-belarusi-v-2023-godu/>. – Дата доступа: 08.02.2023.

РОЛЬ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА В РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ ЕАЭС И «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»

О. П. Рубо,

*кандидат исторических наук,
заведующий кафедрой комплексного изучения
развития Китайской Народной Республики,
Белорусский государственный университет,*

ул. Ленинградская, 20, 220030, г. Минск, Беларусь, rubo@bsu.by

Данная статья посвящена исследованию роли Шанхайской организации сотрудничества в реализации проектов ЕАЭС и «Один пояс, один путь» и, соответственно, в становлении Большого евразийского партнерства. Автор раскрывает потенциал ШОС как координирующей площадки для согласования интересов стран ШОС, выработки согласованных решений, создания условий для активного продвижения экономического сотрудничества, обеспечения безопасности и стабильности на евразийском пространстве. Важными направлениями сотрудничества в ШОС являются борьба с терроризмом, экстремизмом, незаконным оборотом наркотиков, транснациональной организационной преступностью, а также противодействие киберпреступлениям. В рамках организации созданы механизмы многостороннего сотрудничества в сфере безопасности, торговли, транспорта и коммуникаций. Таким образом, ШОС представляет собой важный институт международного сотрудничества в Евразии. Организация обладает большим потенциалом, позволяющим ей стать центром формирующейся многополярной системы международных отношений.

Ключевые слова: ШОС, Один пояс, один путь, ЕАЭС Китай, Россия, Экономический пояс Шелкового пути, экономические коридоры, сопряжение, Большое Евразийское партнерство.

В настоящее время ШОС представляет собой многопрофильное объединение, ключевыми направлениями которой являются обеспечение региональной безопасности и стабильности, укрепление экономического сотрудничества, расширение культурно–гуманитарного взаимодействия. ШОС обладает большим потенциалом, позволяющим ей стать центром формирующейся многополярной системы международных отношений

В контексте современных геополитических изменений возрастает внимание к ШОС как со стороны официальных лиц государства, так и экспертного сообщества. Возникает вопрос о перспективах развития этой организации в Евразии и использовании ее потенциала как важной координирующей площадки для различных многосторонних механизмов сотрудничества.

Целью данной статьи является исследование роли ШОС в реализации проектов ЕАЭС и «Один пояс, один путь» и, соответственно, в становлении в Большого евразийского партнерства.

В 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул идею совместного строительства инициативы «Один пояс, один путь», состоящую из двух частей: «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП) и «Морского Шелкового пути XXI века». В 2014 г. Россия, Беларусь и Казахстан подписали договор о создании Евразийского экономического союза, к которому через год присоединились Армения и Кыргызстан. Президент России В.В. Путин на пленарном заседании Пе-

тербургского международного экономического форума в июне 2016 озвучил концепцию «Большого Евразийского партнерства» (БЕП), одним из основных элементов которого должно стать сопряжение ЕАЭС и ЭПШП [3, с.13–14].

Сопряжение ЕАЭС и ОПОП представляется наиболее важным содержательным компонентом процесса формирования БЕП. «Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны», подписанное в 17 мая 2018 г., подтверждает запуск данного процесса.

В Совместном заявлении России и Китая о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху, которое было подписано 5 июня 2019 г., стороны указали на взаимную поддержку ЕАЭС и ОПОП и подчеркнули значимость активизации усилий по их сопряжению [7].

Следует отметить, что территории стран – членов ЕАЭС входят в географическое пространство ШОС, охватывающее большую часть Евразии. При этом все участники ШОС являются важными экономическими субъектами, которые располагаются вдоль экономических коридоров ЭПШП, что обозначено в документе «Видение и действия, направленные на продвижение совместного строительства – Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века» [3, с. 16].

Важным условием успешного развития проекта Большой Евразии, как подчеркивают российские эксперты С. Г. Лузянин и А. Ф. Клименко, является взаимовыгодное сотрудничество России и Китая в рамках ШОС, которая определяется одним из составных элементов БЕП [5, с. 106].

Фокусирование на экономической деятельности ШОС со стороны России и Китая выразилось в конкретных шагах по реализации сопряжения ЕАЭС и концепции «Один пояс, один путь» [6, с.32]. Основой в вопросах сопряжения является связанность транспортно-логистической инфраструктуры стран ШОС. Особое внимание развитию транзитного потенциала было уделено в Меморандуме между правительствами государств-участников об основных целях и направлениях регионального экономического сотрудничества и о запуске процесса по созданию благоприятных условий в области торговли и инвестиций, принятому странами-членами ШОС в г. Алматы 14 сентября 2001 г. Важную роль в развитии транспортной взаимосвязанности играет Соглашение между правительствами государств-членов ШОС о создании благоприятных условий для международных автомобильных перевозок, которое было подписано в рамках заседания Совета глав государств-членов ШОС 12 сентября 2014 г. Реализация принятой в ноябре 2019 г. Концепции взаимодействия железнодорожных администраций государств – членов ШОС обещает развитие железнодорожного транспорта.

Перед ШОС стоит важная задача балансирования интересов участников ШОС. Организация служит стратегической платформой для принятия согласованных решений. В частности, инициатива ОПОП предполагает строительство экономических коридоров: Нового евразийского наземного моста, коридора через

полуостров Индокитай, коридоров Китай – Монголия – Россия, Китай – Центральная Азия – Западная Азия, Китай – Пакистан и Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма. Однако Индия, которая является страной – членом ШОС с 2017 г., с настороженностью относится к инициативе ОПОП. Особую обеспокоенность у нее вызывает Китайско–пакистанский экономический коридор, поскольку его транспортные магистрали прокладываются по спорным территориям Кашмира. По оценке индийской стороны, угрозу государственной безопасности представляет также коридор Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма, который может привести к расширению китайского влияния на северо–востоке страны в условиях длительных приграничных споров Индии с Китаем [4, с.23–24].

При этом Россия, Индия и Иран инициировали создание международного транспортного коридора Север–Юг. Этот Коридор позволит соединить Индийский океан и Персидский залив с Каспийским морем и обеспечит маршрут в страны Центральной Азии, Россию и в перспективе в Европу. По мнению российского эксперта Ю.В. Морозова, в результате создания коридоров «Восток–Запад» и «Север–Юг» транзитные пути из Азии в Европу окажутся под контролем стран–членов ШОС, что будет способствовать развитию их транспортных коммуникаций в Евразии [6, с.21].

Очевидно, что ШОС способна сыграть важную роль сопряжении ЭПШП и ЕАЭС, так как страны «семьи ШОС» в той или иной мере имеют отношения к инициативе ОПОП либо задействованы в интеграционных процессах на пространстве ЕАЭС. Транзитный потенциал ЕАЭС представляет собой особый интерес как для Китая, Индии, Ирана, так и для других участников ШОС. Соответственно, эта организации имеют необходимый потенциал для функционирования в качестве важнейшего института международного общения в Евразии.

Вступление Ирана в ШОС и расширение сотрудничества этой страны с ЕАЭС открывает дополнительные возможности. Так, в январе 2023 г. Иран и Евразийский экономический союз (ЕАЭС) согласовали большую часть вопросов для завершения переговоров по соглашению о зоне свободной торговли [2].

Непростая международно–политическая обстановка, в которой будут реализовываться экономические проекты ЕАЭС и ЭПШП, и построение сообщества Большого евразийского партнерства нуждаются в обеспечении условий безопасности и стабильности в регионе, что совпадает с пространством ШОС. В рамках организации создана прочная нормативно–правовая база, посвященная сотрудничеству по обеспечению безопасности, проведено более десятка учений по борьбе с терроризмом наркотрафиком, созданы механизмы многостороннего сотрудничества [3, с.17–18]. С учетом широкого использования террористическими и экстремистскими организациями информационных технологий, особое значение приобретает взаимодействие стран ШОС в сфере обеспечения информационной безопасности и предотвращения использования современных технологий в разрушительных целях. В частности, речь идет об обеспечении безопасности экономических маршрутов, инфраструктурных объектов. Основными документами ШОС в данной сфере являются Соглашение о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности, подписанное в Екатеринбурге 16 июня 2009 г., и соответствующий План взаимодей-

ствия на 2022–2023 гг.

Таким образом, ШОС способна сыграть роль важного координационного центра реализации проектов ЕАЭС и «Один пояс, один путь» и, соответственно, становления Большого евразийского партнерства. Важными задачами ШОС являются функционирование в качестве площадки для согласования интересов стран ШОС, создание условий для активного продвижения экономического сотрудничества, обеспечение безопасности и стабильности на евразийском пространстве.

Библиографические ссылки

1. Балакин, В.И. Новая роль ШОС в Евразии / Сотрудничество России и Китая в интересах обеспечения безопасности геополитического пространства ШОС: проблемы и перспективы Рос. акад. наук, Инт Дальнего Востока; отв. ред.сост. Ю.В. Кулинцев. – М.: ИДВ РАН, 2021. – С 26–36.

2. Иран и ЕАЭС согласовали большую часть основных вопросов для завершения переговоров о ЗСТ [Электронный ресурс] / ТАСС. – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16838127>. – Дата доступа: 03.12.2023.

3. Клименко, А.Ф. Международно–политическая обстановка и основные вызовы реализации проектов участников ШОС на евразийском пространстве/ Сотрудничество России и Китая в интересах обеспечения безопасности геополитического пространства ШОС: проблемы и перспективы Рос. акад. наук, Инт Дальнего Востока; отв. ред.сост. Ю.В. Кулинцев. – М.: ИДВ РАН, 2021. – С. 9–25.

4. Ливиндюк, О. В., Свилас, С. Ф. Влияние инициативы «Один пояс, один путь» на отношения между Индией и Китаем Гармонизация интеграционных процессов на евразийском пространстве: материалы междунар. круглого стола по инновациям в междунар. исслед., Минск, 20 апр. 2022 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: О. Н. Лешенюк (гл. ред.), А. М. Байчоров, А. В. Русакович. – Минск: БГУ, 2022. – С. 21–26.

5. Лузянин, С.Г., Клименко, А.Ф. Сотрудничество России и Китая в ШОС по реализации концепции Большого евразийского партнерства// Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXIV: ежегодное издание / сост., отв. ред. Е.И. Сафронова. М.: ИДВРАН, 2019. С. 98–113.

6. Морозов, Ю. В. Перспективы российско–китайских отношений в свете новой геополитической ситуации (украинский фактор) // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXVII: ежегодное издание / сост., отв. ред. Е.И. Сафронова / Рос. акад. наук; Ин–т Китая и совр. Азии РАН. – М.: ИКСА РАН, 2022. – С. 12–24.

7. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/5413>. – Дата доступа: 10.10.2022.

НАУЧНАЯ СЕССИЯ 2

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

К ВОПРОСУ О НАДНАЦИОНАЛЬНОСТИ ЕАЭС

В. А. Бутич,

*аспирант кафедры международного права,
Белорусского государственного университета,
ул. Ленинградская, 20, 220030, г. Минск, Беларусь, vladabutich@mail.ru*

В статье исследуется понятие «наднациональность» в интеграционных объединениях и поднимаются вопросы её реализации в рамках ЕАЭС. При рассмотрении категории «наднациональность» обращается внимание на необходимость соблюдения баланса национальных и международных интересов при организации деятельности интеграционного объединения. При определении места наднациональности в праве ЕАЭС, автором приводятся точки зрения разных авторов по рассматриваемому вопросу, а также анализируется институциональная структура ЕАЭС. По результатам проведенного исследования автор приходит к выводу о наличии элементов наднациональности в системе органов ЕАЭС. Между тем, для осуществления более эффективных интеграционных процессов в рамках ЕАЭС предлагается расширить полномочия некоторых его органов, в частности Евразийской экономической комиссии и Суда ЕАЭС.

Ключевые слова: наднациональность, интеграция, институциональная структура ЕАЭС, суд ЕАЭС, Евразийская экономическая комиссия, региональная интеграция.

Наднациональность является важным инструментом на пути к реализации цели интеграции. По своей сути, она представляет собой способ организации работы межгосударственного объединения, при котором оно обретает определенную степень независимости и осуществляет некоторые внутригосударственные полномочия в целях осуществления международно-правовой интеграции его государств–участников. При разработке наднациональным органом межгосударственного образования международно-правовых норм, обладающих верховенством, прямым действием и непосредственным применением на территории государств–участников, создается единое регулятивное правовое пространство на всей территории объединения, что способствует сближению правовых систем его государств – членов. Между тем, при создании в межгосударственном объединении органов наднационального характера большое значение имеет волеизъявление государств, реализуемое при заключении соответствующих международных договоров. Помимо этого, при вступлении в международное интеграционное объединение, государства продолжают играть важную роль в его функционировании [1, с. 10].

В связи с этим, с одной стороны для достижения цели полной и глубокой интеграции государств очень важно наделить органы межгосударственного интеграционного объединения суверенными полномочиями государств – участников (автономности и независимости, прямым действием решений) по определенным в международных соглашениях вопросам.

С другой стороны, так как государства играют ключевую роль в деятельности межгосударственных образований, для соблюдения баланса интересов суверенных государств при создании наднациональных органов интеграционного объединения, государствам–участникам должны предоставляться гарантии, устанавливающие пределы деятельности наднациональных органов и возможность контролировать ключевые аспекты их деятельности.

Таким образом, хотя наднациональность имеет большое значение при достижении полной и глубокой интеграции на международном уровне, важно также учитывать необходимость обеспечения баланса внутригосударственных и международных интересов в деятельности межгосударственного объединения. Отсутствие такого баланса может привести к значительному замедлению интеграционных процессов, снижению эффективности деятельности межгосударственного интеграционного объединения или его «огосударствлению» и возможному распаду на фоне неизбежного конфликта с его суверенными государствами – участниками.

Вопрос о наднациональности ЕАЭС в настоящее время является достаточно дискуссионным. В международно–правовой доктрине многие придерживаются точки зрения, что право ЕАЭС является наднациональным правом (А. Е. Татарская [2], А. А. Дорская [3]).

Т. Н. Михалёва рассматривает ЕАЭС, как институционализированную продвинутую форму интеграции, существующую как международная организация с развитой структурой органов, установленной компетенцией, наднациональными полномочиями в отдельных сферах и формирующейся автономной системой права [4, с. 34].

Для того, чтобы определить место явления «наднациональность» в ЕАЭС, в первую очередь следует обратиться к анализу системы его органов.

В соответствии со статьей 8 Договора о Евразийском экономическом союзе (г. Астана, 29 мая 2014 г., далее – Договор), органы Союза представлены Высшим Евразийским экономическим советом, Евразийским межправительственным советом, Евразийской экономической комиссией и Судом Евразийского экономического союза [5].

Высший Евразийский экономический и Межправительственный советы являются главными политическими органами ЕАЭС. В их состав входят представители государств–участников ЕАЭС, а решения, как правило, принимаются по широкому кругу вопросов консенсусом. Это позволяет при необходимости, Главе государства может заблокировать решение, которое не будет способствовать интересам его государства. Такой орган не является наднациональным, но благодаря ему должно регулироваться соотношение интеграционных и национальных интересов в межгосударственном образовании, при условии, если круг вопросов, решаемый на данном уровне не является всеобъемлющим.

Так, при обсуждении в 2020 г. государствами – участниками ЕАЭС возможности отказа национальных правительств от права вето по некоторым вопросам и передачи права принятия решений по ним на наднациональный уровень Т. Саркисяном было отмечено следующее: «если национальное правительство сохраняет за собой право вето, то это позволяет ему сохранять свой нацио-

нальный суверенитет. Но, с другой стороны, если мы хотим углублять наш союз, очевидно, и с этим все согласны, что есть некоторые функции, которые необходимо передавать наднациональным органам» [6].

При этом, решения и поручения Высшего и Межправительственного советов, исходя из статьи 6 Договора ЕАЭС, «подлежат исполнению государствами–членами в порядке, предусмотренном их национальным законодательством» [6], не имея прямого действия на их территории. В связи с этим исполнение таких актов остается на усмотрении каждого отдельно взятого государства.

Евразийская экономическая комиссия (далее ЕЭК) – постоянно действующий регулирующий орган ЕАЭС – состоит из Совета и Коллегии.

Совет ЕЭК включает в себя представителей государств–членов ЕАЭС, которые являются заместителями глав правительств, а также принимает решения, распоряжения и рекомендации на основе консенсуса. Кроме того, при не достижении консенсуса, неурегулированный вопрос передается на уровни выше – в Высший или Межправительственный совет. Таким образом, Совет ЕЭК представляет собой скорее межгосударственный орган, нежели наднациональный.

Коллегия является исполнительным органом ЕЭК и формируется из представителей государств–членов ЕАЭС, которые независимы в осуществлении своих полномочий и не могут получать поручения официальных лиц государства и органов власти, а также советоваться с ними. Также, члены Коллегии, как и другие должностные лица и сотрудники ЕЭК, не имеют права совмещать работу в ЕЭК с другой работой или заниматься оплачиваемой деятельностью, за исключением творческой.

В отличие от Совета ЕЭК, который принимает решения консенсусом, Коллегия ЕЭК принимает решения квалифицированным большинством. Это представляется более соответствующим наднациональности, поскольку в таком случае представитель какого–то отдельного государства не может остановить принятия решения в случае несогласия с ним.

Согласно части второй статьи 13 Положения о ЕЭК (Приложение № 1 к Договору ЕАЭС) решения ЕЭК входят в право Союза и подлежат непосредственному применению на территориях государств–членов [5]. Таким образом, решения ЕЭК являются частью национального законодательства государств–участников ЕАЭС, что подчеркивает наднациональный характер ЕЭК.

Вместе с тем, на сегодняшний день ЕЭК не может считаться полноценным наднациональным институтом. Это обусловлено, в первую очередь, разным порядком формирования и функционирования Совета и Коллегии. В то время, как Коллегия является наднациональным органом, Совет ЕЭК скорее межгосударственный. При этом, именно Совет ЕЭК осуществляет общее регулирование интеграционных процессов в ЕАЭС и общее руководство деятельностью Комиссии [7].

Суд ЕАЭС (далее – Суд) несет на себе важную наднациональную задачу – обеспечение единообразного понимания норм права ЕАЭС государствами–участниками. Порядок формирования Суда мало отличается от практики формирования иных международных судебных органов.

Судьи назначаются на должности Высшим советом по представлению государств–членов (по 2 судьи от каждого государства). Кроме того, Председатель Суда и его заместитель не могут являться гражданами одного и того же государства. И, хотя судья не может «представлять интересы государственных или межгосударственных органов» [5], освобождение с должности судьи осуществляется также Высшим советом по инициативе судьи, Суда или государства, которое судья представляет.

Суд наделен компетенцией разрешать ряд споров, возникающих по вопросам реализации Договора, международных договоров в рамках ЕАЭС или решений его органов. Правом обращения в Суд по таким вопросам наделены государства–члены ЕАЭС и хозяйствующие субъекты по вопросам, затрагивающих их права и законные интересы. Отдельные органы ЕАЭС, а также их сотрудники и должностные лица могут обращаться в Суд только за разъяснением. Между тем, для усиления роли ЕЭК, придания ей более независимого статуса и наднационального характера, представляется целесообразным также наделить ей правом обращения в Суд по ряду оснований, аналогичных основаниям для обращения государств.

Увеличение субъектного состава помимо усиления роли ЕЭК, также расширит компетенцию Суда по защите международно–правовой системы ЕАЭС.

Отдельно следует отметить, у Суда нет полномочий контроля над исполнением принятых решений, что необходимо для функционирования надгосударственного органа. Стороны спора должны сами определить форму и способ исполнения решения Суда. Если решение не выполнено, государство–член ЕАЭС может обратиться в Высший совет с целью принятия необходимых мер. Таким образом, окончательное решение будет принимать Высший экономический совет, который, как уже было отмечено, является межгосударственным органом.

Для построения прочных экономических отношений в рамках союза, необходима не только развитая международно–правовая база, но и осуществление надлежащей защиты создающихся в рамках ЕАЭС экономических связей. Усиление роли суда представляется одной из важнейших задач на пути к построению эффективной институциональной системы наднациональных органов в рамках ЕАЭС.

Подводя итог, можно сказать, что институциональная структура ЕАЭС определенно обладает элементами наднациональности с учетом баланса интеграционных и национальных интересов. Между тем, для более глубокой интеграции в рамках ЕАЭС, представляется необходимым расширение полномочий органов ЕАЭС, в частности ЕЭК и Суда, а также усиление их роли в функционировании ЕАЭС.

Библиографические ссылки

1. Гаврилов В. В., Данышов В. Э. Содержание категории «наднациональность» в современной международно–правовой доктрине / В. В. Гаврилов, В. Э. Данышов // Московский журнал международного права. – 2019. – № 3. – С. 6–13.

2. Татарская А. Е. Соотношение национального и наднационального права в условиях

глобализации на примере Республики Беларусь / А. Е. Татарская // Диалог культур в эпоху глобальных рисков: материалы Междунар. науч. конф. и X Науч.-теорет. семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии», Минск, 17 – 18 мая 2016 г.: в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. В. Анохина [и др.]. – Минск, 2016. – Ч. 2. – С. 293–295.

3. Дорская А. А., Дорский А. А. Международные интеграционные организации и проблема формирования наднационального права / А. А. Дорская, А. А. Дорский // Юрид. наука. – 2016. – № 4. – С. 105–110.

4. Михалева, Т.Н. Право Евразийского экономического союза: учеб.-метод. пособие / Т.Н. Михалева. – Минск: БГУ, 2022. – 191 с.

5. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс]: заключ. в г. Астане 29 мая 2014 г. // КонсультантПлюс: Беларусь. / ООО «Юрспектр», нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

6. Страны ЕАЭС обсудят возможность отказа от права вето по ряду вопросов [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://ria.ru/20200131/1564112322.html>. – Дата доступа: 03.02.2023.

7. О регламенте работы Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]: решение Высш. Евраз. экон. совета, принято в г. Москве 23 дек. 2018 г., № 98 // Евразийская экономическая комиссия. – Режим доступа <https://eec.eaeunion.org/upload/iblock/fda/fda247f59bfe5d39aab77e80493bba41.pdf?ysclid=led3qnup1870454562>. – Дата доступа: 03.02.2023.

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ КАТЕГОРИИ «КРЕДИТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ» В ПРАВЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Н.Ю. Газдюк,

*Общество с дополнительной ответственностью «ПАРАДА и ПАПЕРА»,
ул. Я.Купалы, 7, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, gaz.82@mail.ru*

Статья посвящена исследованию вопроса о понятии и значении категории «кредитная организация» в праве ЕАЭС. Автор также рассматривает соотношение указанного понятия со смежными категориями «поставщик финансовых услуг» и «финансовая организация». В статье обращается внимание на дискуссионность вопроса о соотношении понятий «банковские услуги» и «банковские операции», через которое определяется «кредитная организация». По результатам проведенного исследования внесены предложения по дальнейшему развитию в сфере международно-правового регулирования рынка банковских услуг.

Ключевые слова: кредитная организация, банк, финансовая услуга, банковская операция, общий финансовый рынок, Евразийский экономический союз.

Термин «**кредитная организация**» в праве ЕАЭС был впервые упомянут в п. 3 Протокола по финансовым услугам (приложение № 17 к Договору о ЕАЭС) [1] и был определен как «юридическое лицо государства – члена, которое для извлечения прибыли как основной цели своей деятельности на основании лицензии, выданной уполномоченным органом государства – члена по регулированию банковской деятельности, имеет право осуществлять банковские операции в соответствии с законодательством государства – члена, на территории которого оно зарегистрировано».

Приведенная выше дефиниция является «предварительной», поскольку как следует из п. 22 Протокола по финансовым услугам государствам–членам только предстоит гармонизировать свои национальные законодательства по вопросу, что следует понимать под термином «кредитная организация», каков ее юридический статус, а также перечня операций, которые следует признавать банковскими (подпункты 1 и 15). Данные направления гармонизации также предусмотрены Планом мероприятий по гармонизации законодательства государств – членов Евразийского экономического союза в сфере финансового рынка (далее – План мероприятий по гармонизации) [2].

Введение категории «кредитная организация» в право ЕАЭС говорит о ее значимости для достижения целей регулирования рынка банковских услуг, который наряду с рынком страховых услуг, услуг, относящихся к страховым, а также рынком ценных бумаг составляет финансовый рынок государств – членов Союза.

Вместе с тем, представляется, что цель введения данной категории, а также соотношение ее со смежными категориями (в частности, «поставщик финансовых услуг», «финансовая организация», «банк») прослеживается в праве ЕАЭС недостаточно ясно, что может затруднить процесс гармонизации законодательств государств – членов ЕАЭС в банковском секторе или привести к неэффективности его результатов.

Прежде всего, следует рассмотреть вопрос о соотношении исследуемой категории со смежными.

Помимо термина «кредитная организация» в праве ЕАЭС применительно к регулированию финансового рынка используется термин **«поставщик финансовых услуг»**, под которым понимается любое физическое или юридическое лицо государства–члена, поставляющее финансовые услуги, за исключением государственных учреждений (п. 3 Протокола по финансовым услугам), а также термин **«финансовая организация»**, обозначающий юридическое лицо, которое осуществляет деятельность по предоставлению финансовых услуг на финансовом рынке в соответствии с законодательством государства–члена (ст. 1 Соглашения об обмене информацией, в том числе конфиденциальной, в финансовой сфере в целях создания условий на финансовых рынках для обеспечения свободного движения капитала (далее – Соглашение об обмене информацией) [3]).

Представляется, что использование в праве Союза двух терминов – «поставщик финансовых услуг» и «финансовая организация» – является излишним и не оправданным с точки зрения нормотворческой техники, поскольку: во-первых, очевидна схожесть их содержания; во-вторых, как следует из Преамбулы Соглашения об обмене информацией, оно заключено во исполнение ст. 70 Договора о ЕАЭС, закрепляющей цели и принципы регулирования финансовых рынков в рамках Союза.

Что касается соотношение терминов «поставщик финансовых услуг» и «кредитная организация», то можно отметить следующее.

Термин «поставщик финансовых услуг» по своему содержанию шире, поскольку охватывает не только поставщиков банковских услуг, но и поставщиков страховых и относящиеся к страховым услуг, а также поставщиков услуг на рынке ценных бумаг, что следует из определения понятия «финансовая услуга», данного в п. 3 Протокола по финансовым услугам.

Вместе с тем, дискуссионным является вопрос о соотношении в праве ЕАЭС понятия **«банковские услуги»**, перечень которых приведен в п. 3 Протокола по финансовым услугам, которое является ключевым для квалификации поставщика финансовых услуг в банковском секторе, и понятия **«банковские операции»**, через которое определено понятие «кредитная организация». Дискуссионность этого вопроса была ярко продемонстрирована при рассмотрении в 2020 г. Большой коллегией Суда ЕАЭС запроса Министерства юстиции Российской Федерации, в котором заявитель просил Суд ЕАЭС разъяснить, в том числе, входят ли лизинговые услуги, оказываемые лизинговой компанией, не являющейся банком, в предмет регулирования Протокола по финансовым услугам либо они регулируются положениями Протокола о торговле услугами, учреждениями, деятельности и осуществлении инвестиций, являющегося приложением № 16 к Договору о ЕАЭС (далее – Протокол о торговле услугами).

В Консультативном заключении от 10 июля 2020 г. по делу № СЕ–2–1/2–20–БК [4] Суд ЕАЭС, руководствуясь объектным критерием, т.е. перечнем банковских услуг, приведенным в п. 3 Протокола по финансовым услугам, пришел к выводу, что услуги по финансовому лизингу, даже если они оказываются лизинговой компанией, не являющейся банком, являются финансовой (банков-

ской) услугой и. соответственно, регулируются положениями раздела XVI Договора о ЕАЭС и Протокола по финансовым услугам. Положения раздела XV Договора о ЕАЭС и Протокола о торговле услугами применимы к финансовому лизингу в части, не противоречащей разделу XVI и положениям Протокола по финансовым услугам. Таким образом, если исходить из логики рассуждения, прослеживаемой в указанном Консультативном заключении, можно сделать вывод, что понятие «банковская услуга» в праве Союза шире понятия «банковская операция», поскольку охватывает также услуги, оказываемые субъектами, не являющимися банками.

Вместе с тем, с выводами, изложенными в Консультативном заключении не согласились судьи Д. Г. Колос и К. Л. Чайка, изложившие к нему особые мнения, в которых указывали на необходимость при решении данного вопроса руководствоваться не только объектным, но и субъектным критерием, т.е. исходить из статуса субъекта, оказывающего услуги финансового лизинга. Соответственно, по их мнению, положения раздела XVI Договора о ЕАЭС и Протокола по финансовым услугам распространяются только на услуги финансового лизинга, оказываемые банками как хозяйствующими субъектом, обладающим специальным статусом. Таким образом, если руководствоваться данной позицией, то можно сделать вывод о тождественности понятий «банковская услуга» и «банковская операция» в праве Союза.

Представляется, что указанная неопределённость возникла вследствие не очень удачного «перенесения» и попытки одновременного сочетания при разработке Договора о ЕАЭС и Протокола по финансовым услугам принципиально различных подходов к правому регулированию рынка финансовых (банковских) услуг, разработанных в рамках Всемирной торговой организации и Европейского Союза.

Разногласия, выявленные при рассмотрении Большой коллегией запроса Министерства юстиции Российской Федерации, свидетельствуют о необходимости унифицировать в праве ЕАЭС понятие «кредитная организация» и перечень банковских операций, изымаемых из общего правового режима торговли услугами. Представляется, что анализ п. 22 Протокола по финансовым услугам и Плана мероприятий по гармонизации позволяет сделать вывод, что кредитная организация рассматривается государствами – членами как главный участник общего рынка банковских услуг ЕАЭС, соответственно, гармонизации национальных законодательств государств – членов по определению подходов к пониманию «кредитная организация» и определению перечня банковских операций явно недостаточно.

Следует признать, что унификация данных вопросов весьма затруднительна, что обусловлено различиями в национальных банковских законодательствах государств – членов. Как справедливо отмечается в литературе, с помощью закрепления понятий «банк», «кредитная организация» государство решает стоящие перед ним задачи по обеспечению стабильности банковской системы и укреплению национальной валюты [5], а перечень банковских операций определяется не столько экономической сутью их деятельности, сколько волей законодателя, в связи с чем круг банковских операций не совпадает в различных

странах [6]. Кроме того, национальное банковское законодательство двух из пяти государств – членов (Республики Казахстан и Кыргызской Республики) предусматривает возможность функционирования так называемых «исламских банков», осуществляющих банковскую деятельность в соответствии с принципами и нормами шариата, в связи с чем осуществляемые ими банковские операции по своему характеру, и как следствие, правовому регулированию существенно отличаются от традиционных банковских операций.

Представляется, что для проведения работ по унификации правового регулирования рассматриваемых вопросов государства – члены ЕАЭС могли бы воспользоваться подходом, применяемый Европейским Союзом к определению основных субъектов, подпадающих под наднациональное регулирование, осуществляемое в рамках т.н. «Банковского союза» (Banking union), являющегося более глубокой степенью интеграции рынков банковских услуг, чем общий рынок, и предполагающего создание четырех основных компонентов, а именно, создание: Единого свода правил (Single Rule Book); Единого надзорного механизма (Single Supervisory Mechanism); Единого механизма работы с проблемными организациями (Single Resolution Mechanism); Общей схемы гарантирования вкладов (Common Deposit Guarantee Scheme).

В полной мере наднациональному правовому регулированию подвергается деятельность **«кредитных организаций»** (credit institution), в качестве которых признаются предприятия, деятельность которых заключается в привлечении депозитов (вкладов) или других средств на возвратной основе от неограниченного круга лиц и в предоставлении кредитов за свой собственный счет (ч. 1 ст. 4(1) Регламента (ЕС) № 575/2013 от 26 июня 2013 г.) [7]. Как отмечено в пособии, подготовленном под руководством Европейской комиссии, термин «кредитное учреждение» («кредитная организация») является синонимом того, что в ЕС понимается под словом «банк» [8].

Представляется, что выделение именно этих банковских операций обусловлено тем, что, во-первых, они явились исторически первыми функциями, осуществляемыми банками; во-вторых, отражают экономическую сущность банков как финансовых посредников; в-третьих, являются наиболее критическими для банковского сектора. Как справедливо отмечает Tommaso Padoa-Schioppa, любое законодательство в мире будет квалифицировать организацию, осуществляющую выдачу займов за счет собственных средств и привлекающую во вклады денежные средства от неопределенного круга лиц, в качестве банка [9, p. 25].

Вместе с тем, наряду с «кредитными организациями», в банковском праве ЕС выделяют **«финансовые организации»** (financial institutions), под которыми понимаются предприятия, которые не являются кредитными организациями или инвестиционными фирмами, деятельность которых заключается главным образом в приобретении долей участия или в осуществлении одного или более видов деятельности, указанных в прил. № 1 к Директиве № 2013/36/ EU от 26 июня 2013 г. [10] (за исключением привлечения депозитов (вкладов) и других средств на возвратной основе от неограниченного круга лиц, услуг по оценке кредитоспособности клиентов и предоставлению в аренду сейфов для хране-

ния) (ч. 1 ст. 4 (26) Регламента № 575/2013).

Наднациональное регулирование деятельности финансовых организаций также осуществляется, но в гораздо ограниченном объеме, чем деятельность кредитных организаций. Как правило, деятельность финансовых организаций подпадает в сферу действия наднационального права ЕС в случае, если финансовая организация является дочерней структурой кредитной организации и(или) способна оказать значительное влияние на стабильность национальных финансово-кредитных систем государств-членов ЕС или финансово-кредитных систем ЕС в целом.

Представляется, что подход, избранный государствами – членами ЕС, является разумным, соответствует таким принципам правового регулирования, как принцип пропорциональности и экономической целесообразности, поскольку: во-первых, позволяет на наднациональном уровне урегулировать деятельность субъектов, осуществляющих наиболее критические для банковского сектора банковские операции (привлечение денежных средств во вклады и размещение привлеченных денежных средств в качестве кредитов); во-вторых, в отношении субъектов, осуществляющих иные операции, которые по законодательству отдельных государств – членов отнесены к банковским, наднациональные механизмы используются только в случае, когда это действительно необходимо с точки зрения наднациональных интересов и целей пруденциального регулирования.

Библиографические ссылки

1. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс]: [подписан в г. Астане 29.05.2014 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

2. О плане мероприятий по гармонизации законодательства государств – членов Евразийского экономического союза в сфере финансового рынка [Электронный ресурс]: Распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии № 27, совершено 23 ноябр. 2020 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

3. Соглашение об обмене информацией, в том числе конфиденциальной, в финансовой сфере в целях создания условий на финансовых рынках для обеспечения свободного движения капитала [Электронный ресурс]: заключено 23 дек. 2014 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

4. Консультативное заключение от 10 июля 2020 г. по делу по заявлению Российской Федерации в лице Министерства юстиции о разъяснении подп. 4 п. 2 ст. 67 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г., п. 62 Протокола о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций, являющегося приложением № 16 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г., п. 3 и 15 Протокола по финансовым услугам, являющегося приложением № 17 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

5. Томкович, Р.Р. Особенности правового статуса банков в государствах – участниках ЕврАзЭС [Электронный ресурс] / Р.Р. Томкович // Пром.-торговое право. – 2012. – № 6 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023..

6. Ефимова, Л.Г. Банковское право. Банковская система Российской Федерации: в 2 т.

[Электронный ресурс] / Л.Г. Ефимова. – М.: Статут, 2010. – Т. 1 // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». – М., 2023.

7. Regulation (EU) N 575/2013 of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 on prudential requirements for credit institutions and investment firms and amending Regulation (EU) N 648/2012 [Electronic resource] // Access to the European Union Law. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32013R0575>. – Date of access: 01.01.2023.

8. Банковский надзор. Европейский опыт и российская практика: пособие: пер. с англ. / под ред. М. Олсена. – С. 48 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ecb.europa.eu/press/pr/date/2005/html/bankingsuperviseurussia2005ru.pdf>. – Дата доступа: 01.01.2023.

9. Padoa-Schioppa, T. Regulating Finance. Balancing Freedom and Risk / T. Padoa-Schioppa. – Oxford: Oxford Scholarship Online, 2004. – 423 p.

10. Directive 2013/36/EU of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 on access to the activity of credit institutions and the prudential supervision of credit institutions and investment firms, amending Directive 2002/87/EC and repealing Directives 2006/48/EC and 2006/49/EC [Electronic resource] // Access to the European Union Law. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32013L0036>. – Date of access: 01.01.2023.

ЕВРАЗИЙСКИЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ТОВАРОВ (РАБОТ, УСЛУГ): ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Т.А. Горупа,
*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина,
бул. Космонавтов 21, 224016, г. Брест, Беларусь, gorupa.brsu@mail.ru*

В статье автор поднимает проблему целесообразности разработки отдельных евразийских региональных стандартов в сфере защиты прав потребителей. В заключении автор приходит к выводу о необходимости принятия международного договора в рамках ЕАЭС, в котором будут определены как общие принципы защиты прав потребителей в ЕАЭС, так и специальные принципы защиты прав потребителей в отдельных сферах потребления. Объектом исследования являются общественные отношения, урегулированные нормами права ЕАЭС, в сфере защиты прав потребителей. Целью исследования является уяснение понятия и содержания региональных стандартов по защите прав потребителей в ЕАЭС. Практическая ценность исследования состоит в выработке предложений по совершенствованию законодательства ЕАЭС.

Ключевые слова: защита прав потребителей, региональные стандарты, региональная интеграция, право ЕАЭС, общий рынок ЕАЭС.

Социально-экономические права человека, их реализация и защита в виду появления новых вызовов и угроз, как никогда становятся актуальными. Человек, потребляющий товары (работы, услуги), находится в невыгодном положении не только как слабый субъект рыночной экономики, но и как гражданин, проживающий в государстве, к которому применяется санкционная политика со стороны других государств. В этой ситуации сейчас находятся белорусские и российские потребители, которые нуждаются в гарантиях реализации и защиты своих прав как на уровне государства, так и на уровне общего рынка ЕАЭС, где многие проблемы могут быть государствами – членами совместно весьма успешно разрешены. Ведь потребитель – это конечное звено производственного цикла товаров (работ, услуг), именно он позволяет производственной цепочке возобновляться и производить новые товары (работы, услуги). Поэтому от возможности потребителя приобрести те либо иные товары, в особенности первой необходимости (продукты питания, вода, лекарства и другие медицинские товары), зависит и экономическая безопасность государства, общества и даже всего регионального интеграционного образования, так как именно в интеграционных союзах наблюдается сильное взаимопроникновение производственных процессов. Более того, современные потребители евразийского пространства приобретают товары, туристические и образовательные услуги не только в государстве проживания, но и в других государствах – членах, что обуславливает потребность выработки общих подходов к их правовому статусу, а так же определения целесообразности установления собственных региональных стандартов реализации и защиты их прав.

Используя методологию проведения научного исследования в сфере юриспруденции, базирующегося на применении как общенаучных подходов (анализ и синтез, системность, комплексность и др.), так и частнонаучных методов (формально-юридический, системного толкования правовых норм, правового моделирования), будут проведены теоретические исследования источниковой базы, выявлены проблемы и предложена модель их решения, в конце исследования будут сформулированы научные выводы.

Проблемы защиты прав человека на региональном уровне активно исследуются такими учеными, как Зыбайло А.И. [1], Мхитрян А.С. [3], Сердюк А.Л. и Керопян Е.Г. [6] и др.

Защита прав потребителей на региональном уровне на постсоветском пространстве исследуется через призму проблем отдельных российских регионов (Коннова А.В. [2], Федоров А.Г. и Кокин Е.И. [7], Павельев И.И. и Соляник А.И. [4]). Научные публикации по вопросам необходимости разработки региональных стандартов защиты прав потребителей товаров (работ, услуг) на евразийском пространстве в настоящее время отсутствуют. Более того, эта проблема весьма дискуссионная. С одной стороны, уже имеются международные стандарты защиты прав потребителей, которые представлены Руководящими принципами по защите интересов потребителей 1985 года, утвержденные Резолюцией ООН и пересмотренные в 2015 году, являющиеся бесспорным образцом как для любой региональной, так и национальной систем защиты прав потребителей. Руководящие принципы устанавливают своего рода критерии эффективности национального законодательства и правоприменительной практики в сфере защиты прав потребителей. С другой стороны, евразийский регион объединяет правовые системы и традиции европейской и азиатской части континента с разным уровнем экономического развития, понимания добросовестной деловой практики, использования потребителями финансовых инструментов и проведения просветительской работы.

По мнению доктора юридических наук, профессора М.А. Сарсембаева, с которым мы полностью согласны, «преимущество региональных стандартов перед универсальными заключается в том, что единые ценности и аналогичность правовых укладов стран региона позволяет им более активно вести работу по унификации законодательств посредством заключения региональных соглашений, которые по сравнению с универсальными соглашениями являются более содержательными и регулятивными» [5, с. 13].

На наш взгляд, евразийские региональные стандарты по защите прав потребителей в самом широком смысле представляют собой определенный перечень основополагающих принципов, с учетом которых должна строиться система законодательства ЕАЭС и государств – членов.

В настоящее время стандарты защиты этой группы прав человека устанавливают соответствующие нормативные правовые акты – для региональных образований это так называемые акты первичного права (учредительные акты интеграционных образований и международные договоры в рамках региона и с третьими сторонами) и вторичного права (акты наднациональных органов интеграционных образований).

Проанализируем акты первичного и вторичного права ЕАЭС, которые за-

ложили фундамент всей политики защиты прав потребителей в рамках ЕАЭС.

Раздел XII Договора о ЕАЭС «Защита прав потребителей» закрепляет два важных момента: во-первых, это определение цели согласованной политики государств – членов в сфере защиты прав потребителей, направленной на «формирование равных условий для граждан государств – членов по защите их интересов от недобросовестной деятельности хозяйствующих субъектов» (п.1 ст. 61 Договора о ЕАЭС); во-вторых, это предоставление гражданам государства – члена, находящихся на территориях других государств – членов, правовой защиты в области защиты прав потребителей аналогичной, что и для граждан этих государств, включая право обращаться в государственные и общественные организации, суды и «осуществлять иные процессуальные действия на тех же условиях, что и граждане этих других государств – членов» (п.2 ст. 60 Договора о ЕАЭС).

Таким образом, в ЕАЭС правовая основа защиты прав потребителей базируется на двух общепризнанных международно–правовых принципах равенства и недискриминации, что является важным фактором построения эффективного внутреннего рынка.

Принципы реализации согласованной политики в сфере защиты прав потребителей определяются, согласно п. 2 ст. 61 Договора о ЕАЭС в одноименном Протоколе №13, являющегося Приложением к нему. Данный Протокол прямо не перечисляет данные принципы, однако используя научную методологию проведения юридических исследований, можно выделить следующие принципы данной политики, которые можно сгруппировать в зависимости от уровня их реализации:

Принципы, реализуемые на уровне ЕАЭС: эффективность институциональной системы ЕАЭС по вопросам защиты прав потребителей; сотрудничество и взаимодействие уполномоченных органов в сфере защиты прав потребителей государств–членов; обмен информацией в сфере защиты прав потребителей между государствами–членами; участие общественных объединений потребителей в формировании и реализации согласованной политики в сфере защиты прав потребителей в ЕАЭС; сближение законодательства государств–членов.

Принципы, реализуемые на уровне государств–членов: надлежащая обеспеченность права потребителей на информацию о товарах (работах, услугах), изготовителях (продавцах, исполнителях); предотвращение деятельности недобросовестных хозяйствующих субъектов на потребительском рынке; свобода выбора товаров (работ, услуг); доступ потребителей государств–членов к юридической помощи; просвещение в области защиты прав потребителей, в том числе пропаганда и разъяснение законодательства в данной области; способствование деятельности независимых общественных объединений потребителей в государствах–членах.

В целом каждый принцип отражает основополагающие идеи политики защиты прав потребителей в ЕАЭС. Причем реализация принципов первой группы требует от институтов ЕАЭС достаточной компетенции, а второй группы – достижения согласованной позиции государств–членов.

Стоит упомянуть о принятии в ЕАЭС такого важного акта, как Реше-

ние Высшего Евразийского Экономического Совета от 11 декабря 2020 г. № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года», которое определило планы Союза в сфере защиты прав потребителей: разработка программы совместных действий государств–членов по защите прав потребителей и обеспечению качества товаров и услуг; выработка общих критериев добросовестной деловой практики и дальнейшая гармонизация законодательства государств – членов в сфере защиты прав потребителей на основе рекомендаций Комиссии. Данный документ фактически впервые на уровне Союза прозрачно и четко закрепил приоритеты потребительской политики в рамках экономического интеграционного образования. И государствам–членам ЕАЭС так же определен вектор дальнейшего развития в регионе.

Другие акты права Союза – «Соглашение о гармонизации законодательства государств–членов Евразийского экономического союза в сфере финансового рынка» от 6 ноября 2018 года и Распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии от 23 ноября 2020 г. № 27 «О плане мероприятий по гармонизации законодательства государств – членов Евразийского экономического союза в сфере финансового рынка», с одной стороны, определили приоритетной для ЕАЭС гармонизацию требований по защите прав и интересов потребителей финансовых услуг, с другой стороны, они закрепили области, где будут выработаны региональные стандарты финансовых услуг – это защита прав потребителей банковских, страховых услуг и услуг на рынке ценных бумаг.

И еще одно направление весьма значимое для становления общего рынка товаров в ЕАЭС и одновременно обеспечения защиты прав потребителей – это защита прав потребителей на безопасность товаров (работ, услуг). На территории ЕАЭС технические регламенты имеют прямое действие и применяются исключительно в целях защиты жизни и здоровья человека, имущества, окружающей среды, жизни и здоровья животных и растений, предупреждения действий, вводящих в заблуждение потребителей, а также в целях обеспечения энергетической эффективности и ресурсосбережения. Решением Коллегии Евразийской экономической Комиссии от 2 апреля 2019 г. № 52 «О перечне технических регламентов Евразийского экономического союза (технических регламентов Таможенного союза)» определены более 40 технических регламентов (для потребителей весьма значимы такие, как «О безопасности инфраструктуры железнодорожного транспорта», «О безопасности упаковки», «О безопасности продукции, предназначенной для детей и подростков», «О безопасности игрушек» и т.д.).

Работа по принятию технических регламентов продолжается, поэтому в целях урегулирования обращения продукции, для которой отсутствуют регламенты, 3 февраля 2020 г. было принято «Соглашение о порядке обращения в рамках ЕАЭС продукции, требования к которой не установлены техническими регламентами и правилах обеспечения такой продукции».

Среди актов вторичного права ЕАЭС следует указать на рекомендации ЕЭК (О принципах и критериях добросовестной деловой практики в отношении потребителей в сфере розничной торговли товарами от 12.01.2021 №1; Об осуществлении информационного взаимодействия между уполномоченны-

ми органами государств – членов и Комиссией по вопросам защиты прав потребителей от 15.09.2020 № 14; Об Общих подходах к установлению особых мер защиты прав и интересов отдельных категорий потребителей от 21.05.2019 № 15; О применении мер, направленных на повышение эффективности взаимодействия уполномоченных органов в сфере защиты прав потребителей государств – членов ЕАЭС от 22 марта 2016 г. №2; Об Общих подходах к проведению государствами – членами согласованной политики в сфере защиты прав потребителей при реализации товаров (работ, услуг) дистанционным способом от 21 ноября 2017 г. № 27 и др.), которые имеют лишь рекомендательный характер для государств–членов, поэтому могут быть и не реализованы вовсе на уровне государств–членов.

Однако закономерно встает вопрос – могут ли рекомендации Комиссии быть региональными стандартами в области защиты прав потребителей? На наш взгляд, ответ должен быть утвердительным. Если проанализировать, к примеру, Рекомендации Коллегии ЕЭК «О принципах и критериях добросовестной деловой практики в отношении потребителей в сфере розничной торговли товарами» от 12.01.2021 № 1 можно увидеть, что критерии добросовестной деловой практики основываются на десяти основополагающих идеях, которые по своей сути и могут быть региональными стандартами деловой практики в розничной торговле (разумности, которая основывается на балансе интересов сторон договора; справедливости, предполагающей равное, беспристрастное, недискриминационное и честное обслуживание потребителей; прозрачности предоставляемой информации потребителю; минимизация рисков причинения вреда потребителю; недопустимость использования продавцом преимуществ перед потребителем; конфиденциальность и защита персональных данных потребителя; беспрепятственная реализация гражданских прав потребителей и их защита; ответственность продавца; обеспечение прав потребителей электронной торговли не ниже, чем для других форм торговли; законность, то есть обязательство продавцов соблюдать законодательство государств – членов). Вышеназванные рекомендации образуют по своей сути группу добровольных стандартов в сфере защиты прав потребителей.

Таким образом, евразийские региональные стандарты защиты прав потребителей товаров (работ, услуг) имеют правовую основу и содержатся в актах первичного и вторичного права ЕАЭС, однако системно они не изложены, и мы можем фактически их определить только после проделанного системного анализа права ЕАЭС. Вместе с тем человек, потребляющий товары (работы, услуги) в рамках общего рынка ЕАЭС, находится в специфическом положении, так как он заключает трансграничные сделки и не может защищать свои права точно так как национальные потребители. Потребители ЕАЭС, на наш взгляд, нуждаются в едином нормативном документе, в котором были бы системно изложены Руководящие принципы для защиты прав потребителей, которые бы и являлись евразийскими стандартами в этой области. Представляется, что государства–члены должны заключить специальный международный договор, который бы закрепил его цели (потребитель как главный субъект общего рынка, развитие конкуренции и справедливое распределение материальных благ, ра-

ционализация потребления и т.д.), определил бы общие принципы защиты основных прав потребителей в ЕАЭС (на информацию, на безопасность и качество, на просвещение, свободу выбора, на возмещение вреда, причиненного товарами (работами, услугами), общественную и государственную защиту) и принципы защиты прав потребителей в отдельных сферах потребления (торговля, в том числе электронная, туризм, образование, коммунальные услуги, финансовые услуги).

В ЕАЭС правовая основа защиты прав потребителей базируется на двух общепризнанных международно-правовых принципах равенства и недискриминации. Данные принципы лежат в основе проведения в ЕАЭС согласованной политики в этой сфере, что предполагает гармонизацию правового регулирования в сфере защиты прав потребителей в такой степени, которая необходима для достижения целей Союза, то есть для построения общего рынка на началах свободы передвижения товаров, услуг, капиталов и работников. Именно в данном Союзе как интеграционном образовании на постсоветском пространстве защита прав потребителей достигла наибольшей степени гармонизации, хотя это и несопоставимо по масштабам гармонизации этой сферы в ЕС.

Региональные евразийские стандарты защиты прав потребителей в широком смысле как руководящие принципы для создания эффективного наднационального законодательства ЕАЭС и национального государств–членов определяются в настоящее время актами первичного (Договор о ЕАЭС; Соглашение о гармонизации законодательства государств – членов Евразийского экономического союза в сфере финансового рынка; Соглашение о порядке обращения в рамках ЕАЭС продукции, требования к которой не установлены техническими регламентами и правилах обеспечения такой продукции и др.) и вторичного права Союза (рекомендации ЕЭК, имеющих рекомендательный характер). При этом перечень таких стандартов может быть выявлен только после проведения специального юридического исследования, многие из них требуют конкретизации и выработки специальных принципов по их реализации.

Разработка собственных руководящих принципов для защиты прав и интересов потребителей в ЕАЭС остается вопросом дискуссионным, требующим предварительного комплексного глубокого научного исследования. Вместе с тем ЕАЭС и его государства–члены нуждаются в выработке четких критериев создания эффективного законодательства по защите прав потребителей в рамках общего рынка ЕАЭС, изложенных последовательно и системно в одном акте Союза, возможно в специальном международном договоре.

Статья подготовлена в рамках НИР «Теоретико–методологические основы защиты прав потребителей товаров (работ, услуг) в механизме правового обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь в условиях региональной интеграции и цифровизации» (номер госрегистрации 20211412) при финансовой поддержке Министерства образования Республики Беларусь.

Библиографические ссылки

1. Зыбайло, А.И. Международная защита прав человека (региональный уровень). //Права человека: учеб. пособие / С. А. Балашенко [и др.] ; научн. ред.: С. А. Балашенко, Е. А.

Дейкало. – Минск: Юнипак, 2015. – С. 42–55.

2. Коннова, А. В. Региональная система защиты прав потребителей и опыт ее реализации в муниципальном образовании "Борисовский район" Белгородской области / А. В. Коннова // Международная научно-техническая конференция молодых ученых БГТУ им. В.Г. Шухова, Белгород, 01–30 мая 2015 года / Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, 2015. – С. 3801–3805.

3. Мхитрян, А.С. Международный механизм защиты прав человека на региональном уровне/ А. С. Мхитарян, Л.. Мхитарян // Вестник Прикамского социального института. – 2017. – № 3 (78). – С. 40–46.

4. Павельев, И. И. Защита прав потребителей: региональные проблемы / И. И. Павельев, А. И. Соляник // Стандарты и качество. – 2018. – № 3. – С. 64–67.

5. Сарсембаев, М. А. Международные стандарты защиты прав человека и их имплементация в судебных решениях/ М.А. Сарсембаев. – Астана, ТОО «Жаркын Ко» – 2016. – 142 с.

6. Сердюк А.Л. Проблемы и перспективы формирования региональной системы защиты прав человека в пространстве СНГ/ А.Л.Сердюк, Е.Г.Керопян //Право и государство: теория и практика. –2022. –№ 2 (206). – С. 279–281.

7. Федоров, А. Г. Практика реализации государственной политики о защите прав потребителей в субъектах Российской Федерации (на примере Калужской области) / А. Г. Федоров, Е. И. Кокин // European research: Сборник статей XII Международной научно-практической конференции, Пенза, 07 октября 2017 года. – Пенза: "Наука и Просвещение" (ИП Гуляев Г.Ю.), 2017. – С. 184–188.

ОСОБЫЕ МНЕНИЯ СУДЕЙ СУДА ЕАЭС И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЕДИНООБРАЗНОГО ПРИМЕНЕНИЯ ПРАВА СОЮЗА

Ю. А. Лепешков,

*к. ю. н., доцент, доцент кафедры евразийских исследований,
Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lepehkovy@mail.ru*

Настоящая статья является продолжением цикла научных работ автора, затрагивающих проблематику особых мнений судей международных судов, и посвящена исследованию правовой регламентации, а также практики применения данного института в Суде ЕАЭС. Проанализировано использование особых мнений судьями названного органа международной юстиции в ходе рассмотрения различных категорий дел (по спорам, о разъяснении), а также при принятии разных судебных актов (решений, консультативных заключений, постановлений). Акцентируется внимание на чрезмерном, по мнению автора статьи, увлечении судьями Суда ЕАЭС заявлением особых мнений, а также, что вызывает серьезную озабоченность, отсутствии в целом ряде случаев необходимых для этого правовых оснований. По итогам проведенного исследования сделан вывод о преимущественно негативном влиянии рассматриваемой правовой конструкции, а также существующей практики ее использования в Суде ЕАЭС на обеспечение единообразного применения права Союза и сформулированы предложения, направленные на исправление сложившейся ситуации.

Ключевые слова: международное правосудие; международные суды; Суд ЕАЭС; особое мнение; право ЕАЭС.

Проблематика особых мнений судей международных судов уже достаточно давно обратила на себя взгляды как ученых-правоведов, так и практикующих юристов, высказывающих разные, а порой и диаметрально противоположные точки зрения относительно необходимости и полезности данной правовой конструкции для международной юстиции. В числе наиболее интересных и заслуживающих внимания научных работ по этому вопросу можно отметить труды Р. Ананда [14], Ф. Брюнсмса [15], Е. Дамболда [16], А. С. Исполинова [2-3], О. А. Крапивкиной [5], Дж. Лаффранк [19], П. В. Крутихиной [6], Х. Мистри [20], Т. Н. Нешатаевой [9], А. С. Смбастьян [11], П. Ю. Ултургашева [13], Э. Хамбро [17], И. Хуссейна [18]. В свою очередь, несмотря на сравнительную «молодость» Суда ЕАЭС, чрезвычайно активная практика заявления его судьями особых мнений поспособствовала появлению немалого количества публикаций, посвященных использованию рассматриваемого правового института в рамках названного судебного органа [1; 4; 10; 12]. Именно вышеуказанные научные труды в совокупности с опубликованными ранее релевантными работами автора [7-8] послужили доктринальной основой при подготовке настоящей статьи, цель которой – проанализировать правовую регламентацию и практику применения особых мнений судей Суда ЕАЭС, а также влияние последней на обеспечение единообразного применения права Союза. Что касается нормативной базы исследования, ее составили Договор о ЕАЭС (далее – Договор), включая его неотъемлемую часть – Статут Суда Союза (далее – Статут), Регламент данного судебного органа, а также процессуальные документы ряда иных международных «интеграционных» судов.

Методы и организация исследования. Институт особых мнений судей получил весьма широкое распространение в сфере международной юстиции и на сегодняшний день «оформил прописку» в статутных положениях и/или нормах регламентов многих международных судов, как универсальных, так и региональных, как общей, так и специальной компетенции. Он также предусматривался учредительными либо процессуальными документами ряда органов международного правосудия, которые функционировали в прошлом. Однако неправильным было бы утверждать, что это нечто общепринятое и, тем более, общепризнанное. В частности, можно привести немало примеров отсутствия нормативного закрепления особых мнений в процедурах принятия решений тех или иных международных судов (см. табл. 1).

Таблица 1 – Особые мнения в международных судах

Предусмотрены:	Не предусмотрены:
Постоянная палата международного правосудия (1920-1946) Международный Суд ООН Международный уголовный суд Международный трибунал по бывшей Югославии (1993-2017) Международный трибунал по Руанде (1994-2015) Международный трибунал по морскому праву Европейский суд по правам человека Межамериканский суд по правам человека Африканский суд по правам человека и народов Суд Восточноафриканского сообщества Суд ЕАЭС Экономический Суд СНГ и др.	Центральноамериканский суд (1907-1918) Суд Европейского союза Суд Европейской ассоциации свободной торговли Суд Союза БЕНИЛЮКС Суд Карибского сообщества Трибунал Андского сообщества Постоянный ревизионный суд МЕРКОСУР Суд Экономического сообщества стран Западной Африки Суд Общего рынка стран Восточной и Южной Африки и др.

Как нетрудно заметить, судам региональных интеграционных объединений (организаций) за редким исключением (Суд Восточноафриканского сообщества, Суд ЕАЭС, Экономический Суд СНГ) не свойственна рассматриваемая правовая конструкция. И это вполне объяснимо, ибо их главная задача – обеспечение единообразного толкования и применения правовых норм, созданных и функционирующих в рамках таких межгосударственных объединений (организаций). Естественно, что при появлении в ходе принятия судебного акта особого мнения (а иногда и нескольких), свидетельствующего о несогласии заявившего его судьи (судей) полностью либо частично с решением, принятым большинством голосов членов коллегиального судебного органа, ни о каком единообразии в позиции последнего говорить не приходится. В этой связи в некоторых «интеграционных» судах реализация формально закрепленного права судьи на особое мнение тем или иным образом ограничена. Так, в соответствии с п. 86 и 147 Регламента Экономического Суда СНГ, судья может заявить осо-

бое мнение только при его несогласии с решением, принятым по результатам рассмотрения дела по существу, которое к тому же не подлежит разглашению. Согласно п. 79 Правил процедуры Суда Восточноафриканского сообщества, судья, не согласившийся с принятым коллегиально решением, может не подписывать его и вправе представить в письменном виде свое особое мнение, которое скрепляется печатью суда, приобщается к материалам дела, однако не придается огласке.

Вместе с тем тот факт, что создатели большинства региональных «интеграционных» судов все же пошли по пути исключения особых мнений из модели принятия судебных актов, совершенно не свидетельствует о какой-то ущербности данного правового института, не говорит о том, что его недостатки существенно превосходят имеющиеся достоинства. Как представляется, и тех, и других там вполне сопоставимое количество, а среди наиболее часто приводимых аргументов «за» и «против» особых мнений можно отметить следующие (см. табл. 2):

Таблица 2 – Особые мнения судей: плюсы и минусы

Плюсы:	Минусы:
• повышение качества аргументации и стилистики выносимого коллегиально решения; • более ответственное отношение судей к принимаемым судебным актам; • исправление судебных ошибок и избежание их в будущем; • рост доверия участников процесса (сторон спора) к суду; • активизация судебного диалога, а также расширение контактов судей с научно-экспертным сообществом; • содействие демократизации судебной системы и повышение правосознания общества; • благотворное влияние на развитие международного права и повышение авторитета международной юстиции и др.	• умаление авторитета (веса, престижа, легитимности) судебного органа и, как следствие, принимаемых им решений; • снижение доверия к суду; • ослабление единства и сплоченности судебного корпуса; • утрата судебным решением должной убедительности и статуса «единственно верного»; • потенциальная угроза независимости судей, исходящая от сторон спора либо стран, выдвинувших судей на этот пост; • перегрузка судов документацией, не имеющей правовых последствий; • угроза коллегиальности и конфиденциальности обсуждения выносимого решения (тайны совещательной комнаты) и др.

ЕАЭС, будучи «международной организацией региональной экономической интеграции» (п. 2 ст. 1 Договора), располагает собственными правовой системой (т.н. право Союза) и институциональной структурой. В первую из упомянутых наряду с Договором входят международные договоры в рамках ЕАЭС, международные договоры Союза с третьей стороной, а также решения и распоряжения органов ЕАЭС (п. 1 ст. 6 Договора). Для достижения целей интеграции право Союза должно единообразно применяться государствами-членами и органами ЕАЭС, и это единообразие призван обеспечивать Суд – один из двух постоянно действующих органов Союза (п. 1 ст. 19 Договора, п. 2 ст. 1 Статута), уполномоченный разрешать споры, возникающие в ходе реализации выше-

указанных правовых актов, а также осуществлять разъяснение их положений на основании адресуемых ему запросов.

В соответствии с положениями Статута по результатам рассмотрения спора Суд принимает решение, являющееся обязательным для исполнения (п. 96, 99-100), по заявлению о разъяснении – консультативное заключение, носящее рекомендательный характер (п. 98), по процедурным вопросам деятельности – постановление (п. 95). Данный перечень судебных актов является исчерпывающим, а механизм их принятия четко определен Регламентом. В частности, актам Суда посвящена глава IX этого документа, большинство статей которой касаются решений по спорам, а именно порядка вынесения, оглашения, направления копий и общих требований к ним, вступления в силу, статуса и разъяснения решений, а также формулирования к ним особых мнений. В отношении последних ст. 79 Регламента устанавливает, что при несогласии с решением Суда или его отдельными положениями судья вправе заявить особое мнение при вынесении решения и в течение 5 календарных дней со дня оглашения решения обязан представить его в письменной форме для приобщения к материалам дела и опубликования. Решение подписывается всеми судьями, участвовавшими в его вынесении, в том числе имеющими особое мнение (п. 6 ст. 78), а Суд информирует при оглашении решения о наличии особого мнения (п. 1 ст. 80) и в случае приобщения к материалам дела направляет его копию сторонам, а также заинтересованным участникам спора (п. 3 ст. 80).

Анализ информации, размещенной на официальном интернет-сайте Суда ЕАЭС (<https://courteurasian.org>) и касающейся особых мнений, свидетельствует, как уже было отмечено выше, о весьма интенсивной практике использования данной правовой конструкции судьями названного судебного органа. Вот лишь некоторые цифры и факты, наглядно это подтверждающие:

на 70 дел, рассмотренных за 8 лет функционирования Суда, приходится 81 особое мнение судей (в среднем – 10 ежегодно);

динамика заявления особых мнений по годам: 2015 – 1, 2016 – 3, 2017 – 13, 2018 – 7, 2019 – 12, 2020 – 17, 2021 – 17, 2022 – 11;

на 45 рассмотренных дел о разрешении споров приходится 49 особых мнений; на 25 рассмотренных дел о разъяснении приходится 32 особых мнения;

28 особых мнений заявлены в отношении принятых Судом консультативных заключений и 11 – в отношении постановлений;

трижды на 5 судей, входивших в состав коллегий, а также Апелляционной палаты, принявших решения по делам о разрешении споров, пришлось по 3 особым мнения (дела ЗАО «Транс Логистик Консалт» (2020 г.), ООО «ДХЛ Глобал Форвардинг (2021 г.)», ЗАО «Санofi-Авентис Восток» (2019 г.));

в 2017 г. на 10 судей Большой коллегии, вынесшей решение по делу о разрешении спора, пришлось 5 особых мнений (российско-белорусский спор о соблюдении Республикой Беларусь Договора о ЕАЭС, Таможенного кодекса Таможенного союза и Соглашения о взаимной административной помощи таможенных органов государств-членов Таможенного союза);

судьи-рекордсмены по заявленным особым мнениям: Т. Н. Нешатаева (Россия) – 23; К. Л. Чайка (Россия) – 21.

О чем говорит приведенная выше и, как представляется, весьма красноречивая статистика? Во-первых, о том, что некоторые судьи Суда ЕАЭС, на наш взгляд, чрезмерно увлеклись особыми мнениями и, возможно, слегка запямятовали, ради чего был создан этот судебный орган. Во-вторых, обращает на себя внимание отсутствие в целом ряде случаев необходимых для использования данной юридической конструкции правовых оснований, а именно норм Регламента, допускающих заявление особых мнений к консультативным заключениям и постановлениям. Попытки практикующих это судей расширительно трактовать термин «решение Суда», распространяя его на иные отмеченные выше судебные акты, как, впрочем, и обосновать свое право на заявление особых мнений к принимаемым Судом постановлениям взаимосвязанным прочтением п. 1 ст. 79 и абзаца третьего п. 2 ст. 84 Регламента, по нашему мнению, безосновательны. Стоит заметить, что, например, Регламент предшественника Суда ЕАЭС – Суда ЕврАзЭС – предусматривал возможность заявления судьями особых мнений как к принимаемым им решениям, так и консультативным заключениям (п. 1 ст. 42). Однако в Суде ЕАЭС эта опция отсутствует.

Институт особого мнения судьи не получил широкого распространения в сфере международного «интеграционного» правосудия во многом, если не в первую очередь, по причине того, что вряд ли способен содействовать обеспечению единообразного применения и толкования т.н. «интеграционного» права. При этом рассматриваемая правовая конструкция имеет как свои достоинства, так и недостатки, как активных сторонников ее использования в сфере международного правосудия, так и ярых противников. Однако даже в тех судах, где особые мнения предусмотрены, крайне важным является их взвешенное (вдумчивое, разумное, осторожное, осмысленное) применение.

Суд ЕАЭС – один из немногочисленных примеров региональных «интеграционных» судов, где не только предусмотрен, но и активно применяется рассматриваемый институт. Однако рекордная статистика заявления особых мнений судьями данного судебного органа свидетельствует, скорее, о злоупотреблении ими этой правовой конструкцией, нежели о каком-то позитиве в работе Суда, и явно не способствует достижению цели его деятельности. При этом значительное беспокойство вызывает практика заявления отдельными судьями особых мнений к таким судебным актам, как консультативные заключения и постановления, идущая вразрез с нормами Регламента, предусматривающими возможность их формулирования лишь в отношении решений, принимаемых Судом по результатам рассмотрения споров. Данное ограничение судьи либо игнорируют, либо пытаются обосновать свое право на заявление особых мнений к иным, помимо решений, судебным актам явно расширительным, на наш взгляд, толкованием норм Регламента.

С целью совершенствования деятельности Суда ЕАЭС и в интересах реального практического обеспечения единообразного применения государствами-членами, а также органами Союза права ЕАЭС видится актуальным проведение в рамках Союза широкого экспертного обсуждения вопроса о целесообразности дальнейшего использования в Суде института особого мнения судьи с участием представителей всех заинтересованных стран ЕАЭС. В случае приня-

тия решения о его сохранении считаем важным, во-первых, акцентировать внимание судей на необходимости строгого следования нормам Регламента при формулировании ими особых мнений и, во-вторых, дополнить меру «Повышение эффективности судебной системы Союза» (п. 9.2 Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года, утвержденных решением высшего органа ЕАЭС № 12 от 11.12.2020 г.) новым пунктом 9.2.4, предусматривающим проработку вопросов, касающихся совершенствования механизма заявления судьями Суда Союза особых мнений. При этом в качестве потенциальных направлений возможной оптимизации предлагаем для обсуждения следующие: 1) ограничение права судьи заявлять особое мнение исключительно ситуациями, когда имеет место его несогласие с решением, принятым по результатам рассмотрения спора по существу (т.е. целиком); 2) невозможность вынесения Судом решения по спору (и, соответственно, необходимость продолжения его выработки (согласования)) при наличии особых мнений, заявленных судьями, составляющими 50 и более процентов от численного состава Коллегии, Большой коллегии, Апелляционной палаты; 3) запрет разглашения (опубликования) особых мнений.

Библиографические ссылки

1. Ажибраимова, А. М. Особое мнение судьи Суда Евразийского экономического союза: сравнительно-правовой анализ / А. М. Ажибраимова, О. А. Резванова // Юстиция Беларуси. – 2018. – № 6. – С. 16-22.
2. Исполинов, А. С. Особые мнения в международных судах: доктрина и практика / А. С. Исполинов // Право. Журн. Высш. школы экономики. – 2018. – № 1. – С. 218-233.
3. Исполинов, А. С. Особые мнения в международных судах: «за» и «против» / А. С. Исполинов // Портал Zakon.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2018/2/5/osobyie_mneniya_v_mezhdunarodnyh_sudah_za_i_protiv#comment_455813. – Дата доступа: 30.01.2023.
4. Исполинов, А. С. Палка о двух концах: особые мнения в Суде ЕАЭС / А. С. Исполинов // Портал «Закон.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2018/1/22/palka_o_dvuh_koncah_osobyie_mneniya_v_sude_eaes. – Дата доступа: 30.01.2023.
5. Крапивкина, О. А. Особое мнение судьи vs. коллегиальное решение суда или индивидуализм vs. институционализм / О. А. Крапивкина // Вестн. Иркутского гос. тех. ун-та. – 2012. – № 2. – С. 231-236.
6. Крутихина, П. В. Особые мнения судей международных судов: сравнительный обзор / П. В. Крутихина // Неволинские чтения. Вопросы совершенствования высшего юридического образования на современном этапе: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. – Киров: Аверсплюс, 2017. – С. 356-363.
7. Лепешков, Ю.А. Об особом мнении судей международных судов / Ю. А. Лепешков // Беларусь в современном мире: материалы XVIII Междунар. науч. конф., посвящ. 98-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 30 окт. 2019 г. / редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. – Минск: БГУ, 2019. – С. 144-149.
8. Лепешков, Ю. А. Особые мнения судей судов региональных интеграционных объединений: современные тенденции / Ю. А. Лепешков // Актуальные вопросы международного права: теория и практика: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (г. Ташкент, 22 апр. 2022 г.) / редкол.: М. Рахимова [и др.]; Ун-т мировой экономики и дипломатии. – Ташкент: УМЭД, 2022. – С. 275-285.

9. Нешатаева, Т. Н. Особое мнение как точка равновесия между интернационализмом и этатизмом / Т. Н. Нешатаева // Рос. правосудие. – 2018. – № 11. – С. 68-84.
10. Сейтимова, В. Х. Институт особого мнения: диалектика интеграционных процессов в практике Суда Евразийского экономического союза / В. Х. Сейтимова // Евраз. юрид. журн. – 2018. – № 3. – С. 69-73.
11. Смбатян, А. С. Особые мнения судей и ВТО: упущенные возможности / А. С. Смбатян // Рос. внешнеэкономический вестн. – 2012. – № 5. – С. 78-84.
12. Толстых, В. Л. «Небесная» и «земная» жизнь Суда Евразийского экономического союза: обзор Решения Суда от 21.02.2017 по делу о соблюдении Белоруссией Договора о ЕАЭС / В. Л. Толстых // Междунар. правосудие. – 2017. – № 4. – С. 23-24.
13. Ултургашев, П. Ю. Особые мнения судей в сравнительно-правовом контексте / П. Ю. Ултургашев // Сравнительное конституционное обозрение. – 2013. – № 6. – С. 75-87.
14. Anand, R. P. The role of individual and dissenting opinions in international adjudication / R. P. Anand // The International and Comparative Law Quarterly. – 1965. – Vol. 14, № 3. – P. 788-808.
15. Bruinsma, F. Rules of law from Westport to Wladiwostok. Separate opinions in the European Court of Human Rights / F. Bruinsma, M. de Blois // Netherlands Quarterly of Human Rights. – 1997. – Vol. 15/2. – P. 175-186.
16. Dumbauld, E. Dissenting opinions in international adjudication / E. Dumbauld // University of Pennsylvania Law Review. – 1942. – Vol. 90, № 8. – P. 929-945.
17. Hambro, E. The case law of the International Court. Vol. III: Individual and Dissenting Opinions 1947-1958 / E. Hambro. – Leyden: A. W. Sythoff, 1963. In two Parts: A and B (in French and English). Pt. II. – 667 p.
18. Hussain, I. Dissenting and separate opinions at the World court / I. Hussain. – Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers, 1984. – 335 p.
19. Laffranque, J. Dissenting opinion and judicial independence / J. Laffranque // Juridica International. Law Review. University of Tartu. – 2003. – Vol. VIII. – P. 162-172.
20. Mistry, H. The paradox of dissent: judicial dissent and the projects of international criminal justice / H. Mistry // Journal of International Criminal Justice. – 2015. – Vol. 13. – P. 449-474.

ВНЕДРЕНИЕ ИНСТИТУТА ФИЛИАЛОВ ИНОСТРАННЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

А. Н. Мазулина
аспирант

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, anastasiya.mazulina@gmail.com*

В статье рассматриваются обязательства Республики Беларусь в рамках ЕАЭС в части возможности открытия филиалов юридических лиц государств – членов ЕАЭС на территории Республики Беларусь. Рассмотрена обоснованность классификации действующего регулирования в Республике Беларусь по данному вопросу как барьера на внутреннем рынке ЕАЭС. Кратко рассмотрено природа института иностранных филиалов с точки зрения способов поставки услуг. Проанализировано правовое регулирование открытия представительств иностранных юридических лиц в Республике Беларусь и подходы к его изменению. Выявлены противоречия в действующих обязательствах и изъятиях Республики Беларусь в ЕАЭС с проводимой работой по внедрению института филиалов иностранных юридических лиц. Даны рекомендации по дальнейшей работе в рамках реализации обновленных положений Гражданского кодекса Республики Беларусь.

Ключевые слова: ЕАЭС; торговля услугами; коммерческое присутствие; Гражданский кодекс Республики Беларусь; филиалы иностранных юридических лиц; представительства иностранных юридических лиц; барьеры.

На внутреннем рынке ЕАЭС в сфере торговли услугами по состоянию на 9 февраля 2023 г. квалифицированы 2 барьера, оба из которых относятся к Республике Беларусь.

Одним из таких нарушений Договора о ЕАЭС является отсутствие возможности открытия филиала юридического лица государства–члена Союза на территории Республики Беларусь [1].

Текущей редакцией Гражданского кодекса Республики Беларусь (статья 51¹) предусмотрена возможность открытия только представительств иностранных компаний на территории нашей страны (осуществляют вспомогательные и представительные функции без предпринимательской деятельности). Возможность учреждения филиалов иностранных юридических лиц белорусским законодательством не предусмотрена несмотря на то, что филиал является общепринятой разновидностью коммерческого присутствия на рынке и способом вложения инвестиций [2].

Генеральным соглашением о торговле услугами (ГАТС) ВТО предусмотрены 4 способа поставки услуг, которые зависят от места нахождения поставщика и потребителя услуг:

1 способ поставки – Трансграничная поставка (услуга поставляется с территории одной страны на территорию другой страны, когда потребитель и поставщик услуг находятся в разных странах в момент оказания услуги);

2 способ поставки – Потребление за рубежом (передвижение потребителя в страну, где предоставляется услуга);

3 способ поставки – Коммерческое присутствие (учреждение поставщиком услуги в стране оказания услуги компании, филиала или представительства);

4 способ поставки – Перемещение физических лиц (поставка поставщиком услуг одной страны посредством присутствия физических лиц на территории другой страны) [3, с. 17], [4].

Необходимо отметить, что из приведенных четырех способов поставки только три (1, 2 и 4) отражаются в стандартной статистике торговли услугами (по методологии платежного баланса). Тем не менее, по оценкам Секретариата ВТО именно на коммерческое присутствие (3 способ поставки) приходится основная доля мировой торговли услугами – 58,9 %, в то время как на 1, 2 и 4 способы поставки – по 27,7 %, 10,4 % и 2,9 % соответственно [5].

Институт филиалов иностранных юридических лиц широко используется членами ВТО. Анализ обязательств стран в ВТО по регламентации коммерческого присутствия свидетельствует, что запрет на открытие филиалов иностранных юридических лиц используется в отдельных секторах услуг, но не в качестве горизонтального ограничения, как это установлено в Республике Беларусь [6].

Региональные торговые соглашения в сфере услуг, которые базируются на праве ВТО, также исходят из международного подхода по разделению торговли услугами на 4 способа поставки. ЕАЭС в данном отношении не является исключением, поскольку в Протоколе о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций (Протокол; приложение № 16 к Договору о ЕАЭС) также предусмотрено аналогичное деление.

Так, подпунктом 24 пункта 6 Протокола предусмотрено, что такая форма учреждения, как филиал, используется для целей торговли услугами, а также производства товаров.

Кроме того, в соответствии с подпунктом 5 пункта 30 Протокола государства – члены ЕАЭС не вводят и не применяют в отношении лиц другого государства – члена в связи с торговлей услугами, учреждением и деятельностью ограничений, касающихся формы учреждения, в том числе организационно-правовой формы юридического лица [7].

В Приложении № 2 к данному Протоколу перечень сохраняемых Республикой Беларусь «горизонтальных» ограничений в отношении всех секторов и видов деятельности не содержит положений, ограничивающих возможность учреждения, в том числе посредством открытия филиала. Также Республика Беларусь не зарезервировала соответствующее изъятие в Решении Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 112 «Об утверждении индивидуальных национальных перечней ограничений, изъятий, дополнительных требований и условий в рамках Евразийского экономического союза для Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Российской Федерации» (Решение ВЕЭС № 112) [8].

Таким образом, в связи с нарушением двух указанных пунктов Протокола (пункты 24 и 30) отсутствие в Беларуси возможности открыть филиал юридического лица государства–члена квалифицировано Евразийской экономической комиссией как барьер [9].

В иных государствах–членах ЕАЭС такое ограничение на открытие иностранного филиала отсутствует. Например, по состоянию на 9 февраля 2023 г. в Российской Федерации аккредитовано и продолжает действовать 9 филиалов и

10 представительств белорусских компаний [10].

Необходимо отметить, что до 1 января 2014 г. порядок открытия и деятельности представительств иностранных организаций регулировался постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 22 июля 1999 г. № 929 «О порядке открытия и деятельности в Республике Беларусь представительств иностранных организаций». Так, по общему правилу, иностранные компании не имели права заниматься предпринимательской деятельностью на территории Республики Беларусь без открытия представительства. В то же время, законодательство не ограничивало предмет деятельности представительств иностранных организаций только функциями защиты и представительства интересов и, по общему правилу, разрешало иностранной организации осуществлять предпринимательскую и иную деятельность через представительство [11].

Таким образом, до 2014 г. представительства иностранных организаций, осуществляющих предпринимательскую деятельность на территории Республики Беларусь, по своей сути представляли из себя филиалы этих иностранных организаций.

С 2014 г. по настоящее время порядок открытия и деятельности представительств иностранных организаций регулируется Положением о порядке открытия и деятельности в Республике Беларусь представительств иностранных организаций (постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30.05.2018 № 408 «Об утверждении Положения о порядке открытия и деятельности в Республике Беларусь представительств иностранных организаций, внесении изменений и дополнений в некоторые постановления Совета Министров Республики Беларусь и признании утратившими силу отдельных структурных элементов постановлений Совета Министров Республики Беларусь», Постановление № 408) [12].

С 1 января 2014 г. в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31.12.2013 № 1189 «Об утверждении Положения о порядке открытия и деятельности в Республике Беларусь представительств иностранных организаций, внесении изменений и дополнения в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 17.02.2012 № 156 и признании утратившими силу некоторых постановлений Совета Министров Республики Беларусь и их отдельных структурных элементов» (утратило силу), с одной стороны, запрет на осуществление деятельности в Республике Беларусь без открытия представительства был отменен, а, с другой стороны, допустимый предмет деятельности представительств иностранных организаций был существенно нормативно ограничен деятельностью подготовительного и вспомогательного характера. Аналогичные нормы закреплены в Постановлении № 408 [13].

Таким образом, сложилась ситуация, когда осуществление иностранной организацией деятельности подготовительного и вспомогательного характера стало возможным только при условии создания в Республике Беларусь представительства с разрешения облисполкома (Минским горисполкомом), в то время как осуществление основной предпринимательской деятельности (в частности, выполнения работ, оказания услуг) в Республике Беларусь – без обязанности какого-либо корпоративного (организационно-правового) оформления, при

условии соблюдения административно-правовых и налоговых требований (в частности, постановка на учет в качестве постоянного представительства иностранной организации в налоговом органе на основании заключенного договора на выполнение работ, оказание услуг в соответствии со статьей 180 Налогового кодекса Республики Беларусь) [14].

Важно отметить, что филиал (не представительство) иностранного юридического лица, осуществляющий коммерческую деятельность на территории страны, – это корпоративная разновидность постоянного представительства в налоговом праве. Представительства иностранных организаций, открытые в соответствии с Постановлением № 408, не являются «постоянными представительствами» с точки зрения налогового законодательства.

В связи с необходимостью устранения барьера на внутреннем рынке ЕАЭС, в настоящее время проводится работа по внедрению в белорусское законодательство института филиалов иностранных юридических лиц. Соответствующие основополагающие корректировки в статью 51¹ Гражданского кодекса включены в проект Закона Республики Беларусь «Об изменении кодексов», который готовится ко второму чтению [15].

Внедрение института филиалов иностранных юридических лиц продиктовано не только правом ЕАЭС, но и соответствующими запросами заинтересованных стран в рамках процесса по присоединению Республики Беларусь к ВТО [16].

После принятия поправок в Гражданский кодекс последует корректировка отраслевого законодательства, предусматривающая возможность открытия иностранных филиалов во многих (но не всех) секторах услуг и иных видах экономической деятельности.

Анализ законодательства Республики Беларусь показал, что в сферах деятельности, которые являются стратегически важными для социально-экономического развития, обеспечения защиты жизни и здоровья граждан, окружающей среды, национальной безопасности и иных интересов Республики Беларусь, «отраслевыми» нормативными правовыми актами уже введены определенные требования, ограничения или прямой запрет на возможность осуществления соответствующей деятельности иностранными юридическими лицами.

Так, существует прямой запрет на оказание иностранными юридическими лицами и, следовательно, их филиалами на территории Республики Беларусь, видов деятельности, обозначенных в статье 10 Закона Республики Беларусь от 15.07.2010 № 169–З «Об объектах, находящихся только в собственности государства, и видах деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства» [17].

Кроме того, в банковской и страховой сфере также установлен запрет на открытие филиалов иностранных компаний [18], [19].

При этом остается неясным, каким образом будут урегулированы ситуации, когда национальным отраслевым законодательством предусмотрен запрет на осуществление деятельности через филиал, в то время как для такого сектора отсутствует изъятие по Решению ВЕАЭС № 112. В данном отношении «застрахованными» являются лицензионные виды деятельности, поскольку в отноше-

нии организационно–правовой формы лицензиатов у Республики Беларусь сохраняется изъятие, а также некоторые другие сектора, указанные в Решении ВЕЭС № 112 [8].

В этой связи усматривается необходимость проведения глубокого анализа по всем видам деятельности при последующей реализации положений обновленной статьи 51¹ Гражданского кодекса Республики Беларусь.

Стоит отметить, что барьер по иностранным филиалам не единственный у Республики Беларусь по данной тематике. Так, в декабре 2021 г. Евразийской экономической комиссией квалифицирован барьер в связи со срочным действием разрешения на открытие иностранных представительств (3 года) и наличием количественного ограничения на численность сотрудников представительства иностранной организации (не более 5 человек).

Данные ограничения, как противоречащие пунктам 24 и 30 (подпункт 7) Протокола, были устранены с принятием постановления Совета Министров Республики Беларусь от 25 марта 2022 г. № 175 «Об изменении постановлений Совета Министров Республики Беларусь по вопросам осуществления административных процедур в отношении субъектов хозяйствования», которым внесены изменения в Постановление № 408. В этой связи, барьер был признан устранимым и исключен из реестра препятствий [20].

Таким образом, отсутствие возможности открывать филиалы компаний из государств–членов ЕАЭС на территории Беларуси является нарушением Договора о ЕАЭС. Республика Беларусь продолжает работу над устранением данного барьера путем корректировки Гражданского кодекса Республики Беларусь. Вместе с тем, внесение изменений в гражданское законодательство не позволит в полной мере решить данную проблему в связи с необходимостью последующей корректировки отраслевого законодательства и потенциальным сохранением данного ограничения в отдельных видах деятельности.

В связи с проводимой Республикой Беларусь работой по заключению региональных соглашений в сфере услуг целесообразно указать действующие ограничения в области деятельности иностранных филиалов и представительств в соответствующих перечнях изъятий.

Грамотная практическая реализация внедрения института филиалов иностранных юридических лиц в Республике Беларусь может позитивно сказаться на привлечении в Республику Беларусь дополнительных иностранных инвестиций, а также на создании новых рабочих мест.

Библиографические ссылки

1. Карточка барьера: Отсутствие возможности открытия филиала юридического лица государства–члена Союза в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. – 2023. – Режим доступа: <https://barriers.eaeunion.org/ru-ru/Pages/barriers-card.aspx?barrierId=10>. – Дата доступа: 09.02.2023.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – 2023. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218>. – Дата доступа: 01.02.2023.
3. Бирюкова О.В. 2016. Регулирование международной торговли услугами: учебное

пособие / О. В. Бирюкова ; Высш. шк. экономики – Нац. исследовательский ун-т . – Москва: Издательский дом Высш. шк. экономики, 2016. – 142 с.

4. General Agreement on Trade in Services // [Electronic resource]. – World Trade Organization, 2023. – Mode of access: https://www.wto.org/english/docs_e/legal_e/26-gats_01_e.htm. – Date of access: 01.02.2023.

5. Trade in services by GATS mode of supply: The WTO TiSMoS dataset // [Electronic resource]. – Economic Commission for Latin America, 2023. – Mode of access: <https://www.cepal.org/sites/default/files/presentations/trade-service-gats-mode-supply-wto-tismos-dataset-wto.pdf>. – Date of access: 01.02.2023.

6. I-TIP Services Database // [Electronic resource]. – World Trade Organization, 2023. – Mode of access: <https://i-tip.wto.org/services/default.aspx>. – Date of access: 01.02.2023.

7. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – 2023. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=F01400176>. – Дата доступа: 01.02.2023.

8. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 112 «Об утверждении индивидуальных национальных перечней ограничений, изъятий, дополнительных требований и условий в рамках Евразийского экономического союза для Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Онлайн-справочник «Таможенные документы» Альта-софт. – 2023. – Режим доступа: <https://www.alta.ru/tamdoc/14vr0112/>. – Дата доступа: 01.02.2023.

9. Об отсутствии возможности открытия юридическими лицами государств – членов Евразийского экономического союза своих филиалов на территории Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. – 2023. – Режим доступа: <https://barriers.eacunion.org/ru-ru/Cases/3%D0%9A%D0%B5%D0%B9%D1%81%20%D0%B4%D0%BB%D1%8F%20%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%82%D0%B0%D0%BB%D0%B0%20%D0%A4%D0%92%D0%A0%20%D0%95%D0%90%D0%AD%D0%A1%20%D1%84%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8B%20%D0%A0%D0%91%20%2001.02.23.pdf>. – Дата доступа: 02.02.2023.

10. Государственный реестр аккредитованных филиалов, представительств иностранных юридических лиц [Электронный ресурс] // ФНС России. – 2023. – Режим доступа: <https://service.nalog.ru/rafp/#extended>. – Дата доступа: 09.02.2023.

11. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 22 июля 1997 г. № 929 «О порядке открытия и деятельности в Республике Беларусь представительств иностранных организаций» // [Электронный ресурс] // Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН-ONLINE». – 2023. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=C29700929>. – Дата доступа: 04.02.2023.

12. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30 мая 2018 г. № 408 «Об утверждении Положения о порядке открытия и деятельности в Республике Беларусь представительств иностранных организаций, внесении изменений и дополнений в некоторые постановления Совета Министров Республики Беларусь и признании утратившими силу отдельных структурных элементов постановлений Совета Министров Республики Беларусь» [Электронный ресурс] // Главное управление юстиции Минского областного исполнительного комитета. – 2023. – Режим доступа: https://minobljust.gov.by/dadvfiles/000448_986291__408.pdf. – Дата доступа: 07.02.2023.

13. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 31 декабря 2013 г. № 1189 «Об утверждении Положения о порядке открытия и деятельности в Республике Беларусь представительств иностранных организаций, внесении изменений и дополнения в постановление Совета Министров Республики Беларусь от 17 февраля 2012 г. № 156 и признании утратившими силу некоторых постановлений Совета Министров Республики Беларусь и их отдельных структурных элементов» [Электронный ресурс] // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – 2023. – Режим доступа:

<https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21301189>. – Дата доступа: 05.02.2023.

14. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Особенная часть) [Электронный ресурс] // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – 2023. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk0900071>. – Дата доступа: 07.02.2023.

15. «Об изменении кодексов» [Электронный ресурс] // Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь. – 2023. – Режим доступа: <http://house.gov.by/ru/zakony-ru/view/ob-izmenenii-koдексов-1114/>. – Дата доступа: 04.02.2023.

16. Какие изменения ожидают финансовый рынок Беларуси после вступления страны в ВТО [Электронный ресурс] // Беларусь Сегодня. – 2019. – Режим доступа: <https://sb-by.turbopages.org/sb.by/s/articles/pokorenie-polisa.html>. – Дата доступа: 09.02.2023.

17. Закон Республики Беларусь от 15 июля 2010 г. № 169–3 «Об объектах, находящихся только в собственности государства, и видах деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства» // [Электронный ресурс] // Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН–ONLINE». – 2023. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=h11000169>. – Дата доступа: 04.02.2023.

18. Банковский Кодекс Республики Беларусь от 25 октября 2000 г. № 441–3 // [Электронный ресурс] // Информационно-поисковая система «ЭТАЛОН–ONLINE». – 2023. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk0000441>. – Дата доступа: 05.02.2023.

19. Указ Президента Республики Беларусь от 25 августа 2006 г. № 530 «О страховой деятельности» [Электронный ресурс] // Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – 2023. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=p30600530>. – Дата доступа: 02.02.2023.

20. О применяемых ограничениях в Республике Беларусь по открытию и деятельности представительств юридических лиц, зарегистрированных в государствах – членах ЕАЭС [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. – 2023. – Режим доступа: <https://barriers.eaunion.org/ru-ru/Cases/Кейс%20для%20портала%20РБ%20представительства.pdf>. – Дата доступа: 09.02.2023.

КОНСТИТУЦИОННО–ПРАВОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕГРАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ БЕЛАРУСИ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Н. С. Мицько,

*кандидат юридических наук, доцент,
руководитель центра государственного строительства и права,
ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси»,
ул. Сурганова 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь*

В статье раскрываются конституционные предпосылки (в том числе принципы) евразийского интеграционного развития (строительства). Сделан вывод о том, что выявление системы принципов и построение на их основе моделей интеграционного (союзного) строительства формирует конституционно–правовой потенциал для регулирования процессов интеграционного строительства.

Ключевые слова: интеграционный конституционализм, конституционно–правовой потенциал, интеграционное развитие (строительство), теория конституционно–правового интеграционного развития Беларуси на евразийском пространстве, принципы интеграционного строительства.

Сегодня интеграционная реальность поднялась на конституционный уровень, определяя траекторию развития интеграционного конституционализма, создавая условия для появления новых категорий и институтов. Интеграционные процессы во многом определяют важнейшие направления развития государственности. Анализ и оценка тенденций евразийского интеграционного развития Беларуси будут способствовать эффективному управлению конституционными рисками в целях достижения конституционной безопасности, точности прогнозов развития правовой системы.

Изучению различных аспектов конституционализма как теоретической конструкции посвящены труды таких известных российских авторов, как С.А. Авакьян, И.А. Алебастрова, К.В. Арановский, М.В. Баглай, Б.И. Габричидзе, И.П. Ильинский, Е.И. Козлова, В.Ф. Коток, М.А. Крутоголов, О.Е. Кутафин, Ю.И. Лейбо, А.И. Лепешкин, Е.А. Лукьянова, В.В. Маклаков, А.А. Мишин, С.М. Радин, В.С. Основин, Б.А. Страшун, В.Е. Чиркин, Б.В. Щетинин, Л.М. Энтин и др. В контексте постсоветской реальности следует отметить работы А.А. Алебастровой, Г.Г. Арутяна, А.Н. Медушевского и др. Современные направления исследований характеризуются вниманием к глобальному, интеграционно–национальному и транснациональному конституционализму. Ряд актуальных вопросов интеграционного строительства раскрыты в трудах белорусских ученых: Г.А. Василевича, М.В. Мясниковича, В.Г. Тихини и др.

Цель настоящего исследования – выявить конституционно–правовой потенциал интеграционного развития Беларуси на евразийском пространстве (в контексте интеграционного конституционализма).

В исследовании предлагается новая методологическая платформа, которая базируется на обращении к методам конституционно–правового регулирования; наряду с частно–научными исследовательскими методами в области юриспру-

денции, используются достижения правовой компаративистики, телеологии, аксиологии, системологии. Современное развитие конституционной науки в целом и интеграционного конституционализма в частности ориентируется на междисциплинарность, проблемность, множественность теорий, доктрин и парадигм, плюрализм методологий, альтернативность направлений государственного и общественного развития.

Конституционно–правовой потенциал охватывает не только потенциал развития и реализации конституционных норм на внутригосударственном уровне, но и оказывает значительное содействие, придает векторность, упорядоченность интеграционным процессам.

Участие в интеграционных процессах и объединениях – суверенный акт государства на том или ином этапе его государственного развития. Такое участие должно реализовываться в рамках и масштабах, установленных его Основным Законом. Поэтому в рамках настоящего исследования мы будем исходить из гипотезы о том, что направления интеграционного взаимодействия весьма многообразны и могут предусматривать экономическую (в том числе инновационную), правовую, политическую, информационную, идеологическую и иные виды интеграции, обусловленные государствообразующими процессами, основываясь на положениях о том, что конституция выполняет одновременно правовую (учредительную/конституирующую, системообразующую, программно–целевую, регулятивную и охранительную/защитную), а также социальную (политическую, экономическую, идеологическую, культурологическую и др.) функции. Участники интеграции могут быть объединены не исключительно общностью территории, а единой культурой, духовными ценностями (идеологией), экономическими интересами, обычаями, традициями и иными нормами. Таким образом, вопросы интеграционного развития неизбежно носят комплексный, междисциплинарный характер.

Интеграционное развитие основывается «не только на социально–экономических интересах и политико–правовой традиции, но и на социокультурных ценностях, не отчужденных от граждан, а принимаемых ими и составляющих внутренний смысл их собственной деятельности» [1].

Для эффективного использования интеграционного потенциала и конкурентных преимуществ интегрирующихся стран интеграционные объединения формируют стратегию интеграционного сотрудничества и интеграционного роста. Национальные органы интегрирующихся стран, рабочие органы интеграционного объединения (при их наличии), иные представители этих стран вправе на паритетной основе принимать участие в разработке и последующей реализации данной стратегии (например, решением Высшего Евразийского Экономического Совета от 11 декабря 2020 г. № 12 утверждены Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. [2]).

Интеграционное/союзное развитие (строительство) – это процесс необратимых, неизбежных, закономерных, направленных изменений, приводящий к возникновению количественных, качественных и структурных преобразований в рамках систем (правовой, политической, социально–экономической и др.) вследствие интеграционных явлений и процессов. В связи с указанным катего-

рия «интеграционное развитие» неизменно сохраняет свою актуальность не только в рамках интеграционного права (но и в конституционном, международном праве, иных отраслях права и областях знаний), особое значение приобретая именно в рамках интеграционного конституционализма.

В данном контексте интеграционное/союзное развитие (строительство) может рассматриваться как конституционно–правовая категория, выработанная и востребованная в рамках доктрины интеграционного конституционализма, которая призвана служить целям характеристики этапов государственного развития, иных процессов, свойств и систем конституционной организации в русле конституционной ретрадиционализации и модернизации. Интеграционное развитие определяет направления интеграционного взаимодействия, в том числе пути дальнейшего развития законодательства и права, выявляет его интеграционный потенциал, является основанием для его включения в категориальный аппарат науки конституционного права в целом и интеграционного конституционализма в частности.

Сегодня интеграционная реальность поднялась на конституционный уровень, определяя траекторию развития интеграционного конституционализма, формирования интеграционного правопорядка, создавая условия для появления новых категорий и институтов, появления новых институциональных единиц с определением их статуса, а также широкой сферы политического, идеологического, экономического, экологического и иного участия субъектов.

М.Е. Жумабаева в исследовании «Интеграционные процессы на евразийском пространстве» справедливо отмечает, что «региональное интеграционное строительство предопределило развитие более гибких моделей разноскоростного и разноформатного сотрудничества между государствами постсоветского пространства» [3, с. 179].

О.С. Игнатов, анализируя конституционные основы интеграционных процессов Российской Федерации и стран – членов СНГ, приходит к выводу о том, что «от того, насколько конституция способна объединить множество политических, социальных сил, заинтересованных в определенных сценариях развития общества, во многом зависит исход общественных преобразований» [4, с. 214], при этом «потенциал интеграционных ресурсов сохраняется, разноскоростное развитие государств не является непреодолимым препятствием для более тесного взаимодействия, поле интеграционных процессов очень широко, и имеются большие возможности для преодоления препятствий и усиления интеграции» [4, с. 215]. «Достижение поставленных целей в интеграционных процессах напрямую связано с решением конституционно–правовых вопросов» [5, с. 216–217].

О.Н. Толочко в работе «Правовые перспективы двустороннего экономического сотрудничества Беларуси и России в рамках многосторонних интеграционных объединений» обращает внимание, что «чисто «экономических» интеграционных объединений не бывает. Выработка норм интеграционного права требует организации легитимного и качественного правотворческого процесса, а это предполагает функционирование неких властных (политических) структур. Нужны общие правореализационные и правоохранительные механизмы» [5, с. 63]. Полагаем, решение вопроса о данных механизмах должно закладываться на кон-

ституционном уровне.

Правовое поле международной региональной (интеграционной) безопасности включает: «международные правовые документы, определяющие организационные и правовые основы регионального объединения стран: области, сферы, принципы сотрудничества государств, положения о консультациях и согласовании позиций по вопросам, затрагивающим региональные и национальные интересы, а также координацию действий для устранения угроз безопасности; концепции, стратегии, соглашения, договоры, дающие целостное представление о сущности, структуре, функциях, целях и приоритетах, угрозах, механизме, тенденциях развития регионального сотрудничества в сфере безопасности; международные договоры, конвенции, соглашения, протоколы, регламентирующие формирование регионального экономического пространства; модельные законы, которые разрабатываются для использования при формировании законодательства государств–членов регионального объединения стран; программы, планы – они определяют конкретные мероприятия по развитию сотрудничества в сфере безопасности, сроки их выполнения и исполнителей» [6, с. 43–44].

С учетом указанного в формировании доктрины и практики интеграционного конституционализма в целях дальнейшего развития функциональных и структурных правовых основ отечественного конституционализма с учетом учета вызовов и угроз интеграционных процессов видится целесообразной разработка теории конституционно–правового интеграционного развития Беларуси на евразийском пространстве (как системы знаний, описывающих и объясняющих определенную совокупность государствообразующих интеграционных явлений Беларуси, дающую обоснование ряда выдвинутых положений и сводящую установленные в данной области законы к единому основанию):

с формулировкой предпосылок и обоснованием этапов конституционно–правового интеграционного развития Беларуси на евразийском пространстве (их эволюции);

выработкой специфических дефиниций и юридических конструкций (понятийного аппарата);

определением круга субъектов и объектов – институциональных единиц и институциональной структуры конституционно–правового интеграционного развития Беларуси на евразийском пространстве, а также возникающих в рамках данной структуры правоотношений, формированием системы источников, включая нетипичные источники;

разработкой методологии комплексной конституционно–правовой оценки интеграционного развития Беларуси на евразийском пространстве, включающей систему принципов, совокупность критериев и индикаторов конституционно–правового евразийского интеграционного развития Беларуси;

выработкой методологического подхода к обоснованию направлений конституционно–правового интеграционного развития Беларуси на евразийском пространстве;

формулировкой рекомендаций, реализация которых будет способствовать устойчивому комплексному конституционно–правовому интеграционному раз-

виту Беларуси на евразийском пространстве и др.

В конституционных принципах и иных нормоположениях заложен особый правовой потенциал для регулирования процессов интеграционного строительства. В теории конституционно-правового интеграционного развития Беларуси на евразийском пространстве правовые принципы как основополагающие научные идеи будут выступать основой формирования преимущественно конституционных норм-принципов для регулирования межгосударственных отношений интеграционной направленности с универсальным содержанием. Одной из важнейших составляющих интеграционного развития (строительства), которая может быть учтена при построении внутренних взаимосвязей, является выстраивание четкой системы правовых принципов с учетом следующих условий: соответствие актов, издаваемых наднациональными органами, содержанию учредительных договоров; соответствие актов толкования толкуемым актам; приоритет новых актов по отношению к ранее изданным, специальных – по отношению к общим; наличие наднациональных правовых юрисдикций; прямое либо опосредованное действие актов в зависимости от условий.

Система принципов могла бы включать: интегративность и адаптивность права союзных образований; субсидиарность, надгосударственность и наднациональность; мониторинга взаимодействия надгосударственных и внутригосударственных норм; правовой эффективности; сотрудничества государств и добросовестного выполнения международных обязательств; завершенность и сбалансированность вертикальной и горизонтальной интеграции; принцип интеграционного равенства (охватывающий добровольность участия партнеров и равноправие в принятии решений о совместных начинаниях); объединение потенциалов сторон по тем направлениям, где могут быть достигнуты наибольшие выгоды от совместных действий; планомерность и долговременность взаимодействия; разделение позитивных эффектов и рисков совместной деятельности; принципы обязательности, информационной всеохватности и открытости (расширение субъектно-объектного состава); планирования, прогнозирования, системности и комплексности правового регулирования общественных отношений; оптимальности, соответствия политическим, экономическим, социальным, культурологическим особенностям; принцип политической демократии, принцип законности, сохранения автономии и прав членов, соединения интересов, равенства, неукоснительного соблюдения прав, законных интересов и полномочий членов интеграционных образований и другие.

Правовая эффективность интеграционных процессов предполагает достижение поставленных целей и конкретных результатов с минимально возможными негативными для правовой системы последствиями (издержками) при поддержании ее устойчивого развития. При этом эффективности конституционно-правового регулирования союзного строительства можно рассматривать как комплексную характеристику потенциальных и реальных результатов функционирования правовой системы с учетом степени соответствия полученных результатов целям и задачам интеграционного развития (строительства) в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе с учетом многообразия видов эффективности и в зависимости от распространения эффекта во

времени, пространстве и по кругу лиц.

Указанная выше совокупность принципов требует их конкретизации и унификации на конституционном уровне в целях дальнейшего формирования нового интеграционного правопорядка в рамках следующих основных моделей интеграционного (союзного) строительства на евразийском пространстве (в контексте интеграционного конституционализма): реинтеграция с учетом конституционной ретрадиционализации (Союзное государство Беларуси и России); реинтеграция с учетом конституционной модернизации (СНГ); интеграция с учетом постулатов конституционной экономики (ЕАЭС) на новой институциональной основе.

Библиографические ссылки

1. Бабурин С. Н. Конституционный акт Союзного государства: несостоятельность официального проекта и необходимость альтернативы / С. Н. Бабурин // Государство и право. – 2019. – № 10. – С. 7-25.

2. О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года [Электронный ресурс]: решение Высш. Евразийского экономического сов., 11 дек. 2020 г., № 12 / Евразийская экономическая комиссия. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428320/err_12012021_12. – Дата доступа: 03.02.2023.

3. Жумабаева М. Е. Интеграционные процессы на евразийском пространстве / М. Е. Жумабаева // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. – 2013. – № 3 (31). – С. 177–180.

4. Игнатов О. С. Конституционные основы интеграционных процессов Российской Федерации и стран–членов СНГ / О. С. Игнатов // Вопросы российского и международного права. – 2019. – № 9 (3А). – С. 212–218.

5. Толочко О. Н. Правовые перспективы двустороннего экономического сотрудничества Беларуси и России в рамках многосторонних интеграционных объединений / О. Н. Толочко // Постсоветская интеграция: итоги и перспективы: тез. докл. респ. круглого стола (Минск, 6 дек. 2019 г.) / учреждение образования «Акад. М–ва внутр. дел Респ. Беларусь»; редкол.: В.И. Родевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Академия МВД, 2019. – 86 с.

6. Моисеенко Е. Г. Обеспечение экономической безопасности региональных объединений государств (сущность, содержание, структура) / Е. Г. Моисеенко // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2019. – № 4 (66). – С. 37–46.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВА ЕАЭС: НОВАЦИИ-2022

Т. Н. Михалёва,

к.ю.н., доцент, доцент кафедры евразийских исследований,

Белорусский государственный университет

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

MikhailiovaT@bsu.by

ведущий научный сотрудник Национального центра законодательства

и правовых исследований Республики Беларусь

ул.Берсона 1а, 2202005, г.Минск, Беларусь

В статье рассмотрены приоритетные направления развития евразийской интеграции согласно одному из последних программных документов ЕАЭС – Стратегии развития до 2025 года, а также изменения, внесенные в Договор в 2022 году. Автор приходит к выводу об усилении механизмов взаимодействия государств-членов и баланса их интересов и придании Комиссии активной роли в этих процессах.

Ключевые слова: внутренний рынок, Договор о Евразийском экономическом союзе, интеграция, Стратегия развития евразийской интеграции, приложение, протокол.

Уже два года действуют Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года, утвержденных Решением Высшего Евразийского экономического совета № 12 от 11.12.2020 (далее – Стратегия -2025) и план по их реализации. Они опираются на ранее принятые программные (стратегические) акты в различных сферах. [1; 2] Особенной чертой Стратегии-2025, в отличие от Декларации 2011 года, Декларации 2018 года стал ее обязательный де-юре характер: Стратегия принята решением Высшего Евразийского экономического совета.

В Стратегии указаны ключевые меры и механизмы, необходимые для достижения установленных Договором целей, а также определена возможность их дополнения новыми формами и сферами экономической интеграции государств - членов Союза (абз.1 раздела 1). Думается, потенциал этой нормы станет основой для толкования положений о предметной компетенции Союза в дальнейшем.

Также, в Стратегии отмечено, что следует усовершенствовать право Союза, осуществить его «инвентаризацию», привести акты Союза в соответствие друг с другом. На первом месте обозначено совершенствование работы по устранению барьеров. Действительно, невозможно пойти далее в интеграционном движении, пока не устранены препятствия во внутренней торговле. Заявленное совершенствование методологии разделения препятствий состоялось уже в начале 2021 года – принят новый акт в данной сфере [3], а сообщение о потенциальном препятствии, связанном с ведением хозяйственной деятельности на территории государств ЕАЭС может быть сделано в течение нескольких минут прямо на сайте <https://barriers.eaunion.org/>. [4]

В «топ-3» мер по выполнению государствами-членами ранее принятых договоренностей, которые важны для устранения препятствий рынку, попали и вопросы применения права «вето» к решениям о применении антидемпинго-

вых, специальных защитных, компенсационных мер, а также либерализации международных автомобильных перевозок.

Исходя из Стратегии-2025 ожидается расширение перечня сфер, в которых будет проводиться активное интеграционное взаимодействие, что означает значительный объем правового регулирования, увеличение правовой базы Союза – речь идет и о финансовом рынке, и о сфере услуг, и об энергетических рынках.

Многие вопросы сразу обозначены конкретно для регулирования на основании международных договоров в рамках Союза, которые нужно разработать – например, соглашение о гармонизированной системе определения страны происхождения товаров, вывозимых с таможенной территории Союза, договор о единой системе транзита Союза, соглашение об обороте данных и защите персональных данных.

В ряде случаев указано на внесение изменений в сам Договор о Союзе – например, по уточнению трансграничного пространства доверия. В большинстве сфер указано на совершенствование права Союза без уточнения формы акта, которым это будет реализовано. По множеству направлений обозначены конкретные правореализационные мероприятия – например, в сфере цифровой повестки, свободы движения лиц. [5]

Задачи, зафиксированные в Стратегии, должны быть выполнены к 2025 году. В целом в соответствии с Планом предусматривается разработка и подписание 13 международных договоров, более 60 нормативно-правовых актов Союза, внесение порядка 25 изменений и дополнений в Договор о ЕАЭС, а также изменений в национальные законодательства государств-членов.

Остановимся подробнее на изменениях в Договор, поскольку это учредительный договор, занимающий центральное место в праве Союза и иерархии его источников.

Договор о Евразийском экономическом союзе 2014 года – сложный многосторонний международный договор, которым были закреплены институциональная структура международной организации региональной интеграции, ее цели, принципы, компетенция, а также функциональные положения интеграционного пространства, переходные положения между предыдущим этапом интеграции, создаваемыми и будущими ее формами. Помимо учреждения международной организации (частью 1 Договора) указанным договором учреждается и экономико-правовое пространство. Части вторая и третья Договора о ЕАЭС содержат нормы, развивающие положения о целях, функциях, принципах деятельности Союза, изложенные в части первой. [6] Это секторальные направления реализации компетенции Союза. Не случайно на первом месте в Договоре, а именно в п. 1 ст. 1, указано, что «Договором Стороны учреждают Евразийский экономический союз, в рамках которого обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики, определенных настоящим Договором и международными договорами в рамках Союза». Следом, в п. 2 ст.1 Договора закрепляется международная правосубъектность Союза. Это свидетельствует о неделимости договорных положений как в отношении учредительных положений, так и в отношении секторальных положений. Невоз-

можно вести речь о функционировании Союза без полноценного осуществления взаимодействия во всех указанных отраслях.

Договор о ЕАЭС имеет 33 приложения. Сущность и предмет регулирования приложений значительно различаются, что, однако не влияет на определение их правовой природы и юридической силы. Так, в качестве приложений представлены акты, регламентирующие деятельность уставных органов – Положение о ЕЭК, Статут Суда.

Как правило, в тексте международного договора делается указание, эквивалентное следующему: «приложения являются неотъемлемой частью договора», либо в самих приложениях оговаривается, что они являются неотъемлемой частью соответствующего договора. Также, может уточняться юридическая сила приложений: имеют ли они одинаковую юридическую силу с договором. Это может оказаться важным при возникновении противоречий между текстами договора и приложений. [7]

В Договоре о ЕАЭС и в приложениях к нему статус приложений прямо не оговорен. Следует исходить из единства Договора и его приложений (а также приложений к протоколам). Определение содержания применимой нормы необходимо производить с учетом целостности уставного акта.

Оговорки к Договору не допускаются, а для внесения поправок предусмотрены специальные положения. Согласно ст. 115 изменения и дополнения к Договору оформляются отдельными протоколами и являются его неотъемлемой частью. Договор вступил в силу 1 января 2015 года и за 7 с лишним лет в него неоднократно вносились изменения, как правило, точечного характера. Последние изменения в Договор были одобрены государствами-участниками в 2022 году, в марте и декабре, и они носят разносторонний и в ряде случаев существенный характер. [8]

Протоколом о внесении изменений от 31.03.2022 внесены изменения в части функционирования таможенного союза. Так, уточнения затронули статью 29. В ней изначально предусмотрены исключения (правомерные изъятия) из функционирования внутреннего рынка. [9]

В соответствии с нововведениями, а именно пунктом 4 статьи 29, введение государствами-членами мер, основанных на этих исключениях, должно происходить с уведомлением других государств-членов в порядке, разрабатываемом Комиссией. Такой порядок взаимодействия государств - членов Евразийского экономического союза и Евразийской экономической комиссии при введении и отмене государствами-членами ограничений во взаимной торговле товарами по основаниям, указанным в статье 29 Договора, ЕЭК уже разработан и вступит в действие, как только вступят в силу изменения в Договор.

Уточнены и правила функционирования таможенного союза в части осуществления контроля на общесоюзной границе: раздел VI дополнен статьей 29-1 «Государственный контроль (надзор) на таможенной границе Союза».

Важнейшие изменения затронули и одну из свобод рынка – свободу передвижения рабочей силы. В соответствии с Протоколом либерализация единого рынка труда продолжится. Так, для занятых в педагогической или юридической сфере исключается требование о необходимости проходить установленную за-

конодательством государства трудоустройства процедуру признания документов об образовании. Документы об ученых степенях и ученых званиях, выданные в соответствии с законодательством государств - членов ЕАЭС, будут признаваться в государстве трудоустройства в соответствии со специальными международными договорами в рамках ЕАЭС, а до момента их заключения – в соответствии с законодательством государства трудоустройства.

В Положении о ЕЭК (приложение № 1) уточнениям подверглись порядок реализации оценки регулирующего воздействия и оценки фактического воздействия. Изменения внесены в положения об антидемпинговых пошлинах (приложение № 8). Откорректирован ряд положений по регулированию вопросов безопасности внутреннего рынка – технические стандарты, санитарные меры. Среди ряда положений по совершенствованию вопросов конкуренции в Союзе внимание привлекает введение нового полномочия Комиссии: «проведение мониторинга и сравнительно-правового анализа законодательства государств-членов на предмет соответствия положениям раздела XVIII Договора и настоящего Протокола». Это значительно повысит эффективность взаимодействия наднациональных и национальных структур по антимонопольному регулированию, на что давно обращают внимание исследователи и практики.

В целом, Протокол предусматривает много новых не революционных по сути, но важнейших на пути отладки сотрудничества компетентных органов государств-членов, балансирования интересов всех государств-участников – в уже цитированных нормах об уведомлении и консультациях при введении ограничений, по государственному ценовому регулированию и т.д., а также активной роли Комиссии в этих процессах.

Библиографические ссылки

1. Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года: утв.Решением Высшего Евразийского экономического совета № 12 от 11.12.2020 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь. / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

2. О плане мероприятий по реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года [Электронный ресурс] : распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии, 5 апр. 2021 г., № 4 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

3. Об утверждении Методологии разделения препятствий на внутреннем рынке Евразийского экономического союза на барьеры, изъятия и ограничения и признания барьеров устраненными [Электронный ресурс] : решение Коллегии Евразийской экономической комиссии, 2 фев. 2021 г., № 10 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

4. Функционирование внутренних рынков Евразийского экономического союза. [Электронный ресурс]. – Дата доступа: <https://barriers.eaeunion.org/ru-ru/Pages/home.aspx>. – Вид доступа: 10.03.2023.

5. Михалёва Т.Н. Право Евразийского экономического союза : учеб.пособ. / Т. Н. Михалева. – Минск : БГУ, 2022. – 191 с.

6. Договор о Евразийском экономическом союзе; прин.29.05.2014 в г.Астана. – [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь. / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

7. Михалева Т.Н. Правовое регулирование региональной интеграции: вызовы и перспективы. – Минск: Институт радиологии, 2016. – 196 с.

8. Протокол о внесении изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года: подписан в г.Москве 31.03.2022. – [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь. / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

9. О применении пункта 1 статьи 29 Договора о ЕАЭС : Консультативное заключение Суда ЕАЭС [Электронный ресурс]. – Карточка дела P-3/17. – Вид доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaeu/P-3.17/. – Дата доступа : 10.03.2023.

ДОМЕННЫЕ СПОРЫ В ЕАЭС: ТЕНДЕНЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Д.С. Прокуркина

Лаборант – исследователь, магистрант

Кафедра гражданского права и процесса и международного частного права,

Российский университет дружбы народов

ул. Миклухо–Маклая, 6, Москва, 117198

dariaprocurina@gmail.com

В настоящей статье автор исследует основные категории доменных споров в ЕАЭС. В процессе исследования автор выделяет три категории наиболее распространенных доменных споров, которые встречаются в практике правоприменительных органов стран ЕАЭС: доменные споры, обусловленные тем, что доменное имя, сходное с товарным знаком зарегистрировано, но не используется его владельцем по назначению; доменные споры, обусловленные тем, что доменное имя, сходное с общеизвестным товарным знаком зарегистрировано, но не используется его владельцем по назначению; доменные споры, при которых регистрация доменного имени является актом недобросовестной конкуренции.

Целью исследования является выявление основных тенденций правоприменительной практики в контексте урегулирования доменных споров.

Практическая значимость исследования автора заключается в формировании вывода о правовой незащищенности владельцев доменных имен в условиях гиперболизированной защищенности правообладателей товарных знаков.

Ключевые слова: доменное имя, доменные споры, товарный знак, интеллектуальная собственность, недобросовестная конкуренция, Интернет.

Настоящая статья главным образом посвящена непосредственному толкованию подпункта 5 пункта 2 статьи 1484 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ). Данное нормативное положение проецирует один из самых сложных для толкования способов использования товарного знака – а именно «его размещение в сети "Интернет», в том числе в доменном имени и при других способах адресации». Осознавая, что Интернет представляет собой трансграничную сеть, хранилище данных, определить – что именно вкладывал законодатель в данную формулировку достаточно сложно.

Проанализировав судебную практику Суда по интеллектуальным правам за последние пять лет, в части применения подпункта 5 пункта 2 статьи 1484 ГК РФ можно сделать вывод, что в подавляющем большинстве случаев данное положение применяется при использовании товарного знака в доменных именах.

В законодательном смысле доменное имя не является объектом интеллектуальной собственности, а в частности средством индивидуализации. Это следует из закрытого перечня объектов интеллектуальной собственности, представленных ГК РФ, а также существования специального регулирования в отношении доменных имен в рамках Федерального закона от 27.07.2006 № 149–ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – ФЗ «об информации») [7]. В рамках системы нормативного регулирования иных стран ЕАЭС – доменное имя так же является отдельным объектом нормативного регулирования.

Согласно п.15 статьи 2 упомянутого закона под доменным именем понимается обозначение символами, предназначенное для адресации сайтов в сети «Интернет» в целях обеспечения доступа к информации, размещенной в сети «Интернет». Однако Осокин А.А. отмечает, что доменное имя фактически является «товарным знаком, используемым в сети «Интернет» [9, с.17].

В этом контексте будет более чем релевантным, как минимум, согласиться с мнением Боброва М.Е. о том, что наличие у доменного имени рекламной и гарантийной функции дает возможность расценивать его в качестве средства индивидуализации [2, с. 170]. Однако важно понимать, что доменное имя само по себе не индивидуализирует товары, работы или услуги участника рынка, а лишь идентифицирует его веб-сайт в сети Интернет для адресации и доступа к нему или отдельные информационные ресурсы [14, с. 93]. Безусловно, интересно мнение Калятина В.О. Его позиция сводится к следующему: за счет того, что доменное имя идентифицирует сам адрес компьютера – одновременно возникает возможность индивидуализации владельца сайта, а также предоставляемых им товаров и услуг [3, с.19]. Значит, можно сделать вывод о том, что доменное имя необходимо, чтобы разграничивать товары одного производителя, от товаров других производителей на Интернет-рынке [1, с.8].

На основании анализа судебной практики по доменным спорам в странах ЕАЭС можно выделить три наиболее часто встречающихся категории доменных споров, связанных со столкновением прав на доменное имя и товарный знак.

Доменное имя, сходное с товарным знаком зарегистрировано, но не используется его владельцем по назначению.

В этой связи п. 158 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Постановление Пленума № 10) гласит, что нарушением прав на средство индивидуализации является именно фактическое использование доменного имени, тождественного или сходного до степени смешения с товарным знаком, в отношении товаров, однородных с теми, для которых предоставлена правовая охрана этому товарному знаку. Полагаем, что под «использованием доменного имени в отношении товаров» в данном контексте подразумевалось администрирование доменного имени веб-сайта, на котором продаются и продвигаются однородные товары.

Однако нельзя забывать, что в доктрине так же существует точка зрения, гласящая, что использование и администрирование доменного имени – разные правомочия, которые в своем единстве составляют право владельца доменного имени [4, с. 26].

В подтверждении изложенной позиции в одном из своих дел Суд по интеллектуальным правам постановил, что если на веб-сайте с доменом, схожим с чужим товарным знаком, продаются и предлагаются другие по классу МКТУ товары, или же Интернет-сайт сам по себе не предназначен для продвижения товаров и услуг, то нарушение исключительного права на товарный знак отсутствует [11].

В ином деле Суд по интеллектуальным правам декларировал: «использование товарного знака в сети «Интернет» должно отвечать существу исключи-

тельного права на товарный знак, которое заключается именно в индивидуализации конкретных товаров/услуг, изготавливаемых/оказываемых правообладателем такого товарного знака третьим лицам» [13]. Взяв за основу данный вывод суд решил, что ответчик, зарегистрировавший доменное имя, схожее с товарного знаком истца – не является нарушителем. Данный вывод сделан в связи с тем, что ответчик не занимался продвижением и рекламой товаров и услуг с использованием спорного товарного знака.

Можно прийти к умозаключению, что для признания использования товарного знака неправомерным требуется установление не только факта регистрации доменного имени, но и использование веб-сайта по назначению. Соответственно запрет на использование схожих с товарным знаком доменных имен не является абсолютным, поскольку необходимо соблюдение упомянутых условий [5, с. 216].

Доменное имя, сходное с общеизвестным товарным знаком зарегистрировано, но не используется его владельцем по назначению.

В такого рода доменных спорах дело обстоит иначе, в связи тем, что общеизвестность товарного знака придает особенности его правовому режиму. В случае регистрации доменного имени сходного с общеизвестным товарным знаком – требование об использовании веб-сайта с таким доменным именем для продвижения и продажи однородных товаров не применимо. В подобной ситуации для признания нарушения будет достаточно самого только факта регистрации доменного имени, тождественного чужому общеизвестному товарному знаку [6]. Данное правило объясняется тем, что у потребителей может создаться впечатление, что администратор такого доменного имени также обладает исключительным правом на общеизвестный товарный знак вне зависимости от вида, категории и рода товаров, продаваемых через такой веб-сайт.

Научно – консультативный совет при Суде по интеллектуальным правам в Справке по вопросам, возникающим при рассмотрении доменных споров [8] так же определил, что охрана общеизвестного товарного знака распространяется также на товары, неоднородные с теми, в отношении которых он признан общеизвестным, если использование другим лицом этого товарного знака в отношении указанных товаров будет ассоциироваться у потребителей с обладателем исключительного права на общеизвестный товарный знак и может ущемить законные интересы такого обладателя (пункт 3 статьи 1508 ГК РФ). Поэтому нарушением исключительного права на общеизвестный товарный знак может являться не только использование доменного имени, но и сам по себе факт регистрации доменного имени, тождественного этому общеизвестному товарному знаку или сходного с ним до степени смешения.

Регистрация доменного имени является актом недобросовестной конкуренции.

Данная категория споров является одной из наиболее актуальных среди доменных споров в ЕАЭС. Ее суть заключается в том, что Ответчик намеренно регистрирует доменное имя одинаковое с охраняемым товарным знаком в целях паразитирования на его репутации и извлечения выгоды. Пленум Верховного суда Российской Федерации указал, что такого рода действия могут быть

квалифицированы как акт недобросовестной конкуренции [6]. Такое признание влечет за собой ответственность, предусмотренную антимонопольным законодательством, что также может быть выражено в запрете совершения определенных действий (в данном случае администрирования доменного имени) или аннулировании регистрации.

С появлением маркетинговой ценности у зарегистрированного доменного имени, стали появляться и недобросовестные субъекты, занимающиеся «кибесквоттингом». Это деятельность по регистрации третьими лицами доменов, к которым они не имеют прямого отношения, с целью их дальнейшей перепродажи. Чаще всего объектом становятся домены, которые созвучны с известными товарными знаками [12, с.101]. Деятельность таких организаций также признается Федеральной антимонопольной службой как акт недобросовестной конкуренции по смыслу пункта 4 части 1 статьи 14 закона о защите конкуренции [15].

Ярким примером может являться дело, рассмотренное Судом по интеллектуальным правам [10] о признании актом недобросовестной конкуренции регистрацию доменного имени «prgorod21.ru». Данное доменное имя являлось сходным до степени смешения с охраняемым товарным знаком «prgorod» и использовалось для продвижения на товарном рынке аналогичных товаров и услуг. В итоге суд признал действия по регистрации такого доменного имени актом недобросовестной конкуренции.

Так же, в целях защиты своего исключительного права, правообладателем могут быть заявлены требования о запрете использования доменного имени, в том числе определенным образом. К примеру: об обязанности удалить и более не размещать информацию о конкретных видах товаров на соответствующем сайте или прекратить адресацию на данный сайт [6].

Заключение. В странах ЕАЭС практика по использованию доменных имен в товарных знаках весьма насыщена. Однако, вопреки вышеизложенному, необходимо констатировать, что фактически, направление судебной практики обращено «против» владельцев доменных имен. Это происходит в связи с тем, что данная категория споров находится на стыке гражданского и антимонопольного законодательства, которые по своей природе являются совершенно разными явлениями. На данный момент применение норм о недобросовестной конкуренции в делах об использовании товарных знаков в доменных именах превалирует над всеми иными, а рассмотренная нами первая категория дел, при которой добросовестный владелец доменного имени не использует товарный знак по назначению и не паразитирует на нем – является редким явлением далеко не по той причине, что таких ситуация в принципе меньшинство. Думается, это связано с тем фактом, что законодателем не выработано точных критериев определения тех или иных действий в качестве недобросовестной конкуренции в отношении товарных знаков, в связи с чем в основу практики зачастую ложатся «разумные предположения» правоприменителя.

Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ # НШ-3270.2022.2 «Эволюция или революция гражданского судопроизводства: цифровизация через призму искусственного интеллекта».

Библиографические ссылки

1. Агеенко, А.А. Соотношение прав на доменное имя и товарный знак в США: специальность 12.00.03: дис. ... канд. юрид. наук. / Агеенко Андрей Александрович; Москва: Российский государственный институт интеллектуальной собственности Российского агентства по патентам и товарным знакам. – Москва. – 2002. – 175 с.
2. Бобров, М.Е. Средства индивидуализации товаров, работ и услуг как объекты интеллектуальных прав: специальность 12.00.03: дис. ... канд. юрид. наук / Бобров Максим Евгеньевич; Институт законодательства и сравнительного правоведения. – Москва. – 2013. – 206 с.
3. Калятин, В.О. Доменные имена / В.О. Калятин. – Москва: Патент, 2006. –102 с.
4. Калятин, В.О. Проблема конфликта прав на доменные имена с правами на иные средства индивидуализации / В.О. Калятин // Юридический мир. – 2011. – № 5. – С. 19–28.
5. Новоселова, Л.А. Право интеллектуальной собственности. Средства индивидуализации: учебник: в 3 т. Т. 3 / Л.А. Новоселова. – Москва: Статут, 2018. – с. 432.
6. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 23.04.2019 № 10 // Российская газета. 2019. № 96.
7. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448 (ред. от 09.03.2021).
8. Об утверждении справки по вопросам, возникающим при рассмотрении доменных споров: Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 28.03.2014 № СП–21/4. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Осокин, А.А. Правовой статус наименований доменов и товарных знаков / А.А. Осокин // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2002. – № 7. – С. 17–36
10. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 11.03.2015 № С01–1438/2014 по делу № А79–1204/2014. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».
11. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 19.05.2017 № С01–352/2017 по делу № А40–29319/2016. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
12. Проблема защиты товарных знаков в сети Интернет / отв. ред. А.Р. Киикбаева, К.Р. Киикбаева, Г.И. Узембаева. Ульяновск: сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2017.
13. Решение Суда по интеллектуальным правам от 22.03.2019 по делу № СИП–705/2018. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
14. Серго, А.Г. Доменные имена как средство индивидуализации / А.Г.Серго // Хозяйство и право. – 2011. – № 5. – С. 93.
15. ФАС России будет пресекать недобросовестную конкуренцию при регистрации и администрировании доменных имен в Интернете / Официальный сайт Управления ФАС РФ по Санкт–Петербургу. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spb.fas.gov.ru/news/4756>.

ТЕОРЕТИКО–ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ ОБ ИММУНИТЕТЕ ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ЕАЭС

Н.И. Рудович,

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры евразийских исследований,
Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Евразийский экономический союз на современном этапе его развития предполагает наличие на территории этого Союза единого экономического пространства. В статье исследуются вопросы участия государства в экономической деятельности на территории Евразийского экономического союза. Рассмотрена возможность проведения унификации норм об иммунитете государств, вступающих в экономические отношения с иностранными физическими и юридическими лицами. На основании проведенного анализа формулируется ряд предложений по совершенствованию правового регулирования указанных общественных отношений

Ключевые слова: иммунитет государства, интеграция, конкурентоспособность экономической модели, сотрудничество государств, субъекты хозяйствования, экономические отношения, экономический союз

Характерной особенностью современных международных отношений является углубление и развитие экономического сотрудничества между государствами, интернационализация всех сфер жизни человеческого общества. Сегодня мировое хозяйство становится единым организмом, вне которого не может нормально функционировать ни одно государство мира.

В евразийском регионе создано и функционирует несколько различных международных региональных объединений. Одним из наиболее успешных примеров объединения, обеспечивающего восстановление и развитие кооперационных связей, повышение уровня социально–значимых результатов является Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС), создание которого произошло в мае 2014 года на базе Таможенного союза Беларуси, Казахстана и России. Определенный интерес к ЕАЭС сегодня проявляет Вьетнам, Египет, Израиль и некоторые другие государства. Более 40 государств мира выразили желание создать зону свободной торговли с ЕАЭС (Китай, Индонезия, Иран, Пакистан, Южная Корея и некоторые другие государства) [1, с. 55].

В целях стимулирования интеграции была принята Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках ЕАЭС, разработаны Стратегические направления евразийской интеграции до 2025 года, которые обеспечат углубленное развитие экономического сотрудничества, повысят эффективность институциональной структуры ЕАЭС.

Статья 4 Договора о ЕАЭС в качестве основных целей предусматривает: создание условий для стабильного развития экономик государств–членов ЕАЭС в интересах повышения жизненного уровня своего населения; формирование единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках ЕАЭС; обеспечение всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурен-

тоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью конкретизации статуса государства, выступающего в экономических отношениях с иностранными субъектами.

Развитие международного торгово-экономического, научно-технического и культурного сотрудничества на современном этапе во многом зависит от степени участия государства. Анализ практики высокоразвитых государств показывает, что в экономической политике регулятивная роль государства в полной мере проявляется как в государственном, так и частном секторе национальной экономики. Определение стратегических направлений макроэкономического развития и разработка тактических целей позволяют субъектам хозяйствования формулировать долгосрочные цели, формировать перспективные бизнес-планы, а также координировать деятельность своих контрагентов. При этом государство выполняет другие не менее важные задачи, связанные с созданием общественных благ (безопасность государства, охрана правопорядка и т.д.), формированием условий для выполнения социальных обязательств, обеспечение предпосылок устойчивого экономического роста и интеграции национальной экономики в систему мирового хозяйства. Степень вовлеченности современного государства в экономические отношения во многом зависит от избранной им экономической модели.

Государства с классической капиталистической (рыночной) экономикой по минимуму участвуют в экономических отношениях, ограничиваясь, как правило, макроэкономическим регулированием своего производства. В таких странах за государством закреплены наиболее наукоемкие отрасли экономики: авиакосмическая промышленность, ядерная энергетика, транспортная и информационная инфраструктура и некоторые другие капиталоемкие отрасли, являющиеся основными «локомотивами» экономического роста.

Совсем по другому обстоят дела с участием постсоциалистических стран в экономических отношениях. Они, наряду с другими важными государственными функциями, вынуждены активно заниматься непосредственной организацией производственного процесса (например, заключать инвестиционные и концессионные соглашения с частными субъектами предпринимательской деятельности; выступать гарантом сделок с зарубежными партнерами национальных юридических лиц; выпускать и размещать на фондовых рынках ценные бумаги; получать заимствования под государственные гарантии и т.д.).

Экономическая модель, действующая в государствах–членах ЕАЭС, закрепляет определяющую роль государства в регулировании экономических отношений, что, в свою очередь, предполагает непосредственное активное участие государства в лице уполномоченных органов во взаимоотношениях с физическими и юридическими лицами иностранных государств. Во многом этому способствуют предусмотренные учредительными документами специальные правовые механизмы: возможность непосредственного применения актов права ЕАЭС, сбалансированное распределение компетенции между государствами–членами и Союзом, наличие наднациональных инструментов и т.п. [2, с. 3].

В связи с этим возникает необходимость обеспечения унифицированного

подхода участников ЕАЭС к использованию норм об иммунитете государств. Сложившаяся практика межгосударственного экономического взаимодействия в целях обеспечения стабильных и доверительных отношений предусматривает возможность предоставления юрисдикционных иммунитетов иностранным государствам, под которыми понимают в теории международного частного права независимость одного государства законодательству и юрисдикции другого. Так, без согласия государства оно не может быть привлечено к суду другого государства, невозможно принять какие-либо принудительные меры в отношении его имущества в порядке предварительного обеспечения иска, а также осуществить принудительное исполнение вынесенного против него решения.

В последнее время наблюдается тенденция, когда в судах ряда зарубежных государств были предъявлены иски к иностранным государствам, в качестве обеспечительной меры по которым были арестованы счета дипломатических представительств, а также другое государственное имущество, что существенно ограничило возможность беспрепятственного осуществления государством его функций. Указанные действия ни в коей мере не содействуют развитию сотрудничества государств, в то же время создают опасный прецедент, дающий юридическую возможность вмешиваться иностранным государствам во внутренние дела других государств. Очевидно, что в вопросах применения обеспечительных мер иностранное государство нельзя уравнивать с физическими и юридическими лицами. Необходимо всегда принимать во внимание его особый статус и осуществление им публичных, суверенных функций, что требует наличия определенного имущества и возможности свободно им пользоваться и распоряжаться.

По нашему мнению, иностранное национальное законодательство и принятые на основании его судебные решения, которые предусматривают ограничение иммунитета другого государства, прямо нарушают основополагающий принцип современного международного права – принцип суверенного равенства государств. Национальным законодательством государство вправе ограничить лишь свой собственный иммунитет, но не иммунитет другого государства.

Современная наука международного права в практике международных отношений выделяет два вида юрисдикционных иммунитетов государств: абсолютный и ограниченный [3, с.88–89]. Следует отметить, что каждый из обозначенных видов юрисдикционного иммунитета в зависимости от заявляемых государством целей обладает рядом положительных и отрицательных качеств, оказывающих существенное влияние на развитие межгосударственного сотрудничества.

В последнее время наблюдается тенденция принятия государствами теории ограниченного юрисдикционного иммунитета. Это обусловлено расширением участия государств в отношениях коммерческого характера не только в рамках национальных границ, но и за пределами. Подобным образом государства пытаются ограничить риски возможных конфликтов между иностранным государством (реципиентом) и национальным частным инвестором при реализации инвестиционных проектов, а также возможность вмешательства иностранного государства в национальные суверенные интересы другого государства в целях создания благоприятного делового климата.

Необходимо отметить, что иммунитет государства – это не одностороннее волеизъявление государства, поскольку содержит в себе категорию взаимности. Одно государство ограничивает свою юрисдикцию по отношению к действиям и имуществу другого государства, второе государство, соответственно, получает право на освобождение от юрисдикции первого государства. В данном случае государство может пользоваться иммунитетом при возникновении гражданско-правового спора на территории другого государства. Ограничение юрисдикционного иммунитета иностранного государства относится к компетенции государственного суда, который, как правило, должен принимать во внимание характер деятельности осуществляемой иностранным государством и ее связь с осуществлением его суверенных властных полномочий. Суд, рассматривающий дело, будет руководствоваться национальным процессуальным законодательством. Тем не менее, в зависимости от закрепленного в нем подхода к определению иммунитета (концепция абсолютного или ограниченного иммунитета) будет зависеть возможность привлечения государства к участию в судебном процессе.

Вместе с тем, на сегодняшний день государства – члены ЕАЭС не согласовали единый подход к проблеме иммунитета государств в их взаимоотношениях с физическими и юридическими лицами иностранных государств. По данному вопросу в национальных законодательствах стран ЕАЭС имеются существенные расхождения. Особенно это заметно на примере действующего законодательства Республики Казахстан, в котором прописана теория ограниченного иммунитета государства. В этом имеется потенциальная опасность возникновения межгосударственных разногласий между отдельными участниками ЕАЭС.

Устранить имеющуюся такого рода противоречия, по нашему мнению, можно только путем принятия соответствующего международного договора – Евразийскую конвенцию об иммунитете государств – участников ЕАЭС. Названная конвенция должна быть основана на теории абсолютного иммунитета, предусматривая вместе с тем ситуацию, когда государство – участник ЕАЭС может отказаться от собственного иммунитета [4, с. 126–127].

Таким образом необходимо отметить, что современное состояние мировой экономики, нестабильная геополитическая обстановка, широкое использование значительным числом государств санкций экономического и политического характера объективно препятствуют последовательному развитию межгосударственного сотрудничества.

Интернационализация экономических процессов сегодня обуславливает необходимость поиска новых форм участия государства в международных экономических отношениях. В таких условиях роль современного государства в обеспечении и реализации прав в экономической сфере существенно возрастает. На постсоветском пространстве примером успешной экономической интеграции, обеспечивающей восстановление и развитие кооперационных связей, является Евразийский экономический союз.

Главной стратегической целью социально–экономических преобразований в ЕАЭС, по нашему мнению, должно быть защита на всех уровнях государственных интересов участников ЕАЭС, которые в перспективе не только сохра-

нят, но и обеспечат рост благосостояния экономик данных государств.

Очевидно, что для интегрированных международных организаций, включая ЕАЭС, существует необходимость иметь единую договорную основу в вопросе иммунитета государств во взаимоотношениях с иностранными физическими и юридическими лицами.

Суверенитет государства в международном праве неделим, он действует независимо от характера возникающих публичных либо частноправовых правоотношений. Вместе с тем государство может добровольно в необходимых случаях его ограничить.

Библиографические ссылки

1. Тихиня, В.Г. Интеграционные процессы современной Беларуси / В.Г. Тихиня. – Минск: Право и экономика, 2021. – 102 с.
2. Михалева, Т.Н. Право Евразийского экономического союза: учеб.–метод. пособие / Т.Н. Михалева. – Минск: БГУ, 2022. – 191 с.
3. Тихиня, В.Г. Международное частное право: учебник / В.Г. Тихиня, Н.И. Рудович. – Минск: Акад.МВД, 2014. – 367 с.
4. Барышев, В.А. Международное частное право: учеб.пособие / В.А. Барышев. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2013. – 416 с.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОММЕРЧЕСКОМУ ШПИОНАЖУ В ЕАЭС

Е.В. Стельмах

*кандидат юридических наук,
доцент кафедры евразийских исследований,
Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, eugeniy.stelmakh@mail.ru*

Немалая часть информации, находящейся в сфере деятельности хозяйствующих субъектов и граждан, представляет особую ценность (или коммерческую значимость) как для самих организаций, так и для их партнеров или клиентов. Следствием этого являются особое отношение к такой информации, исключающее широкую ее огласку, и меры, принимаемые для ее охраны. Некоторые из этих сведений не подлежат огласке не только в силу нежелания заинтересованных в этом лиц, но и в силу прямого указания на то закона. В работе предложены пути совершенствования Уголовных кодексов стран-участниц ЕАЭС.

Ключевые слова: коммерческий шпионаж, коммерческая тайна, банковская тайна, налоговая тайна, предмет преступления, способ совершения преступления, гармонизация законодательства.

Немалая часть информации, находящейся в сфере деятельности хозяйствующих субъектов и граждан, представляет особую ценность (или коммерческую значимость) как для самих организаций, так и для их партнеров или клиентов. Следствием этого являются особое отношение к такой информации, исключающее широкую ее огласку, и меры, принимаемые для ее охраны. Некоторые из этих сведений не подлежат огласке не только в силу нежелания заинтересованных в этом лиц, но и в силу прямого указания на то закона.

Анализ публикаций, свидетельствует о большом внимании к вопросам, связанным с промышленным и экономическим шпионажем. Последние годы характерны также тем, что все чаще предметом обсуждения становятся конкурентная, коммерческая, деловая, корпоративная и бизнес – разведка, а также присущие им методы недобросовестной конкуренции. Вместе с тем использование терминов «промышленный шпионаж» и «экономический шпионаж».

Информация, аккумулируемая в предпринимательских и банковских структурах, особенно ее конфиденциальная составляющая, всегда имела большую ценность и была и остается «лакомым куском» для злоумышленников. В наши дни это особенно актуально. Как указывает специалист в области экономической разведки П. Швейзер, «коммерческие и промышленные секреты становятся более важными, чем военные ... и подсчет металлорежущих станков приобретает большую актуальность, чем выявление боевых машин» [1]. Бывший директор Главного управления внешней безопасности (DGSE), спецслужбы французского разведывательного сообщества К. Сильберзан заявил, что «современный шпионаж является главным образом экономическим, научным, техническим и финансовым» [2].

В соответствии с принятым в США в 1996 г. Законом об экономическом

шпионаже (The Economic Espionage Act, ЕЕА) и комментариями к нему под экономическим шпионажем (Economic espionage) понимают осуществление субъектом злонамеренных действий, связанных с: (1) кражей, незаконным присвоением, а также получением путем обмана или мошенничества информации, составляющей коммерческую тайну (секрет производства); (2) копированием, воспроизведением, уничтожением, скачиванием и передачей (в том числе по сети) информации, составляющей коммерческую тайну (секрет производства); (3) получением информации, составляющей коммерческую тайну (секрет производства) с осознанием того, что она была присвоена или преобразована без соответствующего на то разрешения, с целью предоставления выгоды (преимущества) иностранному правительству, государственному органу или агенту. А под промышленным шпионажем (Industrial espionage or Theft of trade secrets) те же действия, но с целью нанесения ущерба обладателю информации, составляющей коммерческую тайну, связанной с производством продукта, поставляемого на внутренний и международный рынок путем предоставления экономической выгоды субъекту, не являющемуся обладателем информации, составляющей коммерческую тайну. И в зависимости от того, имел место экономический (кража промышленных секретов в пользу иностранных государств) или промышленный шпионаж (кража промышленных секретов в коммерческих целях) в США предусматриваются и различные меры наказания [3]. Понятие «коммерческий шпионаж» также используется в уголовном законодательстве Республики Беларусь, содержание которого наиболее подходит для описания рассматриваемого общественно опасного деяния.

17 февраля 1996 года был принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств рекомендательный законодательный акт – Модельный уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств (далее – Модельный кодекс). В ст. 269 Модельного кодекса предусмотрена уголовная ответственность за незаконное получение информации составляющей коммерческую или банковскую тайну.

Республика Беларусь учитывала данные отдельные рекомендации и включила в Уголовный кодекс Республики Беларусь ст. 254 «коммерческий шпионаж», диспозиция которой сформулирована следующим образом: »1. Похищение либо собирание незаконным способом сведений, составляющих коммерческую и или банковскую тайну, с целью их разглашения либо незаконного использования (коммерческий шпионаж); 2. Коммерческий шпионаж, повлекший причинение ущерба в особо крупном размере». В предмет преступления белорусский законодатель включает понятие коммерческой тайны и банковской тайны. Отличается название – коммерческий шпионаж.

В Уголовном кодексе Российской Федерации закреплена ст. 183, предусматривающая уголовную ответственность за незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну. В отличие от Уголовного кодекса Республики Беларусь, в Уголовном кодексе Российской Федерации в предмете рассматриваемого преступления добавлен такой вид охраняемой тайны как налоговая тайна.

В Уголовному законодательству Республики Казахстан также известен схожий состав. Так, ст. 223 Уголовного кодекса Республики Казахстан предусматривает уголовную ответственность за незаконные получение, разглашение или использование сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну, налоговую тайну, полученную в ходе горизонтального мониторинга, тайну коллекторской деятельности, а также информации, связанной с легализацией имущества. Законодательство Республики Казахстан в предмет преступления включает, помимо коммерческой, банковской и налоговой тайны, также такие вид тайн как: тайну коллекторской деятельности; информации, связанной с легализацией имущества; тайной предоставления микрокредита (данный вид тайны в законодательствах Республике Беларусь и Российской Федерации относится к банковской тайне).

Кроме того, в законодательстве Казахстана также указываются такие способы совершения преступления как: перехват в средствах связи; незаконного проникновения в компьютерную систему или сеть; использования специальных технических средств. Как представляется данная позиция заслуживает внимания для целей дальнейшей гармонизации уголовных законодательств Республики Беларусь и Российской Федерации.

Таким образом, для более эффективного достижения экономических целей развития различных рынков ЕАЭС, гармонизации законодательства, в том числе и уголовного, представляется целесообразным рассмотреть положительный опыт названия ст. 254 Уголовного кодекса Республики Беларусь, а также расширить предмет преступления и способы совершения преступления по примеру Уголовного кодекса Республики Казахстан. Данные положительные примеры будут способствовать улучшению правовой защите субъектов хозяйственной деятельности в рамках единых рынков ЕАЭС.

Библиографические ссылки

1. Шаваев А. Г. Безопасность корпораций. Криминологические, уголовно-правовые и организационные проблемы / А. Г. Шаваев - М.: Концерн "Банковский Деловой Центр", 1998. - 240 с.
2. Доронин А. И. Бизнес-разведка / А. И. Доронин – Москва : Ось-89, 2002. – 288 с.
3. Кравцов А.А., Желнов И.И. О промышленном и коммерческом шпионаже, а также недобросовестной конкуренции / А.А. Кравцов, И.И. Желнов // Мир науки. Педагогика и психология. – 2014. – №1. – С. 1-10.

КОНСТИТУЦИОННО–ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА КОНКУРЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КОНКУРЕНТНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РАМКАХ ЕАЭС

А. А. Трипузова,

заведующий сектором

правового обеспечения социально–экономического развития

ГНУ «Институт экономики Национальной академии наук Беларуси»

ул. Сурганова 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь, antonina.ttt@mail.ru

В статье обосновывается необходимость и подчеркивается важная роль конституционно-правовой защиты и развития конкурентного сотрудничества в рамках ЕАЭС. Рассматриваются стратегические экономические цели, проблемы и перспективы в сфере конкуренции, в том числе выделяются особенности ее конституционно–правовой защиты в условиях цифровой экономики. Подчеркивается, что конкуренция должна стать не самоцелью, а выступать, прежде всего, средством для достижения конечных целей экономической политики, обеспечения экономической безопасности и укрепления экономического суверенитета каждого государства – участника ЕАЭС, а также интеграционного объединения в целом. Внесены предложения по защите конкуренции и развитию конкурентного сотрудничества на основе поиска разумного баланса национальных и наднациональных интересов, конкуренции и кооперации.

Ключевые слова: конституционно-правовая защита, конкуренция, конкурентное сотрудничество, монополистическая деятельность, антимонопольное законодательство, ЕАЭС.

Современная динамика социально–экономических и политических отношений, обострение недобросовестной межстрановой конкуренции, экономические санкции против Республики Беларусь – с одной стороны, и закономерный курс на углубление экономической евразийской интеграции – с другой стороны, актуализируют вопросы конституционно–правовой защиты конкуренции и определение перспектив конкурентного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), активным участником которого является наше государство.

Защита конкуренции относится к числу ключевых конституционных принципов, на которых базируется антимонопольное (конкурентное) законодательство государств – членов ЕАЭС. Невозможно также реализовать задачу построения общего рынка без соблюдения его субъектами основополагающих правил конкуренции на рынке.

В условиях глобализации и интеграции Конституционный Суд Республики Беларусь указывает на роль международного права как правовой гарантии международной безопасности и эффективного сотрудничества, при этом он подчеркивает, что в целях охраны основ конституционного строя необходимо, чтобы в наднациональном законодательстве уровень защиты прав и свобод граждан был не ниже, чем предусмотрено Конституцией [5, с. 124]. Так, следует вырабатывать действенные правовые механизмы обеспечения баланса национальных и наднациональных интересов исходя из верховенства Конституции, конституционных основ государственного устройства, суверенитета Республики Беларусь (послания о состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2019, 2020, 2022 гг.).

В то же время, как правильно считает Г. Н. Москалевич, антимонопольное законодательство стран – членов ЕАЭС и наднациональное законодательство по вопросам создания конкурентной среды в интеграционном объединении нуждается в развитии и совершенствовании с опорой на конституционные принципы [7, с. 133].

Методы и организация исследования. Основополагающие принципы и нормы регулирования экономической деятельности участниц ЕАЭС зафиксированы в национальных конституциях.

Отметим, что три из пяти государств–членов ЕАЭС прямо закрепили в своих Основных Законах нормы о защите конкуренции. Так, Конституцией Российской Федерации не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию (статья 34). Согласно ст. 26 Конституции Республики Казахстан монополистическая деятельность регулируется и ограничивается законом. В ст. 59 Конституции Республики Армении запрещены злоупотребление монопольным или доминирующим положением на рынке, недобросовестная конкуренция и антиконкурентные отношения.

В Основных Законах Беларуси и Кыргызстана принцип защиты конкуренции, хотя прямо и не указан, но вытекает из конституционных норм о базовых отношениях в сфере экономики и реализуется в национальном законодательстве.

Так, на основе анализа статей 13, 23, 44, 59 Конституционный Суд Республики Беларусь в своем решении от 04.12. 2013 № Р–862/2013 указал обязанность государства поддерживать конкуренцию, противодействовать ее недопущению, ограничению, устранению со стороны государственных органов, иных организаций, предупреждать и пресекать монополистическую деятельность и недобросовестную конкуренцию, создавать условия для эффективного функционирования товарных рынков.

Высокая степень корреляции конституционных принципов экономического строя государств – членов ЕАЭС свидетельствует о возможности и необходимости конституционно-правовой защиты конкуренции и гармонизации антимонопольного законодательства в рамках правового обеспечения процессов экономической евразийской интеграции.

При этом, исходя из конституционных положений, свобода конкуренции не является абсолютным правом, может и должна быть ограничена государством при нарушении прав и законных интересов иных участников экономических отношений. Конституционно–правовая защита конкуренции предполагает обеспечение государством, законодателем и правоприменителем баланса публичных и частных интересов, которые должны гармонично сочетаться и уравновешиваться. Следовательно, конкуренции выступает не самоцелью, а средством развития экономики. В свою очередь, защита конкуренция не должна являться самоцелью и в рамках ЕАЭС, она в первую очередь должна выступать средством для достижения конечных целей как экономической политики и обеспечения экономической безопасности каждой из стран, так и интеграционного объединения в целом [9, с. 163].

Исходя из подходов законодателей большинства государств – членов ЕАЭС, защита конкуренции включает в себя противодействие монополистиче-

ской деятельности, а также предупреждение и пресечение недобросовестной конкуренции.

Защита и развитие конкуренции – одни из главных приоритетов как национальной государственной политики, так и политики интеграционного объединения.

Правила конкуренции для государств–членов ЕАЭС сформулированы на уровне наднациональных актов, в частности, в Договоре о Евразийском экономическом союзе 2014 г. (далее – ЕАЭС, Союз), которым признана и необходимость проведения согласованной антимонопольной политики.

В соответствии со ст. 3 Договора о ЕАЭС в числе основных принципов функционирования ЕАЭС указано соблюдение принципов добросовестной конкуренции. К общим правилам конкуренции в том числе отнесены запреты на злоупотребление доминирующим положением, недобросовестную конкуренцию, антиконкурентные соглашения.

Интеграционные процессы, в частности, подразумевают выработку единых подходов к основным положениям законов о защите конкуренции государств–членов, контроль за соблюдением антимонопольного законодательства и определению санкций за антимонопольные действия (ст. 75 Договора о ЕАЭС).

Работа Евразийской экономической комиссия (ЕЭК) призвана содействовать сотрудничеству между государствами – членами ЕАЭС.

В ЕАЭС предусмотрено специальное регулирование сотрудничества в сфере конкуренции, в частности: Раздел V «Взаимодействие уполномоченных органов государств–членов» и Раздел VI «Взаимодействие Комиссии и уполномоченных органов государств–членов при осуществлении контроля за соблюдением общих правил конкуренции», Протокол к Договору о ЕАЭС «Об общих принципах и правилах конкуренции», Соглашение о порядке защиты конфиденциальной информации и ответственности за ее разглашение при осуществлении ЕЭК полномочий по контролю за соблюдением единых правил конкуренции.

Защита конкуренции и антимонопольное регулирование признаны в качестве инструмента повышения эффективности функционирования рынков товаров как одного из стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года в одноименном документе, утвержденном решением Высшего Евразийского экономического совета ЕАЭС от 11.12.2020 № 12 (далее – Стратегия ЕАЭС). Важным стратегическим направлением определено полное устранение барьеров и максимальное сокращение изъятий и ограничений и обеспечение соблюдения общих принципов и правил конкуренции на внутреннем рынке Союза.

Для достижения данных целей и согласованного противодействия монополистическим тенденциям коллективного Запада важно развивать конкурентное сотрудничество стран – участниц ЕАЭС по ряду стратегических позиций на взаимовыгодных условиях. Как отмечает В. А. Румянцев, новый взгляд на понятия конкуренции и сотрудничества подразумевает переход от их противопоставления к восприятию как взаимосвязанных, не исключających, а взаимодополняющих форм взаимодействия на рынке. Под конкурентным сотрудничеством в рамках интеграционных объединений предлагается понимать комбинацию двух диаметрально противоположных видов взаимодействия: соперничество между участниками эконо-

мических отношений при единых правилах для них, что создается конкуренцией, и совместная деятельность для достижения общих целей, что обеспечивается сотрудничеством. Основными направлениями реализации такой формы выступает конкурентное сотрудничество между региональными объединениями, а также между хозяйствующими субъектами в региональных объединениях [8, с. 113].

Для развития конкурентного сотрудничества стран–членов ЕАЭС имеются все необходимые условия. Ключевым направлением взаимодействия является создание равных условий для хозяйствующих субъектов, что невозможно без эффективного и согласованного правового регулирования.

Так, важнейшим документом, регулирующим конкурентное сотрудничество в рамках Союзного государства Беларуси и России, является Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве в области защиты конкуренции, принятое 27.02.2019. На создание равных и справедливых условий конкуренции для субъектов хозяйствования обеих стран, на обеспечение комплексного подхода при защите национальных интересов и развития конкурентного сотрудничества направлена Союзная программа в области единых правил конкуренции, утвержденная 04.11.2021 Декретом Высшего Государственного совета № 6 «Об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021–2023 гг.». В рамках реализации данной Союзной программы руководители антимонопольных ведомств Беларуси и России 09.11.2022 подписали Межправительственное соглашение о единых правилах конкуренции, которое предусматривает применение законодательства к хозяйствующим субъектам Союзного государства на равных условиях. Именно равенство прав и возможностей является основой для защиты и развития добросовестной конкуренции на пространстве Союзного государства.

Дальнейшая гармонизация национального антимонопольного законодательства и развитие правового обеспечения конкурентного сотрудничества стран ЕАЭС – перспективные направления и для целей евразийской интеграции.

Как правильно отмечает Г. А. Василевич и другие ученые, экономическая и правовая интеграция – взаимосвязанные и взаимообусловленные явления, поэтому в связи с развитием интеграционных процессов в рамках ЕАЭС требуется совершенствование имплементационных механизмов с учетом права ЕАЭС, которое составляет помимо международных договоров решения органов ЕАЭС, находящиеся между собой в иерархической взаимосвязи [3, с. 135].

Актуальным остается проблема защиты конкуренции на трансграничных рынках в рамках интеграционного взаимодействия.

Согласны с мнением Ю. А. Амелъчени о том, что одновременно членство в ЕАЭС и необходимость обеспечения национального режима, в том числе в сфере государственных закупок, требуют создания равных возможностей в первую очередь для резидентов государств – членов ЕАЭС [1, с. 13].

Цифровизация экономических отношений актуализирует вопросы совершенствования конституционно-правовых мер защиты и развития конкуренции, отвечающим цифровым возможностям и вызовам. Конституционный Суд Республики Беларусь последовательно в посланиях о состоянии конституционной

законности в Республике Беларусь в 2019, 2020 и 2021 гг. обращает внимание законодателя на то, что конституционализация формирующегося информационно–цифрового пространства требует своевременного и эффективного законодательного регулирования. В качестве приоритетного направления названо организационно–правовое обеспечение цифровой экономики.

На пространстве ЕАЭС цифровая торговля растет в среднем на 30 % в год. Перспективность перехода к цифровизации ЕАЭС отражена в основных направлениях реализации Цифровой повестки ЕАЭС до 2025 года, где цифровая трансформация рассматривается как ключевой фактор развития Союза [2, с. 269].

Представляется, что решению обозначенной выше проблемы обеспечения равного доступа к государственным закупкам будет способствовать предусмотренная Стратегией ЕАЭС выработка комплекса мер по полноценной цифровизации государственных закупок в государствах–членах, включая план мероприятий, направленных на обеспечение информационной открытости и прозрачности закупок, в том числе путем создания каждым государством–членом веб–портала и публикации на нем информации о закупках, реестра недобросовестных поставщиков.

При очевидном преимуществе цифровых технологий нельзя недооценивать и серьезные угрозы, например, монополизации рынков с использованием «цифровых картелей», злоупотребление доминирующим положением новыми цифровыми компаниями, риски сговоров на торгах с помощью аукционных роботов [9, с. 163].

Следовательно, важной задачей сотрудничества государств–участников ЕАЭС становится выработка правовых подходов, обеспечивающих в рамках интеграционного объединения защиту и развитие добросовестной конкуренции в условиях цифровой экономики, эффективное управление цифровыми преимуществами, антиконкурентными рисками и угрозами.

К перспективным направлениям в настоящее время относят и формирование с участием ЕАЭС так называемого Большого Евразийского партнерства, создание которого, по мнению С. Ю. Глазьева, «может послужить основой формирования нового мирохозяйственного уклада, отличающегося от нынешней системы либеральной глобализации восстановлением значения национального суверенитета и разнообразия национальных политик развития, полицентричностью, взаимовыгодностью международного экономического сотрудничества ...» [4; 6, с. 358].

Подчеркнем, что Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко 9 февраля 2023 г. одобрил проект меморандума об обязательствах Беларуси в целях получения статуса государства–члена Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Тем самым наша страна сделала выбор в пользу углубления евразийского сотрудничества, видит в нем свои политические и экономические интересы.

Как справедливо отмечает Т. Н. Михалёва, все более очевидной становится тенденция «интеграции интеграций» – создания межинтеграционных форм взаимодействия – зон свободной торговли, соглашений о партнерстве. Сопряжение ЕАЭС, ШОС, ОДКБ, по ее мнению, позволит выстроить трансрегиональную широкую зону партнерства, в том числе по вопросам экономической интегра-

ции, что влечет конвергенцию правовых систем интеграционных объединений [6, с. 358]. Такое сближение требует соблюдения баланса национальных и интеграционных интересов, предполагающего выработку надежных мер конституционно–правовой защиты конкуренции каждого государства–участника и правового обеспечения их эффективного конкурентного сотрудничества в условиях евразийской интеграции.

В условиях изменения внешнеэкономической ситуации, связанной с санкционным давлением «коллективного Запада» и обострением межстрановой конкуренции, возрастает роль эффективного обеспечения конституционно–правовой защиты конкуренции как на национальном уровне, так и на уровне межгосударственной экономической интеграции в формате ЕАЭС с учетом национальных интересов его государств – членов.

Защита конкуренции признана в качестве инструмента повышения эффективности функционирования рынков товаров как одного из стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 г. В числе задач в рамках данного направления предусмотрено поэтапное совершенствование права Союза в целях пресечения нарушений общих правил конкуренции на трансграничных рынках, в том числе с учетом правоприменительной практики ЕЭК.

Не вызывает сомнений важность усиления конкурентного сотрудничества государств–участников ЕАЭС, в том числе за счет создания равной конкурентной среды, полного устранения барьеров, максимального сокращения изъятий и ограничений и обеспечение соблюдения общих принципов и правил конкуренции на внутреннем рынке Союза.

Дальнейшее развитие интеграционного конкурентного сотрудничества в названном направлении на основе поиска разумного баланса национальных и наднациональных интересов, конкуренции и кооперации является закономерным.

В числе первоочередных мер по решению задачи развития интеграционных отношений в рамках Союза – совершенствование и гармонизация антимонопольного законодательства, создание единых антимонопольных правовых механизмов, обеспечивающих получение равных конкурентных условий и формирование прозрачной конкурентной среды на общих рынках ЕАЭС, а также эффективное управление цифровыми преимуществами, антиконкурентными рисками и угрозами.

Библиографические ссылки

1. Амеличя, Ю. А. К вопросу о реализации и правоприменении принципа равенства участников гражданских отношений в законодательстве государств–членов Евразийского экономического союза / Ю. А. Амеличя // Актуальные проблемы развития законодательства в сфере экономики, природопользования и охраны окружающей среды: сб. науч. ст. – Минск: Колорград, 2018. – С. 7–29.

2. Борисенок, А. М. Особенности развития международной цифровой торговли на современном этапе в ЕАЭС / А. М. Борисенок // Аналитика устойчивого развития и безопасности Большой Евразии. Образ будущего: угрозы, вызовы и риски: II Евразийский аналитический форум: сб. докл. / ред.кол.: Н.Н.Бордюжа [и др.]. – Минск: Междунар. ун-т «МИТСО»,

2022. – С. 268–273.

3. Василевич, Г. А. Интеграционное право Евразийского экономического союза: проблемы становления и развития / Г. А. Василевич, А.А. Каширкина, А. Н. Морозов // Право в современном белорусском обществе: сб. науч. тр.: выпуск 13. – Минск: Колоград, 2018. – С. 126–137.

4. Глазьев, С. Ю. ЕАЭС: от политики STATUS QUO к сценарию «Собственный центр силы» / С. Ю. Глазьев // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2021. – № 14 (1). – С. 11–14.

5. Карпович, Н. А. Конституционные основы социально–экономического развития Республики Беларусь / Н. А. Карпович // Право в современном белорусском обществе: сб. науч. тр.: выпуск 16. – Минск: Колоград, 2021. – С. 118–126.

6. Михалёва, Т. Н. Стратегия Евразийской интеграции – 2025: объединяя потенциалы / Т. Н. Михалева // Аналитика устойчивого развития и безопасности Большой Евразии. Образ будущего: угрозы, вызовы и риски: II Евразийский аналитический форум: сб. докл. / ред.кол.: Н.Н.Бордюжа [и др.]. – Минск: Междунар. ун-т «МИТСО», 2022. – С. 355–359.

7. Москалевич, Г. Н. Конституционные принципы антимонопольного (конкурентного) права стран – членов ЕАЭС / Г. Н. Москалевич // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. – 2021. – № 3. – С. 130–147.

8. Румянцев, В. А. Анализ конкурентного сотрудничества Беларуси на евразийском интеграционном пространстве / В. А. Румянцев // Стратегия развития экономики Беларуси: вызовы, инструменты реализации и перспективы: сб. науч. ст.: Т. 2 / ред.кол.: В.Л. Гурский [и др.]; Институт экономики НАН Беларуси. – Мн.: Право и экономика, 2021. – С. 113–118.

9. Трипузова, А. А. Актуальные направления конституционно–правового регулирования монополистической деятельности и развития конкуренции в условиях Евразийской экономической интеграции / А. А. Трипузова // Аналитика устойчивого развития и безопасности Большой Евразии. Образ будущего: угрозы, вызовы и риски: II Евразийский аналитический форум: сб. докл. / ред.кол.: Н.Н.Бордюжа [и др.]. – Минск: Междунар. ун-т «МИТСО», 2022. – С. 161–166.

НАУЧНАЯ СЕССИЯ 3 РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

СПЕЦИФИКА МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ БЕЛАРУСИ: ОПЫТ ЕАЭС

В.Э. Василевская,

*аспирант кафедры международных отношений,
Белорусский государственный университет,*

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, vasilevskaya.v.e@mail.ru

В статье рассматривается сущность международной экономической интеграции, а именно генезис и эволюция развития; предпосылки образования; факторы, обуславливающие специфику интеграции в различных странах. Внимание концентрируется на опыте Республики Беларусь в проекции ЕАЭС. Представлен исторический анализ образования евразийского интеграционного объединения, от создания таможенного союза до единого экономического пространства. Приводятся содержательные примеры законодательного фундамента ЕАЭС в исторической ретроспективе. Анализируются экономические показатели ЕАЭС: валовой внутренний продукт, объем промышленного производства, инвестиционный капитал, товарооборот. Отмечаются противоречия, продуцированные в рамках единого рынка.

Ключевые слова: ЕАЭС, интернационализация, таможенный союз, транснационализация, экономическая интеграция.

Зарождение экономической интеграции тесно связано с идейными изменениями общемирового хозяйства в XV–XVII вв. на фоне заката золотой эпохи итальянских республик, когда блокирование османами торгового пути в Индию, инициировало переориентацию западноевропейских государств на новые рынки. Как следствие, прогрессивно активизировались рыночные контакты между метрополиями и колониями, увеличились объемы внешнеторгового товарооборота и вывозимого капитала.

Развитию международной экономической интеграции способствовали достижения научно–технических революций рубежа XIX–XX вв., отразившиеся на обновлении производственного фундамента, а именно механизации и электрификации промышленного и аграрного сектора. При этом результатом технологических трансформаций является не только рост поставок товарной массы на внутренние и внешние рынки, а также появление новых кредитно-финансовых и страховых институтов, фондовых бирж, но и, в первую очередь, обострение конкуренции, как важного механизма рыночных отношений. Более того, весомым фактором развития интеграции в экономической проекции является процесс интернационализации и транснационализации. Если первый процесс приводит к сближению национальных экономик, то второй – позволяет лидировать транснациональным корпорациям на рынке. К предпосылкам образования международной экономической интеграции относят:

– *географическую близость*, что предполагает наличие общей территориальной границы и истории экономических отношений, наиболее чаще объеди-

няются субъекты единого континента, по причине упрощения транспортной и языковой коммуникации;

– *уровень экономического развития*, который должен отражать примерно равную степень зрелости экономик интегрирующих стран, что позволяет объединять хозяйственные механизмы и взаимодополнять институциональные структуры (здесь в качестве практического примера следует отметить, что наиболее прочной является интеграция развитых стран);

– *общность проблемного поля*, под которым понимают наличие схожих хозяйственных проблем, разрешить которые гораздо эффективнее в процессе интеграции;

– *привлекательность экономических результатов*, или так называемый эффект подражания, странам, достигшим впечатляющих экономических результатов благодаря объединению усилий [5, С. 24].

Специфика международной экономической интеграции различных стран определяется множеством факторов: ценностным фундаментом, мировоззренческими установками, отношением к власти, статусом законов, ресурсным потенциалом, географическими и климатическими условиями. Движение Республики Беларусь к независимому (самостоятельному) экономическому пути формировалось в сложных условиях, вытекающих из событий, вошедших в историю как способ «цивилизованного развода». После распада СССР и обретения суверенитета Беларусь вступила на новый этап строительства отношений добрососедства по всему периметру собственных границ. События 1991 года, инициировали фундаментальные перемены в международных отношениях, вследствие которых независимое государство было вынуждено мгновенно переориентировать, в том числе, национальную стратегию экономики, определить новые векторы торговой политики на мировой арене, курс был задан двумя основными векторами – западным и традиционным, т.е. сближением с постсоветскими странами.

В качестве методов в работе применялся структурно–функциональный метод, компаративный анализ, аналитический метод, а также общенаучные методы (анализ и синтез, индукция и дедукция, абстрагирование и обобщение).

В отличие от европейского опыта экономической интеграции, история отношений Беларуси с постсоветскими странами оказалась более предсказуемой. Уже к середине 90–х гг. в рамках СНГ выделились идейные лидеры объединения – Россия, Беларусь и Казахстан. В 1994 г., действующий на тот момент Президент Казахстана Н.А. Назарбаев, предложил идею создания экономической интеграции, подчеркнув, что республики бывшего Союза в большей степени подготовлены историей к объединению, чем какие–либо другие государства. Он также высказал интересную мысль, о том что, паническая боязнь возрождения союза, от распада которого еще не оправилось возбужденное общество, блокирует развитие сотрудничества. Однако реальные экономические законы, не зависят от государственных границ и политической конъюнктуры. Чем более страны с некогда единым мировоззрением отходят друг от друга, тем острее ощущается необходимость сближения: «Мы просто обречены доверять друг другу», – отметил тогда лидер Казахстана [2].

К пониманию необходимости укрепления национальных экономик общими усилиями страны пришли не сразу, в частности на тот момент, усиливались тенденции независимого, в некоторой степени даже дезинтеграционного экономического развития, а самоутверждение политических элит за счет провозглашения самостоятельного курса, ещё более усложняли неоднозначную ситуацию, которая изменилась к 1995 г. Тогда был создан таможенный союз России и Беларуси (доля России во внешнеторговом обороте Беларуси увеличилась с 45% в 1993 г., до 61% в 1995 г.), к которому почти сразу присоединился и Казахстан. Таким образом, сформировалось «интеграционное ядро», в наибольшей степени заинтересованное в единении. Между «тройкой» были отменены тарифные и количественные ограничения в торговле, переориентировано валютно–финансовое и налоговое законодательство.

Спустя год, экономическая интеграция стран вышла на новый уровень, объединив усилия и в гуманитарной сфере. Так в мае 1996 г. был подписан Договор об углубленной интеграции в экономической и гуманитарной областях, к которому помимо «стартовой тройки» присоединился и Кыргызстан. Как отмечается в содержании Договора, целью расширения интеграции является создание общего рынка (ст. 2), что предполагает, в том числе, формирование наднациональной координирующей структуры. Так, уже в феврале 1999 г. в рамках пяти государств (присоединился Таджикистан) был подписан Договор, учреждающий создание Единого экономического пространства, которое согласно определению настоящего Договора, обеспечивает свободное движение товаров, капитала и рабочей силы, посредством специальных структур (Межгосударственного Совета, Совета глав правительств, Интеграционного и Межпарламентского комитетов). Согласно договору непосредственно строительство Единого экономического пространства происходит поэтапно, а именно на первом этапе завершается формирование общей таможенной территории, на втором этапе создается общая рыночная инфраструктура, включающая согласование законодательства, обеспечение безбарьерного движения товаров, услуг и рабочей силы. Далее последующие этапы предполагают постепенное согласование макроэкономических показателей.

В реализации поставленных целей союзники были настроены достаточно решительно и в октябре 2000 г. даже создали отдельную интеграционную структуру – Евразийское экономическое сообщество (далее – ЕврАзЭС), с целью эффективного продвижения процесса формирования Единого экономического пространства. Высшим координационным органом был выбран Межгосударственный совет, в рамках которого определяется общая стратегия интеграции стран–участниц. Также в договоре, учреждающем ЕврАзЭС, впервые были прописаны квоты финансирования наднациональных структур интеграции, а именно России досталось 40%, Беларуси и Казахстану по 20%, а Кыргызстан и Таджикистан разделили по 10% [5, С. 168]. Таким образом, уже к началу нового столетия, идея экономического объединения прогрессировала в развитии. Тем не менее, наблюдались и серьезные барьеры, блокирующие достижение поставленных целей, обусловленные защитой индивидуальных экспортеров стран–участниц союза, страхом делегирования экономических полномочий. К примеру, Казахстан снял ограничения в торговле с Грузией,

не уведомив при этом остальных партнеров в рамках ЕврАзЭС, что соответственно значительно усложнило взаимодействие. Однако в 2006 г. «стартовая интеграционная тройка» (Россия, Беларуси и Казахстан) вновь расширяют объединение, путем создания таможенного союза в рамках ЕврАзЭС, координирующий орган которого (Евразийская экономическая комиссия) начал функционировать с февраля 2012 г.

Обращаясь к экономическим показателям, важно отметить, существенную динамику внешней торговли Беларуси с партнерами таможенного союза, в частности белорусский экспорт в Россию в 2011 г. достиг 14 508,6 млн. долл. США (в 2008 он составлял 10 551,9 млн. долл. США), а в Казахстан – 674,0 млн. долл. США (в 2008 г. – 365,2 млн. долл. США) [1, С. 41]. Положительная динамика способствовала дальнейшему усилению интеграции, уже в ноябре 2011 г. была подписана Декларация о евразийской экономической интеграции, свидетельствующая о переходе таможенного союза на следующий этап – экономический союз (завершить структурные реформы планировалось к январю 2015 г.). Формально договор о создании Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) был подписан в мае 2014 г., который вступил в силу в январе 2015 г. (в состав союза также вступили Армения и Кыргызстан). Согласно договору, цель объединения определяется как создание условий для эффективно-го и стабильного развития экономик стран–участниц союза, за счёт модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности. Особое внимание стоит сконцентрировать на отдельной статье Договора о мерах по развитию экспорта, где отмечается, что стороны будут объединять усилия для продвижения товаров и услуг государств–членов на рынки третьих стран. Инструментами продвижения являются страхование, кредитование, единая товарная маркировка, выставочно–ярмарочная деятельность и рекламные мероприятия.

Объединив экономический потенциал, странам удалось осилить мировой кризис 2008 г., по данным ЕАЭС, общий ВВП за 2015–2016 гг. сократился на 2,2%, вне общего рынка падение составило бы 3,3%. Для Беларуси как страны с экспортоориентированной экономикой, в торговле с ЕАЭС отмечается перспективная динамика, за период с 2015 по 2020 гг. со всеми партнерами в рамках союза удалось увеличить экспорт, который преимущественно составили молочная, мясная и машинная продукции [3, С. 80]. В отношении иных интеграционных объединений, ЕАЭС (55,6%), по индексу глубины интеграции, уступает лишь ЕС (82,7%), обогнав АСЕАН (52,7%) и МЕРКОСУР (48%). Более того, в 2018 году была принята Декларация о дальнейшем развитии ЕАЭС, усиливающая глубину интеграции за счет развития ключевых направлений:

- а) расширение единого рынка, путем ликвидации барьеров, препятствующих развитию предпринимательской инициативы и удовлетворению потребительских возможностей;
- б) стимулирование научно–технического прогресса, за счёт внедрения цифровых технологий, проведения совместных научно–исследовательских работ, формирования единой системы управления и финансирования инновационных проектов;
- с) повышение благосостояния граждан стран–участниц ЕАЭС, через активизацию межрегионального сотрудничества, совершенствование единого

образовательного пространства, либерализации здравоохранения, туризма и спорта;

d) развитие всестороннего сотрудничества союза с внешними партнёрами, прежде всего экономическими структурами ШОС, АСЕАН, ВТО, МЕРКОСУР, ЕС, ОЭСР.

По статистическим данным Евразийской экономической комиссии, на 2021 г. общий валовой внутренний продукт союза составил 2062,5 млрд. долл. США, наибольшая доля приходится на Россию (86,25%) и Казахстан (9,36%). В целом, на период 2017–2021 гг. динамика общего ВВП положительна, если в 2017 г. он составил 1815,3 млрд. долл. США, то к 2019 г. увеличился на 8,08%, в связи с мировым кризисом в 2020 г. фиксировался спад на 12,43%. Доля Беларуси в общем ВВП ЕАЭС в 2021 г. составила 3,31%, наибольший вклад обрабатывающая промышленность, оптовая и розничная торговля, информация и связь, а также сельское и лесное хозяйство. Увеличились показатели промышленного производства, общий объём которого в 2017 г. составлял 1137,9 млрд. долл. США, а к 2021 г. достиг 1401,0 млрд. долл. США (рост составил 23,13%). Доля Беларуси в 2021 г. от общего объёма промышленного производства составила 4,34% (60,8 млрд. долл. США). Динамика инвестиций в основной капитал положительна, рост в период 2017–2021 гг. составил 13,05%, с 315,6 млрд. долл. США до 356,8 млрд. долл. США соответственно. Однако показатели Беларуси имеют отрицательную тенденцию, с 2019 г. фиксируется спад на 16,81%, с 13,8 млрд. долл. США до 11,9 млрд. долл. США. Обращаясь к показателям внешней торговли стран–участниц союза вне ЕАЭС, следует отметить, что в рассматриваемый период общий товарооборот увеличился на 33,13%, при этом экспорт стабильно превалирует над импортом (рост экспорта составил 35,87%, рост импорта – 28,84%). Беларуси удалось увеличить показатель на 44,23% в разрезе экспорта, импорт же в свою очередь увеличился на 23,4% [4, С. 15].

Подводя итог анализа образования и развития евразийской интеграции на примере ЕАЭС, важно также отметить ресурсный потенциал объединения. В отличие, например, от европейской интеграции, где преимущественную долю занимают импортеры ресурсов, евразийская интеграция характеризуется наличием в равной степени, как экспортеров, так и импортеров ресурсов. В связи с чем, субъекты хозяйствования ЕАЭС, имеют возможность приобретать относительно дешёвые ресурсы по внутренним ценам экспортеров. При этом, здесь же необходимо отметить, что данная тенденция одновременно инициирует противоречие, когда страна–импортер стремится перепродать приобретаемый по сниженным ценам товар за пределы единого рынка ЕАЭС. Так, к примеру, киргизский авиационный керосин, приобретаемый по заниженным российским ценам, поставлялся на американский рынок. Не менее остро ощущается противоречие, выражающиеся в «санкционном отягощении», когда ограничения в отношении ведущего актора ЕАЭС – России, «отзеркаливаются» на экономических показателях стран–участниц союза. Запрещённые товары попадают на рынок ЕАЭС под изменёнными характеристиками происхождения, что усложняет контроль и регулирование товарного потока (по нормативам ЕАЭС к стране

происхождения товара может быть отнесена страна, собственные затраты на производство которой составляют от 50%). Таким образом, торговые ограничительные меры одной из стран–участниц союза в отношении третьих стран (преимущественно ЕС), негативно отражаются на внутренней системе единого рынка, что продуцирует новые барьеры в торговле и тормозит развитие интеграционного объединения. Вместе с тем, сегодня актуальной тенденцией внешней торговли ЕАЭС является постепенное снижение роли ЕС, и расширение доли государств АРТ, прежде всего Китая. За 2021 г. доля Китая в общем обороте внешней торговли ЕАЭС и АТЭС составила 19,76%, при этом доля лидирующего партнера ЕАЭС в ЕС – Германии, составила 7,45%. В 2020 г. на фоне пандемии, удельный вес ЕС в товарообороте ЕАЭС составил 36,75%, а АТЭС соответственно – 36,41% (из которых 20,17% приходится на Китай), что свидетельствует об усилении сотрудничества с азиатско–тихоокеанского ареалом.

Библиографические ссылки

1. Внешняя торговля Республики Беларусь: статистический сборник [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sektor-ekonomiki/vneshnyaya-torgovlya/vneshnyaya-torgovlya-tovarami> – Дата доступа: 26.01.2023г.
2. Выступление Назарбаева Н.А. в Московском государственном университете [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://e-history.kz/ru/e-resources/show/>. – Дата доступа: 15.09.2022г.
3. Доклад «О состоянии взаимной торговли государствами – членами Евразийского экономического союза в 2019 году» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/Report_2019.pdf. – Дата доступа: 26.01.2023г.
4. Евразийский экономический союз в цифрах: краткий статистический сборник; Евразийская экономическая комиссия. – Москва: 2022 – 189 с.
5. Мисько, О.Н. Международная экономическая интеграция / О.Н. Мисько. – СПб: Университет ИТМО, 2015. – 174 с.

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ДРАЙВЕР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

О.В. Жданович

аспирант

Белорусский государственный университет,

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, Zhdan@bsu.by

Л.И. Тарарышкينا

кандидат экономических наук, доцент,

заведующий кафедры евразийских исследований,

Белорусский государственный университет,

пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, tararyshkina@rambler.ru

В данной статье рассматривается роль дистанционного образования в стимулировании экономического роста в государствах–членах Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Современный мир характеризуется быстрым технологическим прогрессом, глобализацией и высококонкурентной глобальной экономикой. Чтобы оставаться конкурентоспособными, страны должны инвестировать в развитие человеческого капитала, включая образование. Дистанционное образование, или электронное обучение, стало решающим инструментом в этом отношении, предлагая гибкие, удобные и экономически эффективные средства приобретения знаний и навыков. Также рассматриваются возможные препятствия и вызовы, с которыми может столкнуться дистанционное образование в интеграционном союзе. В заключение, предлагаются пути улучшения и дальнейшего развития дистанционного образования как фактора экономического роста в государствах–членах Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; дистанционное обучение; дистанционное образовательные технологии; инновации; информационные технологии.

Евразийский экономический союз (ЕАЭС, Союз) был создан в 2014 г. с целью содействия экономической интеграции и сотрудничеству между его государствами – членами. В состав ЕАЭС входят Россия, Казахстан, Кыргызстан, Армения и Беларусь. Союз стремится создать общий рынок товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также способствовать экономическому росту и развитию. В этом контексте развитие человеческого капитала через образование рассматривается как ключевой фактор экономического роста.

В последние годы развитие технологий и увеличение доступности онлайн–ресурсов привели к росту популярности дистанционного образования. Такая форма обучения, позволяющая учиться из любой точки мира, стала важным инструментом содействия экономическому росту и развитию в государствах–членах ЕАЭС.

В нормативных правовых актах каждого государства–члена ЕАЭС закреплены определения «дистанционное образование» или «электронное обучение». Так, в п.4 ст.16 Кодекса «Об образовании» Республики Беларусь закреплено следующее понятие: «Дистанционная форма получения образования – обучение и воспитание, предусматривающие преимущественно самостоятельное освоение».

ние содержания образовательной программы обучающимся и взаимодействие обучающегося и педагогических работников на основе использования дистанционных образовательных технологий.

Под дистанционными образовательными технологиями понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-коммуникационных технологий при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников» [1].

Дистанционное образование имеет ряд преимуществ перед традиционными формами обучения. Позволяет учиться в своем собственном темпе из любого места, где есть подключение к Интернету. Образование становится более доступным и удобным, особенно для тех, кто живет в отдаленных районах, имеет проблемы с мобильностью или не может посещать традиционные учебные заведения. Более широкий доступ к образованию помогает уменьшить неравенство и способствует социальной сплоченности, что имеет решающее значение для развития сильных и стабильных обществ.

Кроме того, программы дистанционного образования часто имеют меньшую стоимость по сравнению с традиционным образованием, что делает их более доступными для более широкого круга лиц.

Расширенный доступ к образованию помогает формировать высококвалифицированную рабочую силу, что необходимо для инноваций и конкурентоспособности в глобальной экономике. Кроме того, рост индустрии электронного обучения может также принести значительные экономические выгоды, создавая рабочие места и повышая экономическую активность в технологическом секторе.

Государства – члены ЕАЭС признали важность дистанционного образования для стимулирования экономического роста и предприняли шаги по его развитию. Например, правительство России запустило ряд инициатив, направленных на повышение качества и доступности электронного обучения, включая разработку национальной платформы дистанционного образования. В Казахстане также создан Национальный центр дистанционного обучения, а в Кыргызстане разработана стратегия развития электронного обучения в стране.

Рост дистанционного образования также оказал положительное влияние на сам сектор образования и обучения, создав новые возможности для преподавателей. В ЕАЭС дистанционное образование стало одним из источников доходов вузов и других образовательных учреждений, способствуя повышению финансовой устойчивости организаций.

Пандемия ускорила цифровую и технологическую трансформацию, создав условия для быстрого развития дистанционного образования. В последние годы, университеты и высшие школы все больше внедряют дистанционную форму обучения. Например, многие ведущие мировые университеты, такие как Гарвард, Массачусетский технологический институт и Оксфорд, используют дистанционные курсы в рамках своих основных программ онлайн – образования.

Принципы дистанционного обучения заключаются в доступности, гибкости, индивидуальном подходе, технологичности и интерактивности.

Вне зависимости от выгод, которые в целом приносит цифровая трансфор-

мация обществу, различные категории населения имеют неравный доступ к цифровым возможностям и данным, обладают неравной цифровой автономией.

Однако, развитие дистанционной формы получения образования может сыграть важную роль в улучшении социального развития населения, доступности и уровня образования. В таблице 1 приведем Рейтинг государств–членов ЕАЭС по индексу социального прогресса в 2020–2022 гг.

Таблица 1 – Рейтинг государств–членов ЕАЭС по индексу социального прогресса в 2020–2022 гг.

Государство–член ЕАЭС	2020	2021	2022
Армения	50	55	48
Беларусь	48	54	61
Казахстан	67	64	65
Кыргызстан	89	82	83
Россия	69	62	59

Примечание – Источник: разработка автора на основе [2].

Государства–члены ЕАЭС также продемонстрировали хороший уровень доступности университетского образования согласно Индексу социального прогресса. Улучшили свои позиции Армения и Россия, Беларусь заняла 61 место в рейтинге относительно 2021 г., страна была на 7 п. выше. Казахстан и Кыргызстан опустились на 1 п. относительно предыдущего периода.

В целом согласно международным рейтингам ЕАЭС обладает хорошим потенциалом в сфере образования, развития ИКТ – технологий, человеческого капитала и качества окружающей среды.

Несмотря на многочисленные преимущества дистанционного обучения, существуют и некоторые проблемы, которые необходимо решать. Эти проблемы включают в себя:

Развитие инфраструктуры. Одной из основных задач является обеспечение наличия необходимой технологической инфраструктуры для поддержки дистанционного образования. Это включает в себя обеспечение доступа государств–членов ЕАЭС к надежному и высокоскоростному интернету, а также необходимое оборудование и программное обеспечение для электронного обучения.

Обеспечение качества. Еще одна проблема заключается в обеспечении качества программ дистанционного обучения. Это требует разработки стандартов и регламентов дистанционного образования, а также механизмов контроля и оценки качества программ электронного обучения.

Подготовка преподавательских кадров. Для эффективного дистанционного обучения требуются хорошо подготовленный профессорско-преподавательских состав, способный эффективно предоставлять онлайн – учебные материалы. Государствам – членам ЕАЭС необходимо инвестировать в программы подготовки и повышения квалификации кадров, чтобы ППС обладали необходимыми навыками для эффективного преподавания в виртуальной среде.

Доступность. Хотя дистанционное образование обеспечивает большую доступность, однако оно также создает новые барьеры для некоторых групп, напри-

мер, для тех, кто живет в отдаленных или сельских районах, или для тех, у кого ограниченный доступ к технологиям. Государствам – членам ЕАЭС необходимо обеспечить доступность программ дистанционного образования для всех, независимо от местонахождения и социально–экономического положения.

Цифровой разрыв. «Цифровой разрыв» между теми, кто имеет доступ к технологиям, и теми, у кого его нет, вызывает растущую озабоченность в Союзе. Государствам–членам ЕАЭС необходимо устранить этот разрыв, чтобы обеспечить всем гражданам равный доступ к преимуществам дистанционного образования.

Интеграция с традиционным образованием. Еще одна проблема заключается в обеспечении того, чтобы дистанционное образование было интегрировано с традиционными формами образования и признавалось работодателями и академическими учреждениями. Это требует разработки политики и процедур для обеспечения того, чтобы программы дистанционного обучения были признаны действительными и эквивалентными традиционным образовательным программам.

Финансирование. Реализация успешной программы дистанционного обучения также требует значительного финансирования и ресурсов. Государствам–членам ЕАЭС необходимо выделить адекватное финансирование на разработку и реализацию программ дистанционного образования.

В целях эффективной реализации направленных на развитие экономического сотрудничества в сфере профессионального образования мер и механизмов Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года, подписанных главами государств – членов ЕАЭС, и дальнейшего развития единого рынка трудовых ресурсов Союза необходимо:

- развивать взаимовыгодные формы образовательного сотрудничества, обмениваться передовыми практиками и методиками обучения;

- развивать трансграничные дистанционные формы получения профессионального образования в государствах – членах ЕАЭС;

- способствовать совместной разработке образовательных онлайн – программ профессиональной подготовки и повышения квалификации по востребованным на едином рынке труда ЕАЭС специальностям, с последующим размещением онлайн–программ на популярных образовательных платформах;

- способствовать реализации возможности межгосударственного прохождения учебной (научной) практики студентов высших учебных заведений ЕАЭС, в том числе дистанционно;

- стремиться к формированию единого пространства ЕАЭС в сфере профессионального образования [3].

Необходима гармонизация национальных межгосударственных информационных платформ, а также формирование единых требований Союза. При этом зачастую обеспечить общую платформу не представляется возможным в связи с принципиальной позицией ряда государств по вопросу информационной безопасности под видом защиты суверенитета.

Таким образом, дистанционное образование является важнейшим инструментом развития человеческого капитала и стимулирования экономического

роста в государствах–членах ЕАЭС. Предлагая гибкое, удобное и доступное образование, оно может расширить доступ к образованию, создать высококвалифицированную рабочую силу и получить экономические выгоды.

Реализация программы дистанционного образования в ЕАЭС сталкивается с рядом проблем, включая необходимость развития инфраструктуры, обеспечения качества подготовки кадров, доступности, преодоления цифрового разрыва, интеграции с традиционным образованием и адекватного финансирования. Решение этих задач будет иметь решающее значение для успеха программ дистанционного образования ЕАЭС и обеспечения того, чтобы реализовать свой потенциал для стимулирования экономического роста в регионе.

Развитие дистанционного образования является мощным механизмом, который может способствовать экономическому росту государств–членов ЕАЭС. Сокращая затраты, связанные с традиционным образованием, улучшая доступ к образованию и обучению и устраняя нехватку навыков, которая становится все более распространенной во многих отраслях.

Для полной реализации потенциала дистанционного образования как драйвера экономического роста государствам–членам ЕАЭС важно продолжать инвестировать в развитие инфраструктуры электронного обучения, способствовать использованию технологий в образовании и обеспечивать качество программы дистанционного обучения. При правильной политике и инвестициях дистанционное образование может сыграть ключевую роль в поддержке экономического роста и развития в ЕАЭС.

Библиографические ссылки

1. Кодекс Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс]: Закон Республики Беларусь от 13 января 2011 г. (в ред. от 14 января 2022 г. №154–3) // Национальный правовой Интернет–портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk1100243>. – Дата доступа: 10.02.2023.
2. Рейтинг стран мира по уровню социального прогресса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/ratings/social-progress-index>. – Дата доступа: 11.02.2023.
3. О плане мероприятий по реализации Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года [Электронный ресурс]: Распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии от 05.04.2021 г. №4. – Режим доступа: <https://www.alta.ru/tamdoc/21s00004/>. – Дата доступа: 11.02.2023.

ЭКОНОМИКО–ФИНАНСОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ УПРАВЛЕНИЯ РЫНКОМ ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ЕАЭС

В. Д. Зайцева
аспирант,

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, victoriazaitseva1909@gmail.com*

Статья посвящена исследованию экономико–финансовых инструментов управления рынком объектов интеллектуальной собственности (ОИС). Рассматриваются перспективы кредитования под залог прав на объекты интеллектуальной собственности в контексте расширения функций банков в существующей инфраструктуре коммерциализации ОИС. Показано, что, несмотря на имеющийся положительный мировой опыт, банковские учреждения государств–членов ЕАЭС используют этот инструмент для развития рынка ОИС не активно, уделяя основное внимание традиционной практике кредитования инновационных проектов, популяризации и поддержке стартаповского движения. Сдерживающими факторами по внедрению практики кредитования под залог прав на ОИС являются риски обесценивания объектов интеллектуальной собственности и утраты прав собственности на них, трудность реализации предмета залога. Их устранению может содействовать привлечение банковских специалистов к разработке методических основ оценки объектов интеллектуальной собственности и активное участие банков в управлении рынком ОИС.

Ключевые слова: коммерциализация; объекты интеллектуальной собственности; кредитование интеллектуальной собственности; Евразийский экономический союз.

Конкурентоспособность любой страны на мировом рынке и рост ее экономики в современных условиях во многом зависит от эффективности процесса создания объектов интеллектуальной собственности (далее – ОИС) и их коммерциализации. Опыт развития рынка ОИС в странах – лидерах в области коммерциализации интеллектуальных разработок показывает, что результат коммерциализации ОИС зависит от применяемых экономических и финансовых инструментов¹. Тенденцией последних лет является включение в инфраструктуру коммерциализации ОИС банков и использование их потенциала для развития патентной активности². Например, в КНР государство стимулирует банки отслеживать и поддерживать перспективные инновационные проекты, выдавать кредиты под залог интеллектуальной собственности (далее – ИС) [1]. Объем

---

¹Общепринятая классификация инструментов управления рынком ОИС не создана. В большинстве случаев авторы выделяют информационные, организационные, экономические и правовые инструменты [7]. Экономические, как правило, включают в себя субсидии или гранты на внедрение ОИС в производство. В данной статье выделим экономико–финансовые инструменты, при этом основной акцент сделаем на кредитовании под залог прав на ОИС. Под кредитом понимаются экономические отношения между кредитором и заемщиком по поводу возвратного движения стоимости в товарной или денежной форме [8].

²Традиционная для стран ЕАЭС инфраструктура коммерциализации ОИС включает правительство, министерства, финансовые организации, понимаемые как организации, которые отвечают за поддержку и организацию работы исследовательского сообщества, участвуют в создании новых инновационных предприятий, выделяют финансовые ресурсы для реализации инновационных проектов [9], университеты, технопарки, бизнес–сообщество, исследовательские группы и исследователей–одиночек [10].

выданных ссуд под залог ИС в 2017 г. составил 10,5 млрд. долл. США, что превысило показатель в 2013 г. почти в три раза. Количество компаний, получивших такие кредиты, выросло с 530 в 2013 г. до 4 177 в 2017 г. [2].

Аналогичная ситуация наблюдается в Республике Корея, где кредиты в 2013 г. получили 235 компаний, а в 2017 г. – 429 компаний на сумму около 228 млн. долл. США [3]. По данным на середину 2021 г. в Китае ежегодный объем кредитования под залог интеллектуальных прав составляет около 30 млрд. долл. США, в Республике Корея – около 40 млрд. долл. США [4]. Привлечение банков для развития и коммерциализации ОИС используется на протяжении достаточно длительного периода времени в европейских странах и США наряду с участием государства в этом процессе [5].

С 1995 г. в Японии внедрена система патентных кредитов, залогом в которой выступают патенты и патентные заявки.

Правительство Сингапура с 2014 по 2018 г. реализовывало программу поддержки кредитования под залог интеллектуальной собственности. Ведомство интеллектуальной собственности Сингапура (далее – IPOS) заключило соглашения с банками по кредитованию под залог ИС, согласно которым IPOS несло совместные риски с банками и в случае дефолта проекта должно было возместить часть средств, выданных банком в качестве кредита. При этом IPOS также субсидировало затраты предпринимателей на оценку интеллектуальной собственности. За четыре года было поддержано три проекта, стоимость каждого из которых составляла до 12 млн. долл. США [6].

С учетом изложенного, можно говорить о положительном опыте вовлечения банковских учреждений в инфраструктуру коммерциализации ОИС. Рассмотрим опыт государств–членов Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) в этой области.

В государствах–членах ЕАЭС процесс вовлечения банков в инфраструктуру разработки и коммерциализации ОИС стимулируется развитием цифровой экономики. Как отмечают эксперты, одним из тревожных симптомов, проявившимся в настоящее время, является уход цифровой сферы (особенно в той части, которая касается развлекательной индустрии) из области доходности государства. Создаются продукты, ориентированные на частных клиентов, пользователей интернет – пространства. В создании участвуют микроорганизации по финансированию или так называемые «необанки», которые используют такой финансовый инструмент как кредитование, но при этом нередко привлекаются средства частных инвесторов, от которых в государственную казну не поступают налоговые платежи, в том числе из–за отсутствия в собственности традиционных материальных активов [4]. Таким образом, развитие цифровой экономики и кредитования в этой сфере способствуют вовлечению банков в процесс кредитования под нематериальные активы, к которым относятся ОИС.

В России АО «Тинькофф Банк» создал Целевой фонд поддержки исследований в области искусственного интеллекта и машинного обучения. ПАО «Сбербанк» в России предложил авторам инновационных проектов представлять свои идеи и наработки, а банк будет оказывать финансовую поддержку отобранным инновационным проектам. Например, компании группы Сбербанка

и Сколковский институт науки и технологий в декабре 2020 г. заключили сделку по созданию экосистемы для развития искусственного интеллекта в здравоохранении России [11]. В 2020 г. Банк выдал компании «Энергоэлемент», производителю литий-ионных аккумуляторов нового типа, 4,3 млн. российских рублей под 8,5% годовых, залогом выступили патентные права на два изобретения компании [4].

За январь–февраль 2021 г. банки в России выдали компаниям малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) кредитов под залог интеллектуальной собственности на сумму 619 млн. российских руб. с обеспечением независимыми гарантиями Корпорации МСП (Федеральной корпорации по развитию малого и среднего предпринимательства). В 2021 г. МСП Банк, дочерний банк Корпорации МСП, планировал обеспечить кредитование субъектов МСП под залог прав на ОИС в объеме не менее 5,5 млрд. российских руб., в том числе с гарантийной поддержкой Корпорации МСП [12].

В рамках национального проекта МСП 12 компаний открыли кредитные линии в российских банках на общую сумму около 2 млрд. российских руб. под залог прав на результаты интеллектуальной деятельности с гарантией от Корпорации МСП. В двух из 12 сделок интеллектуальная собственность была единственным предметом залога [13].

Летом 2021 г. в России залог под нематериальные активы (ИС) был переведен во вторую категорию качества, что приравнивало его к залому под недвижимость [14]. Это позволило банкам свободнее распоряжаться кредитными ресурсами под залог ОИС.

Правительство Российской Федерации также разработало вариант концепции технологического развития России до 2030 г. Суть концепции заключается в создании механизмов коммерциализации ОИС, в том числе возможности использовать ее как залог при получении кредита. Такая система предполагает развитие механизмов оценки ИС, а также усовершенствование модели решения споров по правам на нее. Итоговый вариант документа планируют утвердить в марте 2023 г. [15]. Для реализации данной концепции, по словам экспертов в области ОИС, необходимо определить четкие критерии для банков и регулятора, каким образом должна производиться оценка ИС. Для этого в структуре Роспатента был создан специальный центр. Роспатент проводит работу также в направлении создания методики по оценке интеллектуальных прав.

Барьером на этом пути эксперты в сфере банковского сектора считают недостаточное количество ликвидной интеллектуальной собственности на рынке России. Владелец интеллектуальных прав на продукт, при появлении усовершенствованного экземпляра, несет риск, когда конструкторская документация на его ОИС приобретает нулевую стоимость. Для изменения этой ситуации, банки должны обладать экспертной функцией оценщиков инвестиций. Выдавая кредит, им следует понимать, станет ли креативный продукт востребованным, сможет ли он зарабатывать и встроиться в рынок. На практике возникает ситуация, когда банки не могут прогнозировать стоимость залога на продолжительное время и быть уверенными, что, если компания, которая получила деньги под залог ИС, не сможет выплачивать кредит, разработку получится быстро

продать и возместить убытки [16].

В Российской Федерации действует ряд требований, при соблюдении которых ИС может стать предметом залога в банке:

регистрации в Роспатенте в качестве патента, товарного знака, программы ЭВМ или базы данных, при этом товарный знак сам по себе не может быть залогом, только совместно с другой, более прикладной ИС;

регистрации в федеральном органе исполнительной власти по селекционным достижениям, если в качестве залога нужно использовать селекционные достижения;

подтверждению факта, что организация действительно использует эти разработки в своей коммерческой деятельности и прошла оценку ИС и установила ее рыночную стоимость.

Представители производственного сектора в то же время отмечают, что у компаний уже есть оценки стоимости прав на свои разработки, однако банки все еще не готовы в полной мере рассматривать ИС в качестве залога. В настоящее время единственным на практике ОИС для получения кредита в банке под залог является компьютерное программное обеспечение. Получение кредита в банке под залог иных объектов авторского права (например, музыкальных, художественных произведений и др.) не практикуется, даже в случае подтверждения их ликвидности [17].

В Республике Казахстан развивается процедура беззалогового кредитования ИС банками страны на небольшие суммы за счет средств, привлеченных от физических лиц.

Практика получения банковских займов под залог прав на ОИС в Казахстане развивается невысокими темпами из-за сложности и высокой стоимости оценки таких активов для предприятий, а также нежелания банков принимать ОИС в качестве основного залога в связи с их невысокой ликвидностью [6].

Самый распространенный ОИС, используемый в качестве банковских залогов в Казахстане, – товарный знак. Национальный институт интеллектуальной собственности Казахстана регистрирует договоры залога только на них. С 1993 г. в республике зарегистрировано 62 таких договора, из них 6 – в 2020 г. [6]. При этом, обычно товарные знаки входят в состав «имущественных комплексов», то есть в тех случаях, если в залог дается компания или фабрика. Если на имя этой компании зарегистрированы товарные знаки, то они чаще закладываются вместе с другим материальным имуществом, а не отдельно [6].

По мнению банков, залог должен быть «твердым», и, если банк выдает под него кредит, он должен быть уверен в погашении кредита, в том, что будут формироваться денежные потоки, что банк сможет продать этот товарный знак отдельно от бизнеса, в котором он работает. Однако для расчета объема денежных потоков, который генерирует товарный знак сам по себе, требуется большой объем рыночных данных, которых в Казахстане в открытом доступе не наблюдается, поэтому на практике банки берут в залог весь бизнес, включая товарный знак.

Оценка стоимости других ОИС, таких как изобретения и авторские права на литературные или музыкальные произведения, не проводится, кредитование

под залог прав не ведется из-за отсутствия рынка, соответствующей практики и дорогостоящей оценки таких объектов.

Лишь несколько крупных банков в Казахстане работают с корпоративными клиентами в данном направлении. В настоящее время в портфеле Jysan Bank по одному из проектов прорабатывается вопрос о принятии товарного знака в качестве дополнительного обеспечения [6]. В практике Сбербанка Казахстана также имеются залоговые в виде товарных знаков, однако приняты они были в качестве дополнительного залога наряду с недвижимым и движимым имуществом. При этом, согласно залоговой политике банка, нематериальные активы не рекомендуются к использованию в качестве предмета залога в силу связанных с ними существенных рисков. На данный момент у банков Казахстана нет истории взаимоотношений принятия ОИС в области IT-сектора в качестве залога ИС из-за высокой степени рисков [6].

Тенденция вовлечения банковского сектора в процесс развития инновационной экономики приобретает все большую актуальность в Республике Беларусь. В Беларуси есть банки, которые проявляют интерес к развитию системы интеллектуальной собственности. В их числе ОАО «Сбер Банк», ЗАО «Альфа-банк», ОАО «Банк БелВЭБ», ОАО «Белагропромбанк» и др. Тем не менее, участие банков на данный момент сосредоточено в области взаимодействия с государственными органами по реализации инновационных проектов и развитию стартаповского движения.

Так, осенью 2021 г. в Министерстве экономики Республики Беларусь состоялось подписание Соглашения о сотрудничестве и взаимодействии по поддержке стартап-движения и малого инновационного предпринимательства между ОАО «Белагропромбанк», Министерством экономики и Государственным комитетом по науке и технологиям Беларуси.

Белагропромбанком создана сеть Центров притяжения Igrow, в которых предоставлены условия для работы предпринимателей и взаимодействующих с ними инкубаторов малого предпринимательства и технопарков. Более сорока центров притяжения по всей стране позволяют оказывать помощь на этапе становления бизнеса, начиная от консультаций и образовательных услуг и заканчивая содействием в развитии стартапа, в создании кооперации бизнеса. В фокусе внимания банка – внедрение новых подходов к финансированию инновационных стартапов и развитие инструментов кредитной поддержки на этапах перехода к инновационной модели ведения бизнеса [18].

Банк БелВЭБ и Белорусский инновационный фонд проводят совместную работу по развитию рынка венчурных инвестиций. Внимание к развитию венчурных инвестиций связано с тем, что многие стартапы не могут взять кредит в банке, так как не располагают материальными активами в качестве залога. В этом случае единственной возможностью привлечь средства оказывается венчурный капитал, отрицательным фактором которого является потеря контроля и права собственности, так как автор идеи передает инвесторам акции своей компании в обмен на финансирование. Если инвесторы получают больше акций, чем соучредители, то последние могут потерять право собственности на свою компанию [19].

В Армении основной проблемой правового регулирования залога исклю-

чительных прав на ОИС является отсутствие норм, регулирующих правоотношения в данной сфере, а также проблема оценки имущества интеллектуальной собственности. Барьером является также нехватка информации об оцениваемых объектах. Реальная стоимость залога оказывается ниже стоимости, указанной в договоре, что мешает компенсации расходов банка. Здесь и возникают проблемы кредитования под залог ОИС, среди которых:

1) Риск обесценивания ОИС и трудности реализации предмета залога. По сравнению с рынком традиционных активов, рынок интеллектуальной собственности более ограничен, в связи с чем возникают сложности с реализацией имущества, а так как стоимость объектов интеллектуальной собственности имеет свойство колебаться в течение срока действия договора, возможно изменение рыночной стоимости предмета залога, вследствие чего кредитор не сможет вернуть средства, выданные заемщику в виде кредита, а также в полном объеме компенсировать свои убытки [20].

2) Риск утраты прав собственности на ОИС. Может быть прекращено действие патента или свидетельства, что приводит к утрате права собственности на ОИС [20].

Таким образом, как показывает мировая практика, кредитование банками под залог ОИС является значимым экономико–финансовым инструментом развития рынка ОИС. Вместе с тем, в государствах–членах ЕАЭС банковские учреждения этот инструмент используют не активно, поддерживая интеллектуальные разработки в рамках предпринимательской деятельности и стартап–движения.

Практика развития кредитования под залог ОИС в государствах–членах ЕАЭС сдерживается отсутствием методики оценки ОИС, разработанной при участии банков. В связи с тем, что разработка методики оценки ОИС, как правило, проводится структурными подразделениями, связанными с регистрацией прав на ОИС, и не предполагает участия банковских учреждений, последние не вовлечены в процесс коммерциализации ОИС в части кредитования под залог ОИС.

Важным шагом видится вовлечение банков в разработку методических основ для оценки ОИС с целью дальнейшего использования банками, включенными в инфраструктуру коммерциализации ОИС.

В рамках разработки методических основ оценки ОИС как нематериальных активов, выступающих в качестве залога под кредитование, представляется необходимым обеспечить:

- активное развитие как практических, так и теоретических аспектов деятельности по оценке рыночной стоимости исключительных прав, проведение качественной и комплексной оценки кредитоспособности ОИС;
- экспертизу прав на ОИС, передаваемых в залог, со стороны банков с привлечением квалифицированных специалистов в данной области;
- определение условий кредитования в зависимости от динамики рынка ОИС;
- разработку механизма дополнительных гарантий, например, страхование предмета залога, возможность замены предмета залога равноценным имуществом.

Библиографические ссылки

1. Наблюдение за развитием Недели инноваций в Нанкине 2020: платформа государственных услуг в области интеллектуальной собственности «Мое пшеничное поле» раскрывает значение «интеллектуальной собственности» и исследует новую модель услуг корпоративного финансирования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.xinhua08.com/a/20200628/1944282.shtml>. – Дата доступа: 10.02.2023.
2. 4science: Кредиты под залог интеллектуальной собственности – для МСП и не только. Часть III [Электронный ресурс] // Роспатент. – Режим доступа: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/kredity-pod-zalog-is-chast-3>. – Дата доступа: 02.02.2023.
3. Ивлиев, Г.П. Развитие комплексной системы поддержки кредитования под залог прав на интеллектуальную собственность в регионах Российской Федерации [Электронный ресурс] // Заседание рабочей группы Государственного совета Российской Федерации по направлению «Малое и среднее предпринимательство». – Режим доступа: <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/creditovanie.pdf>. – 2019. – Дата доступа: 12.02.2023.
4. Неоземщики: кто займет нестандартные кредитные ниши [Электронный ресурс] // Banki.ru. – Режим доступа: <https://www.banki.ru/news/columnists/?id=10950856>. – Дата доступа: 12.02.2023.
5. Мойсейчик, Г.И. Модели кредитования под залог прав интеллектуальной собственности / Г.И. Мойсейчик // Банкаўскі веснік. – 2014. – № 1. – С. 16–21.
6. Бекмагамбетова, Д. Почему казахстанские банки не любят кредитовать под залог прав на интеллектуальную собственность [Электронный ресурс] // Курсив. – Режим доступа: <https://kz.kursiv.media/2021-02-18/pochemu-kazakhstanskie-banki-ne-lyubyat-kreditovat-pod-zalog-prav-na/>. – Дата доступа: 05.02.2023.
7. Раттур, Е.В. Методы и инструменты государственного управления в сфере интеллектуальной собственности / Е.В. Раттур // Ученые записки Тамбовского филиала РосМУ. – 2020. – № 20. – С. 219–230.
8. Куликов, Н.И. Понятие, сущность и классификация кредитов, предоставляемых физическим лицам [Электронный ресурс] / Н.И. Куликов, М.А. Левшина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2017. – №10. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/znachenie-gosudarstvennogo-kredita-v-sovremennyh-usloviyah>. – Дата доступа: 02.02.2023.
9. Киселевич, А.И. Организационно-экономическая модель содействия коммерциализации инноваций: авторский подход [Электронный ресурс] / А.И. Киселевич // Тенденции экономического развития в XXI веке. – Секция 2. Аналитическая экономика и прогнозирования. – С. 181–183. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/280500/1/181-183.pdf>. – Дата доступа: 05.02.2023.
10. Купчинова, О. Перспективы развития в Беларуси кредитования под залог прав интеллектуальной собственности / О. Купчинова, Т. Белова // Банкаўскі веснік. – 2013. – № 6. – С. 53–55.
11. За четыре года Сбер получил более 150 патентов [Электронный ресурс] // Сбер Пресс. – Режим доступа: <https://press.sber.ru/publications/za-chetyre-goda-sber-poluchil-bole-150-patentov>. – Дата доступа: 17.01.2023.
12. С начала 2021 года выдано более полумиллиарда кредитов под залог интеллектуальной собственности [Электронный ресурс] // Корпорация МСП. – Режим доступа: https://corpmsp.ru/pres_slujba/news/s_nachala_2021_goda_vydano_bole_polumilliarda_kreditov_pod_zalog_intellektualnoy_sobstvennosti/. – Дата доступа: 07.02.2023.
13. Власти развивают механизмы кредитования под залог ИС [Электронный ресурс] // Российское агентство правовой и судебной информации. – Режим доступа: https://rapsinews.ru/incident_news/20221026/308410585.html. – Дата доступа: 09.02.2023.
14. Аппарат Титова просит приравнять интеллектуальную собственность к недвижимости при залогах [Электронный ресурс] // Информационное агентство России «ТАСС». –

Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/12045781>. – Дата доступа: 05.02.2023.

15. В России хотят облегчить кредитование под залог интеллектуальной собственности [Электронный ресурс] // Frank media. – Режим доступа: <https://frankrg.com/109595>. – Дата доступа: 05.02.2023.

16. Почему банки не любят кредитовать под интеллектуальную собственность [Электронный ресурс] // Сетевое издание «Forbes.ru». – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/forbes-agenda/forbes-agenda/430427-pochemu-banki-ne-lyubyat-kreditovat-pod-intellektualnuyu>. – Дата доступа: 11.02.2023.

17. Интеллектуальная собственность может стать реальным залогом для кредита в банке [Электронный ресурс] // Патентное бюро «Гардиум». – Режим доступа: <https://legal-support.ru/news/tovarye-znaki/intellektualnaya-sobstvennost-mozhet-stat-realnym-zalogram-dlya-kredita-v-banke/>. – Дата доступа: 10.02.2023.

18. Белагропромбанк подписал соглашение о развитии стартап-движения в Беларуси [Электронный ресурс] // Пресс-служба Белагропромбанка. – Режим доступа: https://www.belapb.by/rus/about/press-sluzhba/press-centre/banks_news/011121_belagroprombank-podpisal-soglashenie-o-razviti-startap-dvizheniya-v-belarusi/. – Дата доступа: 10.02.2023.

19. Взлететь или прогореть: как работают венчурные инвестиции [Электронный ресурс] // Сетевое издание «РБК». – Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/innovation/60afc5cd9a794770bd30b37b>. – Дата доступа: 10.02.2023.

20. Тадевосян, Л. Проблемы правового регулирования залога исключительных прав в Армении и некоторые проблемы кредитования под залог объектов интеллектуальной собственности [Электронный ресурс] / Л. Тадевосян // Государство и право. – 2021. – №3 (91). – Режим доступа: http://www.yసు.am/files/Lusine_Tadevosyan_135-139.pdf. – Дата доступа: 02.02.2023.

ОСОБЕННОСТЬ КИТАЙСКО–БЕЛОРУССКОГО ИННОВАЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Луо Цзюй

соискатель аспирантуры

Институт экономики НАН Беларуси

ул. Сурганова, 1, 220072, г. Минск, Беларусь, luo55@mail2.sysu.edu.cn

В статье обобщаются основные особенности Китайско-белорусского инновационного сотрудничества. В рамках «пояса и пути» проведено сравнение взаимодействия субъектов инновационного сотрудничества между Китаем и Россией и ЕС, которое поможет адаптации опыта для Китайско-белорусского инновационного сотрудничества. Автором представлена модель сотрудничества между китайскими промышленными предприятиями, белорусскими научно–исследовательскими институтами и технологическим брокером.

Ключевые слова: инновационное сотрудничество; Китай; Беларусь; особенность.

С момента установления дипломатических отношений между двумя странами научно–техническое и инновационное сотрудничество всегда являются приоритетным направлением Китайско-белорусского сотрудничества. Данная тема становится ещё актуальнее в условиях санкционного давления, связанного с введением иностранными государствами ограничительных мер в отношении Беларуси и Китая. В настоящее время в мире тенденция деглобализации нарастает, протекционизм явно усиливается. Западные страны, во главе США, ограничивая продажу высокотехнологических продуктов в Беларусь и Китай, занимают технологической блокадой, пытаются монополизировать передовые мировые технологии и сохранить свое технологическое доминирование. Чтобы противостоять подобным внешним угрозам, и Китай, и Беларусь придают большое значение научно-техническим инновациям, стремятся достичь высокого уровня научно-технической самодостаточности, выступают за совместное научно-техническое и инновационное сотрудничество.

Поэтому цель статьи – выявить особенности Китайско-белорусского инновационного сотрудничества для его дальнейшего развития. Это позволит выявить тенденции развития инновационного сотрудничества за последние 30 лет, а также может привести к повышению эффективности взаимодействия.

Рассмотрим особенности Китайско-белорусского инновационного сотрудничества. Первая типичная черта инновационного сотрудничества характеризуется проектированием сотрудничества на высшем уровне и непосредственно государственным регулированием.

Взаимодействия в научно–технической сфере между Китаем и Беларусью всегда осуществлялись под руководством правительств двух стран.

В «Совместной декларации Беларуси и КНР об установлении всестороннего стратегического партнерства» (2013 г.) определено: стороны должны «наращивать обмены и расширять сотрудничество в научно-технической сфере; углублять взаимодействие НИИ, вузов и предприятий в области оптики, лазерных технологий, электроники, микроэлектроники, машиностроения и других сферах; поощрять развитие и способствовать укреплению научно-технического сотрудничества – от совместной разработки, инновации до реализации научно–

технических достижений на коммерческой основе и внедрения их в производство» [1, с. 6–10]. В «Совместной декларации Беларуси и КНР об установлении отношений доверительного всестороннего стратегического партнерства и взаимовыгодного сотрудничества» (2016 г.) определено: «стороны намерены стимулировать софинансировать реализацию масштабных и значимых научно-технических проектов между двумя странами и создавать благоприятные условия для совместной коммерциализации научно-технических разработок и внедрения их в производство» [1, с.187].

В «Совместной декларации об установлении отношений всепогодного и всестороннего стратегического партнерства» (2022 г.) между Китаем и Беларусью определено, что «приоритетными направлениями сотрудничества являются расширение взаимных прямых инвестиций, создание совместных высокотехнологичных инновационных производств, развитие совместного бизнеса между субъектами хозяйствования двух стран, поощрение предпринимательской инициативы». Эти документы создают благоприятную политическую основу для двустороннего инновационного сотрудничества.

Для инновационного сотрудничества между Китаем и Беларусью создан организационный механизм. В 1994 г. был создан комитет по экономическому и торговому сотрудничеству между КНР и РБ, который заседал раз в год. В 2014 г. в рамках Программы развития всестороннего стратегического партнерства на 2014–2018 гг., правительства двух стран создали комитет по сотрудничеству на уровне заместителя премьер – министра, при комитете созданы подкомитеты по экономике, торговле, науке и технике.

Вопрос об установлении прямых связей и образовании совместных предприятий обсуждаются прежде всего высшим руководством страны. Присутствие координационных институциональных организаций поможет избежать таких издержек, как издержки поиска информации, издержки переговоров и заключения договоров [3, с.278].

Например, Китайско-белорусский межправительственный координационный комитет является высшим органом управления и координации парка «Великий камень», который продвигает основные дела Китайско-Белорусского индустриального парка.

Отношение правительства Беларуси к инвестициям Китая очень отличается от политики правительства ЕС и США. Европейцы настороженно относятся к проектам с участием китайских государственных компаний. Сделки слияния и поглощения в ЕС или в США вызывают негативную реакцию у правительственных и деловых кругов этих стран. Например, Американский CFIUS вмешивается и в транснациональные сделки слияния и поглощения с участием китайского бизнеса.

Во-вторых, государственные стратегии реализуются в основном государственными ТНК и крупными корпорациями. Государственные компании – это предприятия, в которых государство является крупнейшим или единственным акционером. В КНР в силу финансовых и производственных возможностей государственные ТНК сосредоточивают наиболее наукоемкие производства, и они рассматриваются в качестве «движущей силы» для реал-

лизации стратегии «Один пояс один путь».

Крупное центральное предприятие China Merchants находится под непосредственным контролем Комиссии по контролю и управлению государственными активами Государственного совета Китая. Под постоянными усилиями China Merchants соответствующие государственные ведомства Китая направляли и поощряли государственные предприятия к участию в строительстве крупных проектов в парке посредством политической мобилизации и политических стимулов. В число государственных предприятий, размещенных в парке «Великий камень», входят: China Merchants, China YTO, Zoomlion, China Electronics Technology Group, CITIC Group, Shandong Weichai Group, Gansu Zhonggan International, Chengdu Xinzhu Silk Road Company и др.

Основная форма интернационализации китайских фирм в Беларуси, не трансграничные слияния и поглощения как в ЕС, а в основном создание совместных компаний. Для Geely (одной из крупнейших автомобилестроительных компаний), приобретение Volvo Cars у компании Ford Motor поможет Geely в полной мере использовать технологии компании Volvo и внедрять их в производство собственных высокотехнологичных автомобилей, а создание совместного предприятия СЗАО Белджи в основном направлено на использование местных производственной операций и каналов продаж.

Третьей типичной чертой являются бурно развивающиеся инновационные инфраструктуры.

Обе стороны прилагают совместное усилие с целью создания научно-технологических парков и исследовательских центров в двух странах.

Для привлечения иностранных инвестиций и выращивания промышленных кластеров в Беларуси был создан Китайско-Белорусский промышленный парк. Это показательный проект в рамках строительства «Один пояс один путь». В свою очередь, в Китае создан Китайско-белорусский научно-технологический парк в городе Чанчунь.

Научно-исследовательские институты принимают активное участие в сотрудничестве. В БНТУ создан Белорусский центр научно-технического сотрудничества с Китаем в 2003 г.

НАН Беларуси активно устанавливает контакты с китайскими партнёрами. НАН подписала около 40 соглашений и протоколов (меморандумов) о сотрудничестве с организациями и государственными структурами китайской провинции до 2019 г. Например, в 2019 г. был подписан Меморандум о научно-техническом сотрудничестве по созданию Гуанчжоуского инновационного центра НАН Беларуси между Народным правительством района Хайчжу г. Гуанчжоу, НАН Беларуси и Гуандунским союзом по международному научно-техническому сотрудничеству со странами СНГ.

Организации трансфера технологий выполняют эффективные работы. Центральное место в системе трансфера технологий в Республике Беларусь начинает занимать Республиканский центр трансфера технологий (РЦТТ). Центр создал представительство в Китайско-белорусском научно-технологическом парке в г. Чанчунь для координации взаимодействия меж-

ду китайскими и белорусскими научно-исследовательскими институтами.

Особую роль играет технологический брокер – Гуандунский союз по международному научно–техническому сотрудничеству со странами СНГ (далее Союз). Союз действует при поддержке Министерства науки и техники КНР и Департамента науки и техники провинции Гуандун. Являясь платформой передачи технологий с тремя составляющими: правительство, предприятия и исследовательские институты, Союз уделяет особое внимание продвижению проектов в сфере новых материалов, биотехнологий, IT и приборостроения.

Команда менеджеров по международной передаче технологий исследует белорусские научно–исследовательские институты в соответствии с потребностями предприятий, и способствует созданию совместного центра исследований и разработок.

Четвертая типичная черта заключается в том, что сотрудничества носят характер взаимодополняемости и взаимовыгодности.

Обе стороны развивают отрасли со сравнительными преимуществами и формируют динамические сравнительными преимуществами.

Беларусь заинтересована в таких отраслях, как Индустрия 4.0, тонкая химия, здравоохранение, передовое производство и технологический интернет. Об этом свидетельствует отраслевая классификация 68 предприятий–резидентов Парка по состоянию на конец 2020 года, приведенная в таблице 1.

Таблица 1 – Отраслевая классификация предприятий–резидентов

Наименование отрасли	Количество предприятий
Машиностроение	15
Электроника и телекоммуникации	14
НИОКР	12
Новые материалы	10
Хранение и обработка больших объёмов данных	6
Фармацевтика и медицинские изделия	6
Комплексная логистика	3
Социально–культурная деятельность	1
Электронная коммерция	1

Источник: разработано автором на основе годового отчета СЗАО «Компания по развитию индустриального парка Великого камня» за 2020 г.

Китай заинтересован в традиционных отраслях индустрии. В Китае созданы такие совместные предприятия, как «Санцзян–Волат компания Лтд.», представительство ОАО «Белорусская калийная компания», ООО «Белнефтехим Шанхай трейдинг», совместный предприятие ООО «Чунцин Гомель Предприятие сельскохозяйственного машиностроения», предприятие «Белмет (Шанхай) Трейдинг Ко., Лтд.» и ОАО «МАЗ».

К примеру, в начале 90–х годов, цены на самосвалы «БелАЗ» были значительно выше, чем на самосвалы китайских производителей. Кроме того, в цену самосвала надо включать расходы на фрахт, таможенные пошлины, страховки.

В то время на территории КНР действовало уже пять основных производителей карьерных самосвалов. Хотя с точки зрения технического уровня карьерные самосвалы «БелАЗ» зарекомендовали себя у китайских покупателей высоко, ситуация на рынке карьерных самосвалов ухудшалась. Чтобы сохранить конкурентоспособность, в 2010 г. открыто на территории КНР совместное предприятие по сборке, производству и сервисному обслуживанию «БелАЗов» [4, с. 101], поскольку в местном производстве сохранялись более низкие издержки, используются местные материалы и рабочие силы.

Пятая типичная черта заключается в том, что за 30 лет Китай получил быстрое развитие в науке и технологиях, особенно в электронной промышленности и в области машиностроения.

Таблица 2 – Динамика экспорта топ-4 товаров с высокой технологией из Китая (включая Гонконг и Тайвань) в Беларусь.

Товары	1998		2009		2020	
	доля	стоимость, тысяч долларов США	доля	стоимость, тысяч долларов США	доля	стоимость, тысяч долларов США
Подшипники (Код ТН ВЭД 848210)	11,1%	N/A	1,7%	26112	0,2%	8283
Вычислительные машины (Код ТН ВЭД 8471)	9,5%	N/A	4,3%	65347	4%	148836
Аккумуляторы электрические (Код ТН ВЭД 8507)	6,6%	N/A	0,5%	8008	0,6%	23216
Части вычислительных машин	6,5%	N/A	N/A	N/A	N/A	N/A

Источник: разработано автором на основе данных Белстат и [2, с.82].

Таблица 3 – Импорт высокотехнологичной продукции Республики Беларусь из Китая в 2018 г.

Аппаратура связи и части к ней	Вычислительные машины для автоматической обработки информации	Специфические товары	Части и принадлежности для автомобилей и тракторов	Части к принимающей и передающей аппаратуре (ТН ВЭД 8529)
11,2%	4,9%	4,6%	4,1%	1,9%

Источник: разработано автором на основе данных [2, с.82].

Таб.2 и таб.3 свидетельствуют о том, что, доля высокотехнологичного экспорта Китая в Беларусь постепенно увеличиваются, и структура продукции становится более диверсифицированной.

Если в 1998 г. доли топ – 4 товаров с высокой технологией из Китая в Республику Беларусь составили 11,1%, 9,5%, 6,6%, 6,5%, то в 2020 г. их объём поставок увеличивались.

В товарной структуре экспорта высокотехнологичной продукции Республики Беларусь в Китай наблюдается другая тенденция.

Таблица 4 – Динамика экспорта топ–7 товаров с высокой технологией экспортных поставок Республики Беларусь в Китай в 1998 г. и их доля в 2020 г.

Товары	1998 г.		2009 г.		2020 г.	
	доля	стоимость, тысяч долларов США	доля	стоимость, тысяч долларов США	доля	стоимость, тысяч долларов США
Запись, кассеты и другие записанные носители информации (Код ТН ВЭД 8523)	6,7%	N/A	1,1%	15,000	0,37%	3,309
Грузовые автомобили (Код ТН ВЭД 8704)	4,8%	N/A	3,4%	43,896	0%	0
Машины и механические устройства специального назначения (Код ТН ВЭД 8479)	2,8%	N/A	0,0002%	3,4	0,00088%	7,9
Части и принадлежности для автомобилей и тракторов (Код ТН ВЭД 8708)	1,9%	N/A	0,3%	4,978	0,13%	1,191
Двигатели внутреннего сгорания поршневые (Код ТН ВЭД 8408)	1,4%	N/A	0,4%	5, 600	0%	0
Части и принадлежности к станкам (Код ТН ВЭД 8466)	1,4%	N/A	0	0	0,005%	45,7
Электронные интегральные схемы (Код ТН ВЭД 8542)	1,2%	N/A	5%	8 392,7	0,8%	6,325

Источник: разработано автором на основе данных Белстат и [1, с.82].

Если в 1998 г. доли топ – 7 товаров с высокой технологией экспортных поставок Республики Беларусь в Китай составили 6,7%, 4,8%, 2,8%, 1,9%, 1,4%, 1,4%, 1,2%, то в 2020 г. объём поставок и доли этих высокотехнологичных продукции сократились. Грузовые автомобили и двигатели внутреннего сгорания поршневые перестали поставляться в Китай.

Снижение конкурентоспособности белорусских высокотехнологичных продуктов можно рассмотреть на примере экспорта электронных интегральных схем из Беларуси в Китай. Минский «Интеграл» поставлял в Китай схемы на сумму порядка \$8,3 млн в 2009 г., в 2020 г. поставлял в Китай схемы на \$ 2 млн меньше. Основные проблемы, которые тормозят сбыт: технологическое отставание и острая конкуренция с альтернативными поставщиками. На сегодняшний день самая современная производственная линия «Интеграла» способна производить ежемесячно лишь одну тысячу 200–мм пластин по топологическим нормам 0,35 мкм (350 нм), Шанхайская корпорация SMIC, самый передовой китайский чипмейкер, способна выпускать 14–нм чипы.

Шестая типичная черта заключается в том, что в условиях геополитических и геоэкономических рисков и распространения COVID–19 наблюдаются медленные темпы развития.

Например, в условиях продолжающегося воздействия эпидемии на инвестиции и ужесточения санкций со сторон Европы и США с 2020 г., проблемы, с которыми сталкивается Парк при привлечении инвестиций, еще более усугубляются. Ряд потенциальных проектов в парке уже были вынуждены приостановить.

Китайско–белорусское инновационное сотрудничество характеризуются такими особенностями, как проектирование сотрудничества на высшем уровне и непосредственно государственным регулированием, государственные стратегии реализуются в основном государственными и крупными ТНК, бурно развиваются инновационные инфраструктуры, сотрудничества носят характер взаимодополняемости и взаимовыгодности, в условиях геополитических и геоэкономических рисков и распространения COVID–19 наблюдаются медленные темпы развития.

Анализ особенности Китайско–белорусского инновационного сотрудничества поможет выявить преимущество и недостатки действующего механизма, и будет полезен для совершенствования организационно–экономического механизма согласования политики стимулирования создания совместных Белорусско–Китайских инновационных производств.

Библиографические ссылки

1. Адамчик Н. М., Белорусско–китайские отношения в межгосударственных, межправительственных и межведомственных документах (1992–2022): сб. текстов белорус.–кит. договоров, соглашений, меморандумов и протоколов / М–во иностр. дел Респ. Беларусь, Респ. ин–т китаеведения Белорус. гос. ун–та а ; сост.: Н. М. Адамчик [и др.] ; ред. совет: В. В. Макей (председатель), А. В. Дапкюнас, А. А. Тозик. – Изд. 2–е, доп. – Минск: СтройМедиаПроект, 2022. – 479 с.
2. Береснев Д. В. Анализ товарной структуры, ценовых условий и сбалансированности экспортно–импортных потоков товаров и услуг Беларуси с Китаем // Береснев Д. В. и др. Торгово–экономическое сотрудничество Беларуси и Китая в условиях усиления протекционизма в мировой экономике. Минск: Беларуская навука, 2020. – 262 с.
3. Гурский, В. Л., Организационно–экономический механизм согласования промышленной политики государств–членов ЕАЭС. / В. Л. Гурский. Минск: Беларуская навука. 2019. – 321 с.
4. Мацель, В. М. Беларусь–Китай: 30 лет по пути дружбы и взаимовыгодного сотрудничества: [монография] / В. М. Мацель ; Академия управления при Президенте Республики Беларусь. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2021. – 383 с.: портр.
5. «О развитии двусторонних отношений Республики Беларусь с Китайской Народной Республикой» [Электронный ресурс]: Директива Президента Республики Беларусь №5. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P01500005&p1=1>. – Дата доступа: 30.10.2022.
6. «О Государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2021–2025 гг.» [Электронный ресурс]: Указ № 348 от 15 сентября 2021 г. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-348-ot-15-sentyabrya-2021-g>. – Дата доступа: 30.10.2022.

ФИНАНСОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЕАЭС

Л.И. Тарарышкина,

*кандидат экономических наук, доцент
заведующий кафедры евразийских исследований
Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, tararyshkina@rambler.ru*

В статье рассматриваются финансовые механизмы в контексте экономической безопасности ЕАЭС. Исследуются финансовые механизмы, обеспечивающие эффективность функционирования таможенной территории ЕАЭС. Проводится анализ результативности функционирования таможенных финансовых механизмов. Приводится динамика поступлений доходов в бюджет от эффективности действия таких механизмов.

На уровне Единого экономического пространства ЕАЭС выделены отраслевые финансовые механизмы. Выделена роль общего финансового рынка ЕАЭС в качестве финансового механизма закрепления наднациональным управлением финансовой политикой на таможенной территории ЕАЭС. Раскрыта сущность, содержание и правила общего финансового рынка. Показаны особенности банковских и страховых услуг, финансовых услуг на рынке ценных бумаг. Отмечены направления гармонизации законодательства государств-членов ЕАЭС при формировании общего финансового рынка. Сделаны выводы о значимости эффективности финансовых механизмов в развитии евразийской интеграции.

Ключевые слова: таможенная территория ЕАЭС, финансовые механизмы, экономическая безопасность, общий финансовый рынок, банковский сектор, страховой сектор, рынок ценных бумаг.

Формирование единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов является одной из основных целей Евразийского экономического союза (ЕАЭС, Союз). Значительная роль в ЕАЭС отводится финансовым механизмам его договорно-правовой базы, которые обеспечивают достижение экономической безопасности в Союзе. Связано это с тем, что финансы являются основой экономики любого государства и, соответственно, важным элементом сближения экономик государств-членов ЕАЭС.

К финансовым механизмам единой таможенной территории ЕАЭС относятся таможенные платежи, взимаемые на внешнем контуре таможенной границы, а также косвенные налоги, взимаемые во взаимной торговле государств-членов ЕАЭС. В соответствии с Договором о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее – Договор о ЕАЭС) [1] и Таможенным кодексом ЕАЭС [2] к таким финансовым механизмам относятся: таможенные платежи, механизм зачисления и распределения ввозных таможенных пошлин, антидемпинговых, компенсационных и специальных пошлин, механизм косвенного налогообложения.

Применяемое наднациональное таможенное законодательство на практике обеспечивает эффективность функционирования единой таможенной территории Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и России посредством реализации единого таможенного регулирования. В соответствии с Таможенным кодексом ЕАЭС при совершении внешнеторговых операций с перемещени-

ем товаров через таможенную границу Союза уплачиваются следующие виды таможенных платежей:

ввозная таможенная пошлина;

вывозная таможенная пошлина;

налог на добавленную стоимость (НДС), взимаемый при ввозе товаров на таможенную территорию Союза;

акцизы (акцизный налог или акцизный сбор), взимаемые при ввозе товаров на таможенную территорию Союза;

таможенные сборы.

Удельный вес поступлений доходов в республиканский бюджет от деятельности таможенных органов Республики Беларусь представим на рисунке 1 [3].

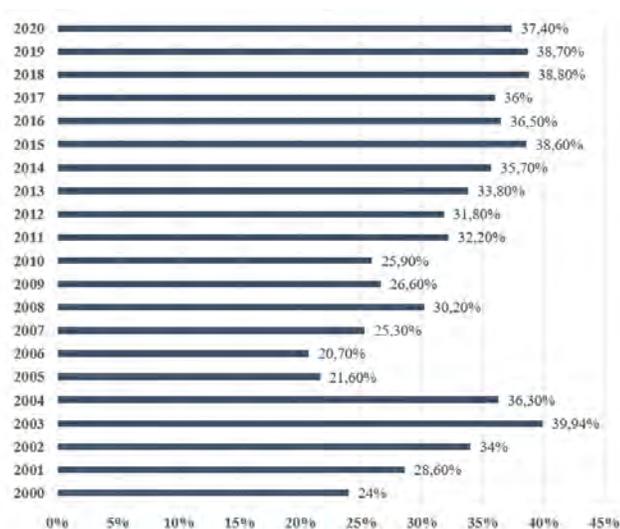

Рис. 1. – Удельный вес поступлений доходов в республиканский бюджет от деятельности таможенных органов [3]

В отношении товаров для личного пользования, ввозимых на таможенную территорию Союза, подлежат уплате таможенные пошлины, налоги, взимаемые по единым ставкам либо таможенные пошлины, налоги, взимаемые в виде совокупного таможенного платежа.

Таможенными сборами являются обязательные платежи, взимаемые за совершение таможенными органами таможенных операций, связанных с выпуском товаров, таможенным сопровождением транспортных средств, а также за совершение иных действий, установленных Таможенным кодексом ЕАЭС и (или) законодательством государств–членов Союза о таможенном регулировании. Виды и ставки таможенных сборов устанавливаются законодательством государств–членов ЕАЭС. Размеры таможенных сборов не могут превышать

примерной стоимости затрат таможенных органов за совершение действий, в связи с которыми установлены таможенные сборы. Плательщики таможенных сборов, объекты обложения таможенными сборами, база для исчисления таможенных сборов, возникновение и прекращение обязанности по уплате таможенных сборов, сроки уплаты таможенных сборов, порядок их исчисления, уплаты, возврата (зачета), а также случаи, когда таможенные сборы не подлежат уплате, устанавливаются законодательством государств–членов ЕАЭС.

Основным финансовым инструментом служит Единый таможенный тариф ЕАЭС, применяемый всеми государствами–членами Союза. Механизм зачисления и распределения сумм ввозных таможенных пошлин, взимаемых на таможенной территории Союза, обеспечивает поступление ввозных таможенных пошлин в бюджет каждого государства–члена ЕАЭС в соответствии с установленными нормативами [1]: Армения – 1,220 %, Беларусь – 4,860 %, Казахстан – 6,955 %, Кыргызстан – 1,900 %, Россия – 85,065 %. Объемы поступления ввозных таможенных пошлин в республиканские бюджеты государств–членов ЕАЭС (в млн долл. США) представим в таблице 1.

Таблица 1 – Объемы поступления ввозных таможенных пошлин в республиканские бюджеты государств–членов ЕАЭС (в млн. долл. США)

Го- ды/страны ЕАЭС	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Армения	128,7	115,5	150,4	166,1	335,9	463,4	685,6
Беларусь	543,6	484,8	584,0	623,6	669,3	633,8	709,1
Казахстан	63,0	52,5	50,2	111,7	51,8	45,9	47,4
Кыргыз- стан	138,0	191,4	239,3	265,7	60,8	221,9	244,5
Россия	9 149,7	8 205,9	9 904,9	10 498,0	10 855,7	9 555,3	10 331,0
Всего	10 023,0	9 050,1	10 928,8	11 65,0	11 973,5	10 920,3	12 017,6

Источник: Составлено автором на основе [4]

Наряду с таможенными пошлинами таможенные органы взимают также НДС, акцизы, которые уплачиваются (взыскиваются) в государстве–члене ЕАЭС, таможенным органом которого производится выпуск товаров. Таможенные платежи, взимаемые таможенными органами, являются одним из источников наполнения доходов бюджета в среднем до 40%.

В формировании доходов бюджетов государств–членов ЕАЭС значимую роль играют косвенные налоги, составляя: НДС – около 30%, акцизы – около 10%. В Приложении №18 к Договору о ЕАЭС определен порядок взимания косвенных налогов и механизм контроля за их уплатой при экспорте и импорте товаров, выполнении работ, оказании услуг во взаимной торговле государств–членов ЕАЭС. Взимание косвенных налогов осуществляется по международному правилу – принципу страны назначения, предусматривающему налогообложение косвенными налогами при импорте товаров и применение нулевой ставки НДС и (или) освобождение от уплаты акцизов при экспорте товаров.

Названные финансовые механизмы обеспечивают эффективное функци-

онирование единой таможенной территории Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и России.

Формирование Единого экономического пространства ЕАЭС осуществляется в соответствии с установленными в Договоре о ЕАЭС сроками запуска межотраслевых механизмов государств–членов ЕАЭС (общий нефтяной и газовый рынки, общий энергетический рынок, общий транспортный рынок, общий финансовый рынок и др.), включающих отраслевые финансовые механизмы.

Введение в действие общего финансового рынка ЕАЭС закрепит наднациональное управление финансовой политикой на таможенной территории ЕАЭС и необходимость ее реализации государствами–членами ЕАЭС. Запуск к 2025 году общего финансового рынка ЕАЭС в соответствии со статьей 70 Договора о ЕАЭС и реализацией его механизма, установленного в Приложении № 17 «Протокол по финансовым услугам», позволят на практике осуществить финансовую интеграции в ЕАЭС и достичь результативности ее проведения [5]. Положения Протокола по финансовым услугам применяются к мерам государств–членов ЕАЭС в торговле финансовыми услугами и включают: страховые и относящиеся к страховым услуги; банковские услуги; услуги на рынке ценных бумаг.

Страховые и относящиеся к страховым услуги включают: страхование (сострахование): страхование жизни, страхование иное, чем страхование жизни; перестрахование; страховое посредничество, такое как брокерское и агентское посредничество; вспомогательные услуги по страхованию, такие как консультативные, актуарные услуги, услуги по оценке риска и услуги по урегулированию претензий.

К банковским услугам относятся: прием от населения вкладов (депозитов) и других подлежащих выплате денежных средств; выдача ссуд, кредитов, займов всех видов, включая потребительский кредит, залоговый кредит, факторинг и финансирование коммерческих операций; финансовый лизинг; все виды услуг по платежам и денежным переводам; торговля за свой счет и за счет клиентов, на бирже и внебиржевом рынке, либо иным образом: иностранной валютой; деривативами, в том числе, фьючерсами и опционами; инструментами, касающимися валютных курсов и процентных ставок, включая сделки «своп» и форвардные сделки; консультативные, посреднические и другие вспомогательные финансовые услуги во всех видах деятельности, включая справочные и аналитические материалы, связанные с анализом кредитных условий.

Услуги на рынке ценных бумаг: это – торговля финансовыми инструментами за свой счет и за счет клиентов, на бирже и внебиржевом рынке, либо иным образом; участие в эмиссии (выпуске) всех видов ценных бумаг, включая гарантирование и размещение, в качестве агента (государственного или частного), и оказание услуг, относящихся к такой эмиссии (выпуску); брокерские операции на финансовом рынке; управление такими активами, как денежные средства или ценные бумаги, все виды управления коллективными инвестициями, управление активами и инвестиционными портфелями пенсионных фондов, попечительство, услуги по хранению и трастовые услуги; клиринговые услуги по финансовым активам, включая ценные бумаги, деривативы и другие финан-

совые инструменты; предоставление и передача финансовой информации, обработка финансовых данных и предоставление и передача соответствующего программного обеспечения поставщиками других финансовых услуг; консультативные, посреднические и другие вспомогательные финансовые услуги во всех видах деятельности, включая исследования и рекомендации по прямым и портфельным инвестициям, рекомендации по вопросам приобретения, реорганизации и стратегии корпораций [1].

Поддержание и улучшение уровня защиты прав потребителей финансовых услуг и инвесторов является одним из важных элементов формирования общего финансового рынка. Общий финансовый рынок – это финансовый рынок государств–членов ЕАЭС, включающий упрощенный и недискриминационный доступ субъектов финансового рынка на рынки друг друга и охватывающий: банковский сектор, страховой сектор, сектор рынка ценных бумаг, межсекторальное взаимодействие и соответствующий следующим правилам:

гармонизированные требования к регулированию и надзору в сфере финансовых рынков государств–членов ЕАЭС;

взаимное признание лицензий в банковском и страховом секторах, а также в секторе услуг на рынке ценных бумаг, выданных уполномоченными органами одного государства–члена ЕАЭС, на территориях других государств–членов Союза;

осуществление деятельности по предоставлению финансовых услуг на всей территории ЕАЭС без дополнительного учреждения в качестве юридического лица;

административное сотрудничество между уполномоченными органами государств–членов ЕАЭС, в том числе путем обмена информацией [5].

Предполагается осуществлять формирование и функционирование общего финансового рынка в течение двух периодов – до 2025 года и после 2025 года. В период до 2025 года государствам–членам Союза необходимо определить согласованные подходы к взаимному признанию лицензий посредством реализации механизма стандартизированной лицензии для учреждения юридического лица в банковском и страховом секторах, а также к трансграничной поставке финансовых услуг в секторе рынка ценных бумаг.

После 2025 года государства–члены ЕАЭС продолжают работу по гармонизации, а также по формированию общего финансового рынка, в том числе определяют согласованные подходы к осуществлению деятельности по предоставлению финансовых услуг без дополнительного учреждения (лицензирования) в качестве юридического лица, имплементация которых будет осуществляться по мере углубления финансовой интеграции и перехода к более высоким стадиям формирования общего финансового рынка и гармонизации законодательства государств–членов ЕАЭС.

Целью гармонизации законодательства государств–членов Союза является установление гармонизированных правил правового регулирования общего финансового рынка в условиях сохраняющихся различий, не препятствующих эффективному функционированию общего финансового рынка ЕАЭС.

Предусматривается проведение поэтапно разноскоростной гармонизации и

одновременно по секторам (банковский, страховой рынок и рынок ценных бумаг). Такие подходы обусловлены тем, что необходимо учитывать модели и особенности правового регулирования финансовых рынков государств–членов Союза и степень имплементации международных стандартов, а также учитывать необходимость минимизации рисков для финансовой стабильности национальных рынков участников евразийской интеграции и общего финансового рынка ЕАЭС.

Критериями гармонизации законодательства государств–членов Союза выступают:

достижение уровня гармонизации, достаточного для принятия государствами–членами ЕАЭС обязательств по взаимному допуску участников финансовых рынков на свои внутренние рынки;

минимизация регуляторного арбитража на общем финансовом рынке Союза для участников финансовых рынков;

наличие гармонизированных инструментов оздоровления или ликвидации финансовых институтов, столкнувшихся с проблемами с ликвидностью или платежеспособностью;

достижение уровня гармонизации национальных правовых режимов в части соблюдения международных принципов регулирования, которые рассматриваются надзорными органами государств–членов Союза как критичные для обеспечения стабильности как национальных финансовых рынков, так и общего финансового рынка ЕАЭС и доверия к финансовым организациям со стороны потребителей финансовых услуг.

Механизм стандартизированной лицензии выступает в качестве начального этапа предоставления взаимного допуска на финансовые рынки государств–членов Союза и связан с проведением гармонизации их законодательства. При этом допуск на финансовые рынки в данный период, регулирование и надзор на финансовых рынках государств–членов Союза осуществляется в соответствии с национальным законодательством участников евразийской интеграции.

Механизм стандартизированной лицензии для банка и страховой организации предусматривает количественные требования, включающие:

размер собственного капитала банка должен быть не менее 60 млн долл. США (для Кыргызстана в течение переходного периода не менее 50 млн долл. США);

размер собственного капитала для страховой организации должен составлять не менее 10,4 млн долл. США для категории видов страхования «жизнь»/«не жизнь» (для Кыргызстана в течение переходного периода – не менее 5 млн долл. США);

минимальное значение норматива достаточности капитала банка должно составлять не менее 12,5 %;

минимальное значение норматива достаточности капитала (маржи платежеспособности) страховой организации должно быть не менее 1,2.

С завершением гармонизации законодательства государств–членов Союза будет предоставлена возможность применения национального режима и режима наибольшего благоприятствования в отношении всех участников общего

финансового рынка посредством использования современных информационных финансовых технологий.

Таким образом, общий финансовый рынок выступает неотъемлемой частью евразийской интеграции и служит важным инструментом реализации основных целей ЕАЭС. С запуском в действие общего финансового рынка финансовые механизмы Союза заработают комплексно в тесном взаимодействии в целях обеспечения экономической безопасности на таможенной территории ЕАЭС.

Библиографические ссылки

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (вместе с Приложениями 1–33) (ред. от 01.10.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.04.2022): [подписан в г.Астане 29.05.2014] [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

2. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза. – М.: Проспект, 2018. – 512 с.

3. О состоянии государственных финансов Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Аналитические доклады. – Режим доступа: https://www.minfin.gov.by/ru/budgetary_policy_analytical_reports/. – Дата доступа: 10.02.2023.

4. Финансовая статистика Евразийского экономического союза. Оперативные данные за 2021 год [Электронный ресурс]: Статистический сборник // Евразийская экономическая комиссия. – Москва: 2022. – 125 с. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/statistical_publications/Documents/finstat/finstat_2021.pdf/. – Дата доступа: 10.02.2023.

5. Тарарышкина, Л.И. Аспекты развития финансовой политики в условиях международной экономической интеграции / Л.И.Тарарышкина, Т.А. Вerezубова, С.В.Ефименко // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. – Минск: БГЭУ, 2021. – Вып.14. – С.449–456.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТАМОЖЕННОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ В РАМКАХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ НА ТАМОЖЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ ЕАЭС

Л.И. Тарарышкина,

*кандидат экономических наук, доцент
заведующий кафедры евразийских исследований
Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, tararyshkina@rambler.ru*

А.В. Морозова,

*студентка 4 курса специальности «Таможенное дело»
Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, morozova8016@gmail.com*

В статье рассматриваются перспективы развития таможенного администрирования в рамках цифровой экономики на таможенной территории ЕАЭС. Исследуются современные цифровые проекты с сфере таможенного дела, обеспечивающие эффективность взаимодействия таможенных органов с участниками бизнес-системы на таможенной территории ЕАЭС. Успешная реализация данных проектов значительно упростит порядок уплаты таможенных платежей, сделает его более удобным и быстрым, тем самым стимулируя развитие внешней торговли отечественных предприятий. Проводится анализ существующих рисков и проблем цифровизации. Приводится рейтинг стран мира по уровню кибербезопасности.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; цифровая экономика; таможенное администрирование; цифровизация; информационные технологии; кибербезопасность стран ЕАЭС.

В условиях евразийской интеграции невозможно отрицать важность и эффективность внедрения цифровых технологий во все сферы деятельности, в частности, в экономику. Цифровая экономика является одним из основных инструментов стремительного экономического развития, повышения производительности труда и создания новых отраслей промышленности в государствах-членах Евразийского экономического союза (ЕАЭС, Союз). Быстроразвивающаяся цифровая экономика задает новый темп, к которому таможенное администрирование должно быть максимально адаптировано.

Фундаментом для развития цифровой экономики в рамках ЕАЭС стало Решение Высшего Евразийского экономического совета №12, принятое 11 октября 2017 года, где были обозначены основные направления реализации цифровой повести ЕАЭС до 2025 года. Согласно данному Решению, основные направления заключаются в актуализации сложившихся механизмов интеграционного сотрудничества в рамках Союза с учетом глобальных вызовов цифровой трансформации, в обеспечении качественного и устойчивого экономического роста государств-членов ЕАЭС, в том числе для ускоренного перехода экономики на новый технологический уклад, формирования новых индустрий и рынков, развития трудовых ресурсов [4]. В рамках цифровой повестки ЕАЭС во всех государствах-членах Союза были сформированы «национальные повестки», где определялся полноценный комплекс мероприятий и показатели для оценки эффективности развития национальной цифровой экономики. Так, 21

декабря 2017 года Президент Республики Беларусь подписал Декрет №8 «О развитии цифровой экономики».

С 1 января 2018 года вступил в силу Таможенный кодекс ЕАЭС (ТК ЕАЭС), который на основе концепции «цифровой таможни» Всемирной таможенной организации позволил реализовать Цифровую повестку ЕАЭС в области таможенного администрирования. Теперь таможенное администрирование в Союзе основывается на принципе максимального использования информационных технологий в деятельности таможенных органов. Данный принцип закреплен в п. 3 ст. 1 ТК ЕАЭС. Информационным системам и технологиям, используемым таможенными органами, отведены целые главы ТК ЕАЭС [8].

Несколько лет спустя Государственный таможенный комитет Республики Беларусь утвердил Стратегию развития таможенных органов на 2021 – 2025 годы с перспективой до 2023 года, где особый акцент был сделан на цифровизацию таможенных операций и постепенный переход к «цифровой таможне». Аккумулируя все вышеперечисленные направления развития цифровизации таможенного администрирования, установленные в законодательных актах ЕАЭС, на сегодняшний день в Республике Беларусь реализованы следующие проекты:

1. Осуществлен переход на электронный документооборот с применением электронной цифровой подписи и внедрением систем электронного документооборота;

2. Совершенствуется модель системы управления рисками в области идентификации нарушений таможенного законодательства, связанных с определением страны происхождения товаров, таможенной стоимости товаров и т.д.;

3. Внедрены и успешно применяются технологии электронного предварительного информирования и электронного декларирования (с элементами автоматического декларирования);

4. Действует единый портал электронных услуг, на базе которого все административные процедуры в таможенной сфере реализуются в электронном виде;

5. Используются инновационные способы получения и обработки больших объемов информации, вынесение различных реестров и баз данных в свободный доступ.

Обязательное предварительное информирование было внедрено в Республике Беларусь в 2012 году. Тогда это касалось исключительно автомобильного транспорта. Позже, в 2014 и 2017 годах появились системы предварительного информирования для железнодорожного и воздушного видов транспорта соответственно. Создание подобного механизма опирается на Рамочные стандарты безопасности и облегчения мировой торговли Всемирной таможенной организации. Предварительное информирование сводит к минимуму возможные риски нарушения таможенного законодательства ЕАЭС, способствует совершенствованию и ускорению осуществления таможенных операций, одновременно повышая эффективность проведения таможенного контроля [7].

Каждое государство-член ЕАЭС в индивидуальном порядке разработало специальные программные продукты, системы и сервисы для заполнения и

предоставления электронной предварительной информации в таможенные органы. Существенным преимуществом Республики Беларусь в этом вопросе было наличие уже готовой платформы E-Client, на базе которой можно было подать предварительную информацию в автоматизированную систему таможенных органов. На данный момент предварительное информирование в Республике Беларусь реализуется посредством любого онлайн сервиса, на выбор физического лица, подающего сведения.

Согласно ТК ЕАЭС, электронное таможенное декларирование является обязательным, за исключением некоторого ряда случаев, определенных в законодательстве. Сегодня в Республике Беларусь успешно внедрены и применяются механизмы автоматической регистрации и выпуска товаров. Планируется, что к 2025 году порядка 75% экспортных товаров будут выпускаться автоматически, без участия таможенного инспектора, что на 16% превышает уровень показателей 2020 года [1]. Высокая эффективность применения такого механизма обусловлена применением автоматизированной системы таможенной очистки, исключающей участие должностного лица таможенных органов в выпуске товаров.

Однако стоит отметить, что на данный момент подпадают под автоматический выпуск только 3 таможенные процедуры – выпуск для внутреннего потребления, экспорт и таможенный транзит. К 2025 году планируется увеличить их количество до 9. Это приведет к значительному снижению временных и финансовых затрат участников внешнеэкономической деятельности (ВЭД), снизит коррупционные риски и обеспечит безбарьерную среду для ведения бизнеса [1].

Обмен разрешительными документами между компетентными органами осуществляется преимущественно в электронном формате. Например, Государственный таможенный комитет Республики Беларусь (ГТК) заключил соглашение с Национальным банком Республики Беларусь об информационном взаимодействии. Такая оптимизация полностью исключает физические контакты и позволяет в кратчайшие сроки обмениваться информацией о банковских гарантиях, которые предоставляются в качестве уплаты таможенных пошлин, налогов, специальных, антидемпинговых и компенсационных пошлин, а также обеспечения исполнения обязанностей юридического лица, осуществляющего деятельность в сфере таможенного дела и уполномоченного экономического оператора [6].

Являясь государством-членом ЕАЭС, Республика Беларусь активно участвует в практической реализации одного из цифровых проектов – цифровые транспортные коридоры. Основной задачей данного проекта является создание эффективного обмена логистической информацией по всей цепочке поставок между деловыми партнерами. Также планируется обеспечить юридически значимое электронное взаимодействие с уполномоченными органами, как внутри государств-членов ЕАЭС, так и на международном уровне [4]. Значительный вклад в разработку данного проекта со стороны Республики Беларусь внес НИРУП «Институт прикладных программных систем».

Всего создано 11 сервисов, которые внесут новые изменения в работу та-

возможи. Среди них есть:

- сервис по применению электронной международной транспортной накладной для железнодорожного транспорта и автомобильного транспорта;
- сервис по применению электронного путевого листа;
- сервис по применению электронного протокола весогабаритного контроля;
- сервис отслеживания перевозок с использованием электронных навигационных пломб [3].

Эти направления работы ориентированы на совершенствование и применение различных современных технологий в работе таможенных органов Беларуси. Особый упор сделан на интеллектуальный анализ больших баз данных, который значительно повышает продуктивность государственного органа. Таким образом, цифровизация деятельности таможенных органов Республики Беларусь является приоритетным направлением работы и активно наращивает темпы. В рамках XIII Международной научно-практической конференции «Устойчивость цепи поставок: инновации в логистике и таможне» председатель ГТК Владимир Орловский еще раз подчеркнул важность данной сферы: «Мы серьезно продвигаемся в вопросе развития информационных технологий, не останавливаемся на том, что уже сделано. Экспорт, импорт, другие процедуры - все оформляется быстро, через Интернет. Это говорит о том, что уже все завязано на цифру, и по-другому просто быть не может».

Но несмотря на высокие показатели эффективности, стремительное совершенствование информационных технологий таможенные органы Республики Беларусь сталкиваются с некоторыми существенными проблемами и рисками. Во-первых, не стоит уменьшать роль человеческого фактора. Несмотря на сверхбыстрое развитие таможенных информационных технологий, ответственные решения все еще принимаются человеком. Например, рассмотрим механизм автоматического выпуска товаров и регистрацию таможенных деклараций. Система может принять эффективное решение только при условии, что участник ВЭД обладает низким профилем риска. В остальных случаях решение остается за руководителем. В таком случае информационные технологии стоит рассмотреть, как практический инструмент, чем окончательное решение проблемы.

Говоря о человеческом факторе, стоит уделить внимание существующей проблеме подготовки профессиональных кадров для работы с информационными технологиями. Должностные лица таможенных органов не обладают достаточными навыками и знаниями для работы с программными и техническими средствами, ввиду частого обновления и быстрого устаревания технологий. Существенно снизить фактор человеческих ошибок можно исключительно через образовательные мероприятия, основной целью которых является усовершенствование навыков применения и обслуживания таможенных информационных технологий у должностных лиц таможенных органов и участников ВЭД.

Во-вторых, несмотря на переход к использованию электронного формата таможенных документов, законодательством все еще предусмотрен ряд случа-

ев, при возникновении которых должностные лица таможенных органов и участники ВЭД вынуждены обращаться к бумажному аналогу. В некоторых случаях, например в рамках контроля соблюдения мер нетарифного регулирования или вывоза товаров с таможенной территории ЕАЭС, таможенные органы имеют право запросить у участника ВЭД бумажные документы, с целью проверки достоверности предоставляемых в электронной декларации на товары данных. Должностные лица таможенных органов ставят соответствующие штампы, печати или записи, после чего декларант должен лично забрать сопроводительные документы. Таким образом, в современных условиях все еще сохраняется необходимость использования штампов и записей в бумажных документах.

В-третьих, несмотря на имеющийся прогресс в сфере цифровизации таможенного администрирования, на данный момент в Республике Беларусь нет единой платформы, где были бы собраны все вышеперечисленные технологии в части проведения таможенных операций. Отдельные таможенные операции осуществляются на платной основе в Едином портале электронных услуг или в программе E-Deklarant. Поэтому актуальным будет внедрение единой платформы, обеспечивающей полноценное и разностороннее взаимодействие таможенных органов и бизнес-сообщества. Подобные проекты уже реализованы в ряде стран, таких как Сингапур, Китай, Россия, Узбекистан и т.д.

Переход к цифровым системам в таможенной сфере влечет за собой серьезные угрозы, связанные с несанкционированным доступом к данным. Это обусловлено тем, что в информационной системе таможенных органов хранится некоторая секретная информация, которая не должна быть обнародована. Это может быть, например, коммерческая тайна участников ВЭД, которая вызывает нежелательный интерес со стороны мошенников. Похищение или изменение данных в электронных документах, в отличие от их бумажных вариантов, может быть осуществлено из любой точки планеты. Более того, многие национальные цифровые системы используют элементы зарубежного программного обеспечения, что еще раз подчеркивает высокую уязвимость цифровизации таможенных систем. Для предотвращения подобных ситуаций информационные системы таможенных органов должны быть обеспечены новейшими механизмами защиты данных. Техническая база должна постоянно обновляться, чтобы в условиях нарастающих объемов информации обеспечить бесперебойную работу таможенных органов.

Для оценки текущего уровня кибербезопасности стран мира существует специальный рейтинг кибербезопасности (Global Cybersecurity Index, GCI), который раз в 2 года предоставляет Международный союз электросвязи ООН. Согласно данным за 2020 год, в топ 5 стран по защищенности компьютерных систем входит Российская Федерация. Страна включена в группу стран с высоким индексом кибербезопасности, более 98 баллов. На 31 строчке данного индекса расположена Республика Казахстан, индекс которой также высок и равен 93,15. С существенным отрывом от России и Казахстана идут Республика Беларусь, Республика Армения и Киргизская Республика, занимающие 89, 90 и 92 позиции соответственно. Индекс в этих странах колеблется около 50

пунктов, что фактически в 2 раза ниже Российской Федерации и Республики Казахстан.

Таблица 1 – Рейтинг стран мира по уровню кибербезопасности

Страна	Рейтинг	Индекс
Соединенные Штаты Америки	1	100
Великобритания, Саудовская Аравия	2	99,54
Эстония	3	99,48
Корея, Сингапур, Испания	4	98,52
Россия	5	98,06
Казахстан	31	93,15
Беларусь	89	50,57
Армения	90	50,47
Кыргызстан	92	49,64

Источник: [9].

Подводя итог всему вышесказанному, можно отметить, что в современном мире сейчас происходят значительные перемены, связанные с цифровизацией всех сфер жизни, в том числе экономики и таможенного дела. На это указывает стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий, выражающееся в реализации разнообразных цифровых проектов в рамках ЕАЭС, совершенствовании информационных сервисов и технологий, создании новых механизмов обработки данных и т.д. Все это значительно повышает эффективность экономики страны, совершенствует взаимодействие государственной сферы с бизнес-партнерами, способствуя созданию новых бизнес-моделей, повышает уровень осуществления таможенных операций и многое другое. Такие технологии позволяют сократить ошибки, допускаемые должностными лицами таможенных органов при взимании таможенных платежей, а декларантами – при исчислении и уплате. Данный механизм значительно упрощает порядок уплаты таможенных платежей, делает его более удобным и быстрым, тем самым стимулируя развитие внешней торговли отечественных предприятий. Однако, на наш взгляд, существуют некоторые проблемы и риски, связанные с применением информационных систем. Например, недостаточный уровень образования кадров для работы с новыми технологиями, сохранение необходимости дублирования информации на бумажном носителе, а также высокая уязвимость и недостаточная безопасность современных технологий.

Библиографические ссылки

1. Государственный таможенный комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Таможенные органы Республики Беларусь – Режим доступа: <http://gtk.gov.by/news> – Дата доступа: 16.02.2023.
2. Евразийский экономический союз [Электронный ресурс] // eurasiancommission.org – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org> – Дата доступа: 24.04.2022
3. О перечне сервисов и цифровой инфраструктуры, реализуемых в целях формирования экосистемы цифровых транспортных коридоров Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]: Распоряжение Совета Евразийской экономической комиссии от

23.11.2020 № 29 // КонсультантПлюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> - Дата доступа: 10.02.2023.

4. Обзор совместного исследования Всемирного банка и Евразийской экономической комиссии. Цифровая повестка ЕАЭС 2025: перспективы и рекомендации (полная версия) ЕЭК [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org> – Дата доступа: 15.02.2023.

5. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 года № 12 «О Стратегических направлениях развития Евразийской экономической интеграции до 2025 года» [Электронный ресурс] //Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. – Минск, 2016.

6. Соглашение о об информационном взаимодействии в области банковских гарантий [Электронный ресурс] // Национальный банк Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.nbrb.by> – Дата доступа: 13.02.2023.

7. Соглашение о представлении и об обмене предварительной информацией о товарах и транспортных средствах, перемещаемых через таможенную границу Таможенного союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. – Режим доступа: <http://www.tsouz.ru> – Дата доступа: 13.02.2023.

8. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза с комментарием: Закон РБ 10 ноября 2017 г. № 59-3: принят Палатой представителей 25 октября 2017 г.: одобрен Советом Республики 27 октября 2017 г. – Минск: Регистр, 2018. – 615 с.

9. Global Cybersecurity Index, GCI 2020 // International Telecommunication Union [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.un.org> – Date of access: 11.02.2023.

КРУГЛЫЙ СТОЛ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБРАЗОВАНИИ И НАУКЕ В ЕВРАЗИЙСКОМ РЕГИОНЕ

ЕВРАЗИЙСКОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО: СТАНДАРТЫ ГАРМОНИЗАЦИИ

Т. Н. Михалёва,

*к.ю.н., доцент, доцент кафедры евразийских исследований,
Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

MikhaliovaT@bsu.by

*ведущий научный сотрудник Национального центра законодательства
и правовых исследований Республики Беларусь
ул.Берсона 1а, 2202005, г.Минск, Беларусь*

В статье рассмотрены особенности формирования единого образовательного пространства в рамках СНГ, унифицированный стандарт признания квалификаций и дипломов в рамках обеспечения свободы движения трудовых ресурсов в ЕАЭС и предпосылки создания общего пространства развития человеческого капитала в рамках Союзного государства.

Ключевые слова: гармонизация, ЕАЭС, единое образовательное пространство, образование, СНГ, Союзное государство.

Образование и культура – необходимые базисные предпосылки создания и функционирования инклюзивного интегрированного сообщества. Высшее образование, связанные с ним наука и инновации, играют огромную роль в становлении единого пространства в региональном интеграционном объединении. Человеческий потенциал раскрывается через образование, и это значит, что развитие конкурентных преимуществ в экономике, общественный прогресс достигаются через улучшение качества образования, его соответствия современным требованиям.

Исторические предпосылки. Сотрудничество по вопросам образования в СНГ. Устоявшиеся традиции сотрудничества в едином языковом пространстве, существование в течение более чем полувека единого образовательного пространства – эти и схожие аргументы можно отнести к историческим (геоисторическим, лингвистическим) предпосылкам. Вместе с тем, было бы неверным ограничиваться исключительно наработанным опытом и связями. Такого рода тезис актуален для постдезинтеграционного периода – после распада объединения, на протяжении десятка–полтора десятков лет. Опыт постсоветских стран это подтверждает.

15 мая 1992 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве в области образования. В соответствии с ним члены Содружества гарантировали всем лицам, проживавшим на их территориях, равные права на образование и его доступность независимо от национальной принадлежности или иных различий. Несмотря на то, что соглашение критикуют за декларативность [1, с. 31], имен-

но в соответствии с ним было подписано Ташкентское соглашение об учреждении постоянно действующей Конференции министров образования государств – участников СНГ. Эти шаги в дальнейшем укреплялись: в 1993 г. было подписано Соглашение о принципах признания и нострификации документов об ученых степенях, сопоставимости ученых степеней, в 1997 г. правительствами государств – участников СНГ Концепции формирования единого (общего) образовательного пространства СНГ и Соглашения о сотрудничестве по формированию единого (общего) образовательного пространства СНГ. Примечательно и количество разработанных модельных актов³ в этой сфере: «Об образовании», «Об образовании взрослых», «О среднем общем образовании», «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», «Об инклюзивном образовании». Далее были приняты Концепция и Модельный образовательный кодекс для государств – участников СНГ. Согласно ст. 1 Модельного образовательного кодекса «Единое (общее) образовательное пространство Содружества Независимых Государств – пространство, характеризующее общностью принципов государственной политики в сфере образования, согласованностью государственных образовательных стандартов, программ, уровней образования, нормативных сроков обучения на каждом уровне, положений и требований по подготовке и аттестации научных и научно–педагогических кадров, равными возможностями и свободной реализацией прав граждан на получение образования в государственном и муниципальном образовательном учреждении на территории государств – участников СНГ.

Единое (общее) образовательное пространство является составной частью духовного, культурного пространства Содружества Независимых Государств, базирующегося на исторической общности живущих в нем народов и устремлении к реализации их общих исторических целей». Таким образом, в этот период наблюдается координирующая функция СНГ в этой сфере, обеспечивающая сохранение социально–гуманитарных, историко–культурных связей государств, входивших ранее в состав СССР.

В дальнейшем начинают образовываться связи нового формата – интеграционные отношения между государствами. Диалектика развития единого пространства всегда строится на известных постулатах преемственности и перехода к новому качеству. При этом исследователи зачастую упоминают о разнородности процессов трансформации образовательных систем в евразийском регионе в связи с «копированием» Болонской модели, утрате традиционных качественных показателей образования [2, с. 110–112; 3, с. 320]. В данном контексте представляется обоснованным построение своей парадигмы создания единого евразийского образовательного пространства. Невозможно прийти к евразийскому образовательному пространству, базируясь на стандартах образовательных систем европейской интеграции. В этом направлении пока неоправданно мало внимания уделялось сохранению традиционных качественных по-

---

³ В соответствии с пунктом 1.2 Положения о разработке модельных законодательных актов и рекомендаций Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 14 апреля 2005 г. (с дополнениями от 25 ноября 2008 г. № 31–21) модельный законодательный акт СНГ носит рекомендательный характер и не имеет обязательной силы или прямого действия

казателей в евразийских государствах, интеграции национальных образовательных систем через аутентичные критерии социокультурного и социально-экономического развития. В этом отношении важным представляется выявление через социологические и педагогические исследования действительно важных критериев качества систем образования в евразийских государствах, исторически обусловленных, нацеленных на достижение общих интеграционных целей, и подготовка стратегии развития единого образовательного пространства в ЕАЭС как правового акта на уровне Межправительственного совета.

Единое образовательное пространство является частью общегуманитарного пространства.

Как отмечают, формирование единого образовательного пространства «является не только ответом на вызовы глобальной экономики, политики, но и мощным инструментом консолидации обществ на постсоветском пространстве» [4]. Глобализация как цель для мирового сообщества не оправдала себя ни в свете заявленных механизмов (преимущественно экономического характера – либерализации мирового рынка с ориентацией на запросы развитых государств), ни с точки зрения нормативно-правового оформления. Создание и функционирование региональных интеграционных объединений сегодня представляется актуальной тенденцией построения любых интернационализированных систем. Евразийская интеграция имеет преимущества в части потенциала общего социально-гуманитарного пространства, не ограниченного развитием исключительно экономических показателей интеграции (т.н. свобод рынка).

Ученые указывают на актуальность развития двусторонних центров образования и науки (росийско-армянский, росийско-белорусский, росийско-казахстанский) и создания трех и более-сторонних аналогичных центров [3, с. 321]. Отметим, что в этом процессе не меньшей важностью обладают и социально-культурные аспекты интеграции. Мобильность академическая (которой также нужно придать новый импульс) должна сопровождаться мобильностью по культурным, культурно-просветительским направлениям. Как уже отмечалось, языковая доступность в ЕАЭС – несомненное конкурентное преимущество нашей интеграции для создания единого гуманитарного пространства.

С точки зрения нормативно-правового обеспечения данного направления, безусловно, нужны соответствующие изменения в правовую базу ЕАЭС. Договор о ЕАЭС изначально нацелен на экономическую интеграцию (ст.1, ст.4 Договора). В этом ракурсе образование может быть объектом регулирования как услуга, однако это недостаточно для формирования единого образовательного пространства, выработки стратегии развития образовательных систем для их когерентного взаимодействия, гармонизации образовательных стандартов и проч. Необходимо введение в Договор указания на возможность интеграционного взаимодействия и в сфере социально-культурной, и образовательной, а также заключение международного договора в рамках ЕАЭС об углубленном сотрудничестве в сфере образования. Такого рода договор станет частью права Союза на основании п.1 ст.6 Договора о ЕАЭС, будет базироваться на положениях преамбулы данного договора об укреплении солидарности и углублении сотрудничества.

На основании такого договора будет гораздо интенсивнее и эффективнее проходить т.н. «интеграция снизу» – создание образовательных сетей, введение программ академической мобильности, разработка совместных образовательных программ, проч. Эти выводы о необходимости интенсификации интеграционной повестки и создании необходимой правовой базы подтверждаются и экономическим анализом динамики и глубины интеграции между государствами-членами, ежегодно осуществляемым ЕЭК по ряду индикаторов. Так, к используемым показателям для определения индикатора «интеграция в ключевых отраслях» относится «доля студентов из государств-партнеров по объединению в общем числе иностранных студентов»⁴. И пока значение этого индикатора наименьшее в сравнении с ЕС, АСЕАН, МЕРКОСУР и ЮАТС [6].

Единое образовательное пространство – необходимое условие для развития внутреннего рынка и свободы движения трудящихся.

Еще одной предпосылкой необходимости создания общего, а затем и единого евразийского образовательного пространства является комплексный характер любой интеграции, основанный на т.н. эффекте перелива (*spill-over effect*). На повестке в евразийском регионе стоит создание общего рынка труда (раздел XXVI, п. 2 ст. 28 Договора о ЕАЭС). Свобода движения трудящихся – не только обязательная норма договорного характера, но и норма прямого действия, подлежащая непосредственному применению. Согласно п.3 ст. 97 Договора о ЕАЭС в целях осуществления трудящимися государств-членов трудовой деятельности в государстве трудоустройства признаются документы об образовании, выданные образовательными организациями государств-членов, без проведения процедур признания документов об образовании, за исключением педагогической, юридической, фармацевтической, медицинской деятельности в отношении которых требуется признание. Эти положения требуют развития с точки зрения подготовки и образовательных систем к таким подходам, а именно гармонизации образовательных стандартов. Также, в настоящее время документы об ученых степенях и ученых званиях, выданные уполномоченными органами государств-членов, признаются в соответствии с законодательством государства трудоустройства. В ближайшей перспективе данное направление потребует сближения позиций и урегулирования данного вопроса на наднациональном уровне.

Таким образом, на уровне ЕАЭС речь идет о гармонизации образовательных стандартов в продолжение унифицированных требований о признании документов для целей трудоустройства.

Разноскоростная интеграция и сфера образования: сотрудничество в рамках Союзного государства. Среди первых и одних из наиболее значимых достижений в Союзном государстве стало взаимное признание документов об образовании. В Беларуси и России обеспечивается взаимное признание и эквивалентность документов об образовании, ученых степенях и ученых званиях в соответствии с межправительственным Соглашением от 27 февраля 1996 г.

---

⁴ Для данного индикатора учитывается также доля взаимной торговли в совокупном обороте по ключевым категориям товаров.

Сформирована нормативная база и приняты согласованные меры по организации вступительных компаний в учреждениях высшего образования Беларуси и России, которые позволяют гражданам Союзного государства поступать на равных условиях в вузы двух стран для обучения по всем программам подготовки. Проводится постоянный мониторинг изменений в системах образования для обеспечения сопоставимости образовательных программ и сроков получения образования, унификации специальностей и квалификаций профессионального образования.

В последние годы научно-образовательное направление интенсивно развивается. Не далее как полгода назад министр образования Республики Беларусь Иванец А.И. отмечал, что достигнуты договоренности о единых критериях оценки деятельности белорусских и российских университетов в области совершенствования научной работы, качества образовательного процесса, продвижения научных исследований, подписано 40 соглашений между вузами Беларуси и России, разрабатывается дорожная карта вузов двух стран.⁵ Сегодня действует план мероприятий по развитию взаимодействия профильных министерств в сфере образования в 2023–2024 гг. Документ содержит 32 пункта. В заявленной повестке – курсы повышения квалификации для белорусских и российских педагогов школ и колледжей, совместный ресурсный центр по научно-методическому сопровождению педагогических классов, традиционные фестивали военно-патриотических лагерей и клубов, мероприятия в рамках деятельности Ассоциации школ России и Беларуси. План предполагает также формирование совместного экспертного сообщества преподавателей и мастеров производственного обучения, проведение совместных коллегий Министерства науки и высшего образования, Министерства просвещения Российской Федерации и Министерства образования Республики Беларусь, Госкомитета по науке и технологиям.

Таким образом, мы видим, что заявленное в рамках СНГ Единое образовательное пространство имеет широкую правовую основу, однако акты во многом отличаются рамочный характер. Это отнюдь не характеризует процесс образовательной интеграции в СНГ как медленный или неэффективный. Напротив, это значимый формат «мягкой интеграции», возможность «сверить часы», который де-юре означает применение метода координации в межгосударственном сотрудничестве. В ЕАЭС вопросы гармонизации стандартов образования востребованы, поскольку в Договоре 2014 г. содержатся нормы прямого действия о свободе движения трудящихся и признании дипломов и квалификаций. Союзное государство развивает особый формат продвинутой интеграции – интеграция не только вузовского образования, но и других уровней, а также разработка образовательно-воспитательных программ, создание научно-образовательного потенциала как базис создания общего пространства развития человеческого капитала. Важно, что эти проекты, различные по методам, задачам, вполне совместимы и содействуют одной цели – укреплению гуманитарного вектора взаимодействия.

⁵ <https://www.belta.by/society/view/ivanets-belarusi-i-rossii-nuzhno-sozdat-edinoe-nauchno-obrazovatelnoe-prostranstvo-511380-2022/>

Библиографические ссылки:

1. Хаткевич О.А. Общее (единое) образовательное пространство Содружества Независимых Государств в правовых документах: понятия, практика и сложности применения // Вести БГПУ. – 2022. – № 2. – с. 29–40.

2. Аветисян П.С., Заславская М.Т., Галикян Г.Э. Единое образовательное пространство в контексте евразийской интеграции: проблемы и перспективы / Россия: тенденции и перспективы развития. 2016. – № 11–3. – С. 106–113.

3. Титаренко Л.Г. Место и роль интеграции систем высшего образования в международном сотрудничестве стран ЕАЭС / Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2018. – № 1–2. – С. 319–321.

4. Аветисян П.С. Формирование образовательного пространства СНГ в условиях глобализации (социально–философская концепция). – Ереван: НАН РА, 2007. – С. 34.

5. Консультативное заключение Суда ЕАЭС по делу P–3/18 от 07.12.2018 [Электронный ресурс] Вид доступа: https://courteurasian.org/court_cases/eaec/P–3.18/. – Дата доступа: 10.02.2023.

6. Индикаторы интеграции в рамках ЕАЭС, ЕС, АСЕАН, МЕРКОСУР и ЮАТС [Электронный ресурс] Вид доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/1d9/Spravka_rezultaty-obnovleniya-2021-v2.pdf. – Дата доступа: 10.02.2023.

ОСНОВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАУЧНО–ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В РАМКАХ ЕАЭС

С. А. Минич,

*младший научный сотрудник
Национального центра законодательства и
правовых исследований Республики Беларусь,
соискатель Академии управления при
Президенте Республики Беларусь
Беларусь, г. Минск, ул. Берсона 1а, ekabpils75@mail.ru*

Формирование эффективного законодательства относительно научно–технологического сотрудничества выступает базовой составляющей обеспечения кооперации научных потенциалов и преимуществ государств – членов ЕАЭС для выполнения совместных масштабных высокотехнологичных проектов и реализации межгосударственных программ. В статье рассмотрены документы ЕАЭС, закладывающие правовую основу регулирования научно–технологического сотрудничества. Акцентируется внимание на то, что в развитии межгосударственного сотрудничества по всему спектру отношений в научной сфере ключевую роль играет договорно–правовое регулирование как в двустороннем, так и многостороннем форматах. Сделан вывод о необходимости создания единого научно–технологического пространства с участием всех государств – членов ЕАЭС, чему будут способствовать активные шаги по разработке многосторонних соглашений о научно–технологическом и инновационном сотрудничестве в рамках ЕАЭС и долгосрочных наднациональных стратегий по данному направлению.

Ключевые слова: правовое регулирование, научно–технологическое сотрудничество, Евразийский экономический союз, многосторонние договоры.

Борьба за лидерство в научных разработках и инновационных решениях на международной арене, ускорение технико–технологической модернизации мировой экономики зачастую не позволяют странам самостоятельно идти в ногу с достижениями научно–технологического прогресса, ориентированными на потребности экономики, действовать на опережение и защищать возможности, открываемые технологическим развитием. Многие из них объединяются в рамках межгосударственных региональных организаций с целью сотрудничества и достигают своего устойчивого развития. Такие интеграционные союзы требуют создания эффективной правовой базы для регулирования общественных отношений, возникающих в ходе взаимодействия их участников. В исследовании рассмотрены основы правового регулирования научно–технологического сотрудничества в рамках ЕАЭС.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы научного познания (диалектический, общелогический, системный и структурный подходы), а также специальные методы: историко–правовой, формально–юридический, метод сравнительного правоведения).

Сегодня мир стоит на пороге смены укладов, своего рода перезагрузки во всех сферах жизнедеятельности человечества. Каждый институт общества подстраивается под новые технологии. Укрепление научного, научно–технологического (научно–технического), интеллектуального потенциала и инно–

вационное развитие – приоритетная задача государственной политики большинства постсоветских стран. Прорывные открытия, переход к передовым цифровым технологиям, роботизированным и интеллектуальным системам, развитие цифровых инфраструктур и экосистем требуют интеграции усилий стран по целому спектру вопросов, в том числе и в направлении международного научно-технологического сотрудничества, с целью выработки гибких правовых механизмов для максимально полного, целевого использования потенциала науки, взаимовыгодного обмена знаниями и повышения конкурентоспособности национальных экономик на глобальных рынках. Целесообразность укрепления международных связей, концентрации и координации усилий по созданию целостной системы правового регулирования научно-технологического сотрудничества в рамках межгосударственных региональных организаций для достижения высоких результатов в различных секторах экономики, выступает необходимой мерой обеспечения безопасности в условиях беспрецедентных санкций со стороны западных стран, создающих новые угрозы и риски.

Евразийский экономический союз является ярким примером наднациональной организации, позволившей вывести международное научно-технологическое сотрудничество на новый уровень и тем самым повысить конкурентоспособность экономик государств, входящих в ее состав. Вместе с тем, следует отметить, что на современном этапе интеграционные возможности ЕАЭС в научной сфере используются не в полной мере.

Основным документом международной организации региональной экономической интеграции, регламентирующим вопросы сотрудничества в научно-технологической (научно-технической) сфере выступает Договор о создании ЕАЭС (далее – Договор о ЕАЭС). Базовые основы консолидации усилий государств-членов ЕАЭС по всем ключевым направлениям заложены в абз. 3 ч. 1 ст. 4 Договора о ЕАЭС, где в качестве одной из целей Союза определена всесторонняя модернизация, кооперация [3].

В силу отсутствия в Договоре о ЕАЭС специального раздела, регулирующего вопросы научно-технологического (научно-технического) взаимодействия, его аспекты в той или иной мере определяются в положениях, касающихся интеллектуальной собственности, промышленности, агропромышленного комплекса, транспорта и др. [3]., демонстрируя, в свою очередь, важность развития науки и инноваций, совместных научных исследований как составной части многостороннего сотрудничества. Однако Договор о ЕАЭС не предусматривает программу интеграции в данной области.

К ключевым документам, составляющим фундамент правового регулирования научно-технологического сотрудничества государств-членов ЕАЭС, следует также отнести Решения Высшего Евразийского экономического совета. В частности, Решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. № 12 в рамках раздела 8 Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года предусмотрено объединение усилий для стимулирования проведения совместных научно-исследовательских работ [5].

Решением Высшего Евразийского экономического совета от 16 октября

2015 года № 28 в качестве одного из центральных направлений экономического развития ЕАЭС до 2030 года определено инновационное развитие и модернизация экономики (направление 3). В рамках данного направления, в частности, законодателем отмечено, что «в современных условиях экономический рост развитых стран обеспечивается уровнем научно-технического потенциала и достижениями наукоемких отраслей» [4].

В Декларации о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза от 6 декабря 2018 г. взято за основу направление по формированию «территории инноваций» и стимулирование научно-технических прорывов (раздел 2) [2]. С точки зрения М. В. Шугурова «заявленные стратегические задачи позволяют со всей уверенностью судить о том, что Союз движется к общему пространству науки, технологий и инноваций, без чего достижение цели повышения глобальной экономической конкурентоспособности просто невысказано» [6].

В контексте договорно-правового регулирования научно-технологического сотрудничества государств – членов ЕАЭС следует отдельно выделить Договор о координации действий по защите прав на объекты интеллектуальной собственности, направленный на охрану и защиту прав на объекты интеллектуальной собственности в целях обеспечения взаимных интересов стран по всем стержневым вопросам данной сферы.

Не последнюю роль в формировании единого правового поля для научно-технологического развития играют решения Совета Евразийской экономической комиссии и решения Евразийского межправительственного совета. Так, например, в целях сбора и обработки информации о передовых национальных и мировых достижениях научно-технического развития, активизации научного потенциала государств – членов для совместного решения прикладных задач по разработке инновационных продуктов и технологий, их внедрению в промышленное производство решением Евразийского межправительственного совета утверждено Положение о формировании и функционировании евразийских технологических платформ. Разработка и принятие данного положения выступила перспективным шагом на пути к укреплению международного сотрудничества в рассматриваемой сфере. Евразийские технологические платформы, как отмечают Е. В. Бертош, Э. Ю. Вишневецкая, позволяют сосредоточить интеллектуальные и материальные потенциалы на наиболее перспективных направлениях научно-технологического развития ЕАЭС и способствуют интеграции бизнеса и науки [1].

Действенными правовыми инструментами регулирования развития союзной науки в рамках ЕАЭС выступают двусторонние соглашения, позволяющие более детально синхронизировать цели и задачи научно-технологического сотрудничества, объединить научные потенциалы отдельных стран, для реализации совместных научных исследований, программ и проектов по наиболее актуальным направлениям.

Примером устойчивого эффективного двустороннего взаимодействия в научно-технологической сфере на современном этапе выступают российско-белорусские отношения. Республика Беларусь и Российская Федерация в рамках Союзного государства сформировали общее научно-технологическое про-

странство, что позволило обеспечить гармонизацию законодательства этих стран в научной сфере, создало равные возможности для работы белорусских и российских ученых по выполнению совместных исследований и разработок. Основной организационно-правовой механизм реализации научно-технической политики Союзного государства – научно-технические программы.

Однако, комплексные проекты «большой науки» реализовать силами двух–трех государств – достаточно сложная задача. Абсолютно все государства–члены ЕАЭС обладают значительным научно-технологическим потенциалом, что позволяет межгосударственное региональное сотрудничество выстраивать на многосторонней основе, формируя прочную научно-технологическую платформу ЕАЭС. Масштаб такой совместной деятельности в научной сфере, безусловно, выступит более мощным проводником ускоренной технологической эволюции, будет способствовать обеспечению научно-технологической и экономической безопасности государств – членов ЕАЭС.

Таким образом, перспективным направлением дальнейшего международного научно-технологического сотрудничества представляется заключение многосторонних межправительственных соглашений о научно-технологическом и инновационном сотрудничестве в рамках ЕАЭС. Кроме того, следует рассмотреть возможность разработки долгосрочных наднациональных стратегий по вопросам научно-технологического сотрудничества, которые должны основываться на новых моделях взаимодействия государств в научной сфере, прогрессивных формах и способах сотрудничества, и способствовать сближению национальных научно-технологических возможностей, обеспечить устойчивое развитие экономик государств – членов ЕАЭС.

На наш взгляд, такой подход будет способствовать:

- укреплению международных связей и взаимовыгодного научно-технологического сотрудничества в рамках ЕАЭС;

- максимальному использованию потенциала науки для социально-экономического развития государств – членов ЕАЭС;

- реализации в полном объеме международно признанного права человека и народов на равноправное участие в научно-технологическом прогрессе и использование его достижений;

- обмену и передаче научных знаний, технологий и инноваций в более сжатые сроки;

- четкому информированию всех государств–членов ЕАЭС о перспективных направлениях и планах в области фундаментальных и прикладных научных исследований;

- сбалансированному развитию национальных научно-технологических потенциалов;

- созданию справедливого международно-правового порядка в сфере науки и технологий;

- реализации межгосударственной научно-технологической (научно-технической) и инновационной политики;

- ускорению технико-технологической модернизации национальной экономики государств – членов ЕАЭС;

гуманному, цивилизационно-прогрессивному использованию высоких технологий в интересах мира и на благо человечества и др.

Возможности ЕАЭС в научно-технологической сфере безграничны. Использование в полном объеме огромного интеграционного научного потенциала ЕАЭС зависит от четко скоординированных действий и инициатив государств–членов, от выработанных законодательных основ по вопросам сотрудничества. Дальнейшее углубление процессов евразийской интеграции позволит расширить возможности взаимовыгодного международного научно-технологического взаимодействия и совместными усилиями решать высокотехнологические задачи в рамках комплексных проектов, научно-технических программ и научных исследований. Одним из условий формирования единого научно-технологического пространства ЕАЭС являются шаги в направлении разработки многосторонних соглашений о научно-технологическом и инновационном сотрудничестве между государствами – членами ЕАЭС и наднациональных стратегий в научной сфере.

Библиографических ссылки

1. Бертош, Е. В. Научно-техническое сотрудничество как фактор экономического развития ЕАЭС / Е. В. Бертош, Э. Ю. Вишневская // Материалы форума «Перспективы евразийской экономической интеграции», посвященного 10-летию Евразийской экономической комиссии в рамках 18-го Междунар. науч. семинара «Мировая экономика и бизнес-администрирование»: материалы XX Междунар. науч.–техн. конф., Минск, 16–17 марта 2022 г. / Межд. программ. комитет С. В. Харитончик, А. В. Данильченко [и др.]. – Минск: ОДО «Изд-во «Четыре четверти», 2022. – С. 27–29.

2. Декларация о дальнейшем развитии интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза, 6 дек. 2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01522031/ms_10122018. – Дата доступа: 10.02.2023.

3. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс]: [подписан в г. Астане 29.05.2014 г.] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2023.

4. Об основных направлениях экономического развития Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]: Решение Высшего Евразийского экономического совета № 28 [принято в г. Бурabay 16.10.2015 г.] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь – Минск, 2023.

5. О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года [Электронный ресурс]: Решение Высшего Евразийского экономического совета № 12 [принято в г. Минске 11.12.2020 г.] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь – Минск, 2023.

6. Шугуров, М. В. Евразийские технологические платформы как аттракторы научно-технологической и производственной интеграции в рамках ЕАЭС: анализ правовых основ / М. В. Шугуров // Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 12–23.

**ОБ УЧЕБНОМ КУРСЕ ДИСЦИПЛИНЫ
«МЕЖДУНАРОДНОЕ НАБЛЮДЕНИЕ ЗА ВЫБОРАМИ
И РЕФЕРЕНДУМАМИ» И ПРОЕКТЕ «МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИНДЕКС
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (МИНЦ)»**

И. И. Мушкет,

*доктор юридических наук, профессор,
заместитель руководителя Секретариата Совета МПА СНГ – директор Международного
института мониторинга развития демократии, парламентаризма
и соблюдения избирательных прав граждан
государств – участников МПА СНГ,
Секретариат Совета МПА СНГ,*

191015, Россия, Санкт–Петербург, ул. Шпалерная, д. 47, Таврический дворец.

Е.В. Еременко,

*кандидат медицинских наук,
Заместитель директора Международного института
мониторинга развития демократии,
парламентаризма и соблюдения избирательных
прав граждан государств – участников
МПА СНГ (МИМРД МПА СНГ)
Секретариат Совета МПА СНГ,*

191015, Россия, Санкт–Петербург, ул. Шпалерная, д. 47, Таврический дворец

В статье рассмотрены вопросы создания учебного курса дисциплины «Международное наблюдение за выборами и референдумами», рассказано о создании проекта «Международный индекс научного цитирования (МИНЦ)».

Ключевые слова: учебный курс, международное наблюдение за выборами и референдумами, МИМРД МПА СНГ, Санкт–Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, Международный индекс научного цитирования (МИНЦ), Экспертный совет МПА СНГ по науке и образованию, ВАК при Минобрнауки РФ, наукометрия.

Учебный курс «Международное наблюдение за выборами и референдумами (International Monitoring of Elections and Referenda)» подготовлен Международным институтом мониторинга развития демократии, парламентаризма и соблюдения избирательных прав граждан государств – участников МПА СНГ (МИМРД МПА СНГ) совместно с факультетом международных отношений Санкт–Петербургского государственного университета в соответствии с Планом приоритетных мероприятий в сфере гуманитарного сотрудничества государств – участников СНГ на 2021–2022 гг. (п.2.31), утвержденным решением Совета глав правительств СНГ от 6 ноября 2020 года⁶.

Решением Экспертного совета МПА СНГ по науке и образованию от 15 ноября 2022 г. поддержан представленный Главным ученым секретарем ВАК

---

⁶ Решение Совета глав правительств СНГ от 6 ноября 2020 года о Плане приоритетных мероприятий в сфере гуманитарного сотрудничества государств – участников СНГ на 2021–2022 годы // Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств. URL: <http://cis.minsk.by/reestr2/doc/6299#text>.

при Минобрнауки РФ проект по созданию Международного индекса научного цитирования (далее – МИНЦ).

Об учебном курсе.

Для методического обеспечения преподавания учебного курса студентам магистратуры факультета международных отношений Санкт–Петербургского университета по направлению подготовки 41.04.05 – «Международные отношения» авторским коллективом в составе: Амбурцев Р.А.; Анисимова Ю.В.; Барышников Д.Н., кандидат политических наук, доцент; Еременко Е.В., кандидат медицинских наук; Мушкет И.И., доктор юридических наук, профессор; Ткаченко С.Л. доктор экономических наук была подготовлена рабочая программа дисциплины⁷, в которую вошли курс лекций, план семинарских занятий и методические рекомендации.

С 15 февраля 2023 г. началось чтение курса для магистрантов факультета международных отношений СПбГУ.

В учебном курсе рассматриваются вопросы генезиса и современного состояния института выборов, их роль в общественной жизни, формы и методы правового регулирования избирательного процесса, избирательные системы, способы организации выборов и наблюдение за выборами.

Дается подробная характеристика целей, задач, принципов, норм и практики осуществления международного наблюдения за выборами и референдумами на материале мониторинговой деятельности МПА СНГ и осуществляется сравнительный обзор деятельности других международных мониторинговых организаций.

Целью курса является формирование у обучающихся магистратуры базовых теоретических знаний и профессиональных компетенций в области международного наблюдения за выборами и референдумами.

Базовую основу дисциплины составляют стандарты демократических выборов, принципы, нормы и практика международного наблюдения за выборами в государствах – участниках Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств.

Исходя из междисциплинарного характера курса, а также комплексного подхода к изучению и практике международного мониторинга выборов основная цель предлагаемой дисциплины достигается за счет решения следующих взаимосвязанных задач:

- обобщение в рамках теоретического раздела курса важных юридических и политологических концепций выборов как формы политического участия граждан, механизма формирования представительных органов государственной и муниципальной власти;
- выявление основных характеристик существующих избирательных систем и этапов избирательного процесса;
- изучение принципов и стандартов демократических выборов, разработанных и используемых МПА СНГ;

---

⁷ Международное наблюдение за выборами и референдумами (International Monitoring of Elections and Referenda): рабочая программа дисциплины. Санкт-Петербург: Секретариат Совета МПА СНГ, 2022. 44 с.

- изучение нормативной базы для деятельности международных наблюдателей на выборах в отдельных государствах – участниках МПА СНГ;
- моделирование действий международных наблюдателей на отдельных этапах избирательной кампании и в день голосования;
- изучение опыта международного наблюдения за выборами ООН, БДИПЧ/ОБСЕ, Парламентской ассамблеи ОБСЕ, Европейского парламента и т. д.

О международном индексе научного цитирования.

Международный Индекс Научного Цитирования или International Science Citation Index (ISCI), реализованный на новой платформе хранения и измерения научной информации и выступающий альтернативой международным индексам цитирования, будет способствовать совершенствованию международно-научного сотрудничества и партнёрства в рамках СНГ.

Создание качественно новой системы оценки научной деятельности не может быть вне международного сотрудничества, что подтверждается опытом работы известных наукометрических баз данных, принадлежащих ведущим западным мультимедийным корпорациям.

Одновременно их опыт наглядно убеждает в необходимости развития альтернативных направлений подобного рода деятельности, чтобы избежать зависимости не только от возможностей оценки работы учёного, но и получения результатов, причём не только других учёных, но и своих собственных.

На повестке дня стоит задача создания новой международной системы оценки результатов научной деятельности в рамках государств – участников СНГ, основанной на опыте существующих баз данных, с творческим переосмыслением этого опыта и с применением новых методик и использованием совершенно новых уникальных количественных и качественных показателей.

Развитие наукометрии государств – участников СНГ станет одним из основных шагов в совершенствовании и развитии интеграционных научных процессов, а также послужит дополнительным инструментом развития научных коммуникаций ученых, расширит их возможности посредством прямого общения между собой в рамках личных кабинетов, что также является одним из составных элементов МИНЦ.

МИНЦ решает актуальную задачу создания комплексных индексов научного цитирования, сочетающих количественные и качественные показатели журналов. Основным вопросом является процедура и алгоритмизация ранжирования журналов, автоматического оповещения издателей о причинах понижения журнала в рейтинге, что даст возможность быстро исправить допущенные ошибки. За основу в МИНЦ предлагается использовать перечень журналов ВАК при Минобрнауки России с одновременным его расширением и включением в него (параллельным созданием) перечней рецензируемых изданий государств – участников СНГ. Методика оценки и мониторинга журналов, которые будут включаться в МИНЦ, предполагает их постоянную градацию. Используемые методы будут постоянно совершенствоваться.

К настоящему моменту в МИНЦ уже реализована возможность создания личных кабинетов авторов, журналов и организаций.

На странице публикации представлена информация об авторах, их аффи-

лиациях, название журнала, в котором опубликована статья, тип публикации и др. В личных кабинетах авторов представлена информация о количестве публикаций и патентов, цитирований, контактные данные, информация ISSN, информация об издательстве, вхождении журнала в международные базы данных, рейтинги авторов, причём как в национальной системе, так и в международных системах.

По результатам изучения курса студенты приобретут знания в области теории выборов и избирательных систем, законодательства, регулирующего международное наблюдение за выборами, получат базовые практические умения и навыки, необходимые при осуществлении международного мониторинга выборов.

В перспективе МИНЦ укрепит научное сотрудничество учёных стран СНГ и предоставит новые возможности для реализации собственного научного потенциала научным творческим коллективам и каждому учёному в отдельности.

Научное издание

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЕВРАЗИИ:
СОСТОЯНИЕ, ВЫЗОВЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Сборник научных статей
I Международной научно-практической конференции

(Республика Беларусь, Минск, 17 февраля 2023 г.)

*Материалы публикуются
в авторской редакции*

Технический редактор *Ж. Ю. Клименок*
Дизайн и верстка *И. П. Бондарович*

Подписано в печать 03.04.2023.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 11,04. Уч.-изд. л. 11,02.
Тираж 80 экз. Заказ 1020.

Издатель и полиграфическое исполнение:
ОДО «Издательство “Четыре четверти”».
Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя и распространителя печатных изданий
№ 1/139 от 08.01.2014, № 3/219 от 21.12.2013.
Ул. Б. Хмельницкого, 8-215, 220013, г. Минск.
Тел./факс: +375 17 350 25 42. E-mail: info@4-4.by